

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 4

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет;
Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS)
(Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении
(Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁНГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё –
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН,
Институт лингвистических исследований РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук
Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет
(Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный
университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной
университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН
(Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 4

Editor-in-Chief
Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

E d i t o r i a l B o a r d**E. ANISIMOV**

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNERGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, the RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, the RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, the RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

E d i t o r i a l C o u n c i l**A. ANTOSHCHENKO**

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Archangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Saint Petersburg State University of Cinema and Television (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Феклова Т. Ю.
		Премии Санкт-Петербургской Академии наук 63
АРХЕОЛОГИЯ		
<i>Шахнович М. М.</i>		<i>Мартысевич А. П.</i>
Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект	8	Советско-финляндская война: вопросы материально-технического обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе боевых действий 72
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Копанева Д. Д.</i>		К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I
Русско-персидские переговоры о денежной помощи при Михаиле Федоровиче Романове: история, характер, итоги	19	<i>Анисимов Е. В.</i>
		Петр Великий о Боге, болезнях и минеральной воде 79
<i>Харитонова А. М.</i>		<i>Шварц И.</i>
Сиам глазами русского дипломата (по дневниково-вым записям Г. А. Плансона)	27	«Десятник изволил ездить в Теплицы» (О пребывании Петра I на курорте Баден под Веной летом 1698 года) 86
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>Каменев Е. В.</i>		<i>Минаева Т. С.</i>
Антикосмополитический код советской историографии декабризма	34	Организация экспорта железа в России в эпоху Петра I 93
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Дианова Е. В.</i>		<i>Пашков А. М.</i>
Проведение метрической реформы в Карелии	43	Петровский курорт «Марциальные воды» в восприятии современников-иностранных 99
<i>Куренков Г. А.</i>		<i>Самойлов Н. А.</i>
Зашита военной тайны от шпионажа в начале холодной войны	54	Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века 107
		<i>Щепкин В. В.</i>
		Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии 115
Юбилеи		
		K 80-летию со дня рождения С. И. Кочкуркиной 123
		Contents 124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изда^{ий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года}

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 29.05.2020. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 60 экз.). Изд. № 72

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор
A. M. Пашков

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В данном номере представлены такие рубрики, как «Археология» (первая работа об археологии Троицкого Муезерского монастыря в Западном Беломорье М. М. Шахновича); «Всеобщая история» (статьи петербургских коллег Д. Д. Копаневой и А. М. Харитоновой); «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (статья петrozаводского исследователя Е. В. Каменева). Традиционно широко представлена рубрика «Отечественная история» статьями коллег из Москвы (Г. А. Куренков), Санкт-Петербурга (Т. Ю. Феклова), Петрозаводска (Е. В. Дианова, А. П. Мартысевич). Продолжает эту рубрику тематическая подборка статей, посвященных Петровской эпохе и ее восприятию в разных странах.

В последние годы ПетрГУ стал центром изучения Петровской эпохи. И это не случайно. Петр I был первым российским правителем, побывавшим на территории Карелии (тогда это был Олонецкий уезд). Причем приезжал он сюда пять раз. Это был поход по Осударевой дороге в 1702 году и четыре поездки на курорт «Марциальные воды». В 2022 будет отмечаться юбилей Петра I, этой дате мы посвящаем подборку статей, которая открывается публикацией известного историка Е. В. Анисимова «Петр Великий о боге, болезнях и минеральной воде», автор которой рассуждает об отношении царя Петра к лечению марциальными водами через его восприятие судьбоносных проблем в жизни любого человека (жизни, смерти, здоровья). Статья австрийской исследовательницы И. Шварц посвящена первому знакомству Петра I с лечением минеральными водами, которое состоялось на курорте Баден под Веной в ходе Великого посольства. Завершает тему лечения минеральными водами статья А. М. Пашкова «Петровский курорт “Марциальные воды” в восприятии современников-иностранцев». Историк из Архангельска Т. С. Минаева исследует принципиально важную тему – организацию экспорта железа из России в Западную Европу в петровское время. Статьи петербургских востоковедов Н. А. Самойлова и В. В. Щепкина посвящены малоизвестной в России теме – образу Петра I как образцу для подражания в странах, вступивших на путь модернизации значительно позднее, чем Россия, – Китае и Японии.

Завершает номер юбилейное поздравление члену редколлегии нашего журнала С. И. Кочкуркиной, научная деятельность которой сыграла определяющую роль в формировании археологии средневековой Карелии как направления.

Хочется надеяться, что публикации данного номера будут интересны читателям нашего журнала.

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Национальный музей Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
marksuk62@mail.ru

ТРОИЦКИЙ МУЕЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЗАПАДНОМ БЕЛОМОРЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья является первой работой об археологии Троицкого Муезерского монастыря в Западном Беломорье. Монастырь основан соловецким монахом Кассианом во второй половине XVI века на острове озера Муй. Это единственное место в Беломорской Карелии, где до наших дней сохранился прекрасный памятник церковного зодчества XVII века – храм святителя Николая Чудотворца. В 2019 году на территории усадьбы монастыря впервые проводились археологические работы. Основной задачей было выявление элементов древнего культурно-хозяйственного ландшафта монастырской усадьбы. Предполагалось уточнить границы памятника, локализовать на местности основные монастырские сооружения, понять их состояние, наметить стратегию последующих работ. Найдено большинство монастырских объектов, описанных в исторических документах. Это сгоревшая Троицкая церковь XVI века, каменная стена, ледник, остатки келий, каменный крест, кладбище. Новая информация увеличивает наши знания о позднесредневековых монастырях Карелии.

Ключевые слова: Троицкий Муезерский монастырь, озеро Муй, Западное Беломорье, монах Кассиан, ограда монастыря, ледник из валунов, каменный крест, археологические работы

Для цитирования: Шахнович М. М. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 8–18.
DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477

ВВЕДЕНИЕ

История православия Северо-Запада России в XVI–XVII веках отмечена всплеском «монастырской активности». На территории современной Карелии существовало около сорока разновеликих православных обителей. За небольшим исключением, все они были основаны местными крестьянами, выбравшими с юношества монашескую стезю и первоначально долгое время подвизавшимися в трех крупных духовных центрах Карелии: Валаамском, Соловецком и Александро-Свирском монастырях. Иноческие обители преимущественно локализовались в Южной Карелии – на островах побережий Онежского и Ладожского озер и связанных с ними внутренними водоемами (Ошгинский, Шуйский, Кижский, Андомский, Сердобольский, Олонецкий погосты). В Западном Прибеломорье, в Лопских погостах в XVII–XVIII веках единственная известная нам монашеская община – это Троицкий Муезерский монастырь, основанный соловецким постриженником преподобным Кассианом [6].

С конца XX века изучение позднесредневековых церковных древностей стало актуальным направлением в российских исследованиях. До 1990-х годов небольшие православные мо-

настыри Карелии редко становились предметом исторического и археологического изучения, не получая должного специального анализа и интерпретации. Ситуация изменилась в последнее десятилетие, когда археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия было проведено обследование ряда монастырских усадеб Русской Лапландии и Южной Карелии, что значительно восполнило существовавшие исследовательские лакуны [19], [20], [21].

Небольшое озеро Муй (8 x 5 км) располагается в 60 км к западу от г. Беломорска. Через приток Кеми, порожистую реку Охта, оно соединяется с Белым морем. Его берега – «темные», низкие, каменистые, местами заболоченные. В центральной части водоема находится остров Троицкий (1,8 x 0,5 км). Это единственное место в Беломорской Карелии, где до наших дней сохранился прекрасный памятник церковного зодчества XVII века – храм святителя Николая Чудотворца. Начиная с 1960-х годов на острове, где располагался Троицкий монастырь, побывали экспедиции реставраторов, этнографов, историков, краеведов. Появились публикации, посвященные различным аспектам его истории [7], [11], [14] и культовым сооружениям [1], [3], [10], [22], [23].

ИСТОРИЯ КАССИАНОВОЙ ОБИТЕЛИ

Муезерский монастырь возник на границе Ругозерской и Кемской волостей в царствование Ивана IV, не позднее начала 1570-х годов [23: 30], до образования вотчинного округа Соловецкого монастыря в 1592 году. В отводной книге сотника Семена Юрьевича (1591 год) есть краткие сведения о мужской обители в Маслозерской волостке:

«Да на Маслозерской ж земли на Муезере на острову монастырек, а в нем храм Троицы Живоначальных, пустынька, а в ней пять братов, а питаются от своих трудов лешею пашанкою и на озере рыбу ловят. Да на Муезере ж бобыльских 6 дворников»¹.

По преданию, основателем общежительной обители на острове озера Муй был постриженник Соловецкого монастыря Кассиан. Об этом местночтимом святом нет никаких биографических подробностей; время его преставления и прославления неизвестно [5]. В архивных документах имя строителя Кассиана впервые встречается в 1572/73 году [22]. Предположительно при строителе старце Алексии прп. Кассиан был канонизирован правящим новгородским архиереем. В описи 1714 года основатель назван «строителем преподобным Касьяном» [1: 159], что можно считать доказательством свершившегося к тому времени его прославления (канонизации) [7: 182]. В 1836 году его упоминает архимандрит Досифей (Немчинов) в своем труде по истории Соловецкого монастыря².

Полученные в начале XVII века царские податные льготы и жалованные земли позволили маленькому монастырю, удаленному от основных путей сообщения,звести все необходимые церковные, жилые и хозяйственные постройки. В середине XVII века монастырская усадьба включала два храма – Троицкий и Никольский, колокольню «о пяти столпах», пять отапливаемых братских келий «с сенми», сетную келью на берегу озера, большую келью для работников и монастырских служебников, хлебню и поварню, две конюшни, кузницу. В двух верстах от монастыря находилась его мельница с «келейкой малой с сенми теплыми» [23: 31]. В 1670-х годах построены новые кельи с чуланами, «анбар на струбах», квасоварня, «анбар казенной одножирной», «анбар на пристани двоежирной», отремонтированы церкви [7: 172]. Позднее появились только две новые часовни – «подле Николаевской церкви» и на берегу Муезера.

Братская община Муезерского монастыря была немногочисленна и не превышала в лучшие годы двух десятков монахов и послушников. Касьянова пустынь была приписана к Соловецкому монастырю до ее упразднения по секуляризационной реформе 1764 года. После этого при двух

монастырских церквях образовался небольшой приход, в состав которого входили соседние деревни Ушково и Афонино. Во второй половине XIX века уцелевшая Никольская церковь вошла в Маслозерский приход.

В 1974–1975 годах на Троицком острове проводились реставрационные работы под руководством архитектора А. В. Ополовникова. С Никольского храма сняли обшивку и заменили сгнившие бревна. А. В. Ополовников застал хорошо сохранившееся «кладбище старообрядческого типа» со сбитыми из досок домовинами на огороженных жердями изгородями семейных участках [12: 274–278]. На большинстве могил были установлены надгробные резные столбики «голубцы» с двускатной кровлей, широко распространенные на Русском Севере и в Карелии до начала XX века [10: 117].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2019 ГОДА

История изучения. В центральной части Беломорского района Карелии, на озерах Тунгудское, Машезеро, Березово (бассейн р. Тунгуда), в 1980–1990-х годах археологи П. Э. Песонен, А. П. Журавлев, А. М. Жульников открыли и исследовали раскопками более ста разновременных памятников археологии³. Соседняя гидросистема реки Охта, к которой относится озеро Муй, обследовалась ими выборочно. На отдельных участках побережий верховых озер были зафиксированы стоянки мезолита – энеолита (Кевятоzero I–VIII). В 1987 году П. Э. Песонен посетила озеро Муй (д. Ушково и остров Троицкий). Впервые целенаправленно Троицкий Муезерский монастырь был обследован в 2019 году археологической экспедицией НМРК под руководством М. М. Шахновича.

Методика работ. Перед выездом изучались доступные архивные, письменные и картографические источники, связанные с разными периодами истории Муезерской Касиановой обители. Это позволило очертить блок основных культовых, жилых и хозяйственных построек монастыря, существовавших в XVI–XIX веках. Методика полевой работы основывалась на личном опыте по обследованию монастырских усадеб позднего Средневековья – Нового времени в Карелии и Русской Лапландии.

В качестве участка для работ была избрана церковь свт. Николая Чудотворца и окружающая ее территория в восточной части острова. Первичной задачей было выявление и картографирование элементов древнего культурно-хозяйственного ландшафта на участке монастырской усадьбы. Предполагалось уточнить границы памятника, локализовать на местности основные монастыр-

ские сооружения, известные по историческим документам, понять их состояние, наметить стратегию последующих работ. Полученные результаты превзошли наши ожидания. По сравнению с другими монастырскими усадьбами Карелии Касьянова пустынь дошла до наших дней в хорошем состоянии, несмотря на то что через Муезеро проходит туристический водный маршрут.

Сакральная топография. По устоявшейся традиции общежительные монастыри России строились с соблюдением определенных правил. Место для монастыря не могло выбираться произвольно, а указывалось Божественным Промыслом и очищалось молитвой. При избрании пристанища для отшельнической жизни православные подвижники Карелии придерживались правил, по всей видимости, сложившихся в XIV–XV веках: предпочитались острова, узкие перешейки между озерами и вытянутые мысы, которые нередко в начальные периоды строительства обителей перекапывались каналами, превращаясь в символичные острова [17: 436]. В системе евангельской топографии вода выполняла функцию преграды, отделявшей сакральную территорию «умерших для мира». Это было подражанием святыне православного монашества – «саду Богородицы» – полуострову Афон. Данному принципу следовали основатели большинства монастырей Карелии в XV–XVII веках.

Немаловажным было и эстетическое восприятие места крестьянами как достойного сакрального приложения: «Есть у нас близ нашея деревни остров зело красен и велик... достойно де на сём острове бытии пустыне или монастырю и церкве»⁴. Укромный остров, выбранный прип. Кассианом на таежном озере, окруженному труднопроходимыми болотами и лесами, полностью соответствовал средневековому образу «пустыни» из северорусской житийной книжности. Возможно, он устроил монастырь недалеко от родных мест, подобно многим другим основателям карельских обителей.

Внутреннее структурирование монастырской усадьбы также было единообразным: четкое разделение освоенного пространства на сакральную и хозяйственные зоны с водным рубежом между ними; для внешнего контура церковно-жилой территории – выдерживание в плане четырехугольной формы; обязательное строительство ограды и двух «врат»; размещение рядом с церковью трапезной и братского кладбища, и в некотором удалении – жилых «келий» и основных «домовых» служб («хлебня и поварня, келья проскуренная», амбары, погреба, ледники); вынесение «коровьего двора со стаями и салями» и дворов «бельцов» за пределы монастырской стены [6: 78].

Местонахождение Касьяновой пустыни локализуется на восточной оконечности Троицкого острова. Основные монастырские сооружения располагались на ровной, с небольшим уклоном к югу, востоку и западу площадке, на высоте 9–11 м над озером. К началу наших исследований остатки монастыря, за исключением церкви и часовен, находились в археологизированном состоянии. Культурный слой памятника сильно не потревожен «поздним» антропогенным воздействием. По данным визуального осмотра, площадь его распространения предварительно определена в 8600 м² (125 x 65 м).

Большая часть расчищенной от камней монастырской территории после официального закрытия обители и до недавнего времени использовалась жителями ближайших деревень под покосы. Сейчас здесь растет смешанный лес, на песчаных склонах – средний сосняк. Заповедной считалась зона вокруг сакральных объектов (церковь, кладбище и две часовни). Именно здесь можно увидеть вековые ели диаметром до 1,2 м.

Опишем основные выявленные монастырские объекты.

Церковь свт. Николая Чудотворца располагается в 87 м к западу от восточной оконечности острова. В период существования монастыря этот участок берега, скорее всего, был полностью обезлесен. Два храма выступали символыми доминантами озерного ландшафта, организующими окружающее природное и рукотворное пространство.

По сложившейся концепции зимнюю церковь срубили и освятили не ранее 1602 года [10], [12], но существует и мнение о более ранней дате постройки в 1573 году. Храм изначально имел трапезную и притвор, в который вело двувходное крыльцо (паперть) под двускатной крышей. В левом углу трапезной, как в простых курных избах, располагалась печь-каменка из булыжного камня (рис. 1). Под церковью, установленной на высоком подклете, находился «подвало кладовой», где стояла вторая черная печь для отопления [11: 197]. В начале XX века в четырех маленьких окнах в паперти и алтаре сохранялись рамы со слюдой. Последний в досоветское время ремонт древнего храма проводился в 1892–1901 годах. Тогда в паперти заменили сгнившие бревна, постелили новую крышу на всю церковь; три стены (кроме западной) были обшиты [7: 178]. К настоящему времени облик Никольской церкви существенно изменился. Крыльцо, паперть и келарская исчезли⁵. Храмовое здание состоит из двух неодинаковых клетей, конструктивно связанных общей стеной. Первая клеть, вытянутая с востока на запад, вмещает алтарь и помещение

для молитвы, а вторая, квадратная – трапезную. Восточная часть алтаря и трапезная покрыты двускатными слеговыми кровлями. Над западной частью церкви возведен приземистый восьмерик, над ним – шатер с луковичной главкой [7: 179].

Рис. 1. Муезерский монастырь. Церковь свт. Николая Чудотворца. Вид с запада. 2019 год. Фото автора

Fig. 1. Muezersky Monastery. The Church of Saint Nicholas. West-side view (2019). Picture taken by the author

Перепад поверхности склона холма по длиной оси здания (запад – восток) составляет около 1,2 м. Для нивелирования общего уровня храма создан сплошной ленточный фундамент в траншее. Его конструкция проста и традиционна для деревянных храмов Карелии. Использовался местный материал – валуны без обработки, облицовка фасада отсутствовала. В западной части Никольской церкви кладка невелика: под бревна подложены небольшие уплощенные камни толщиной до 0,1 м; в противоположной, восточной – использовались уже массивные валуны. Например, под юго-восточным углом здания находится камень размерами 1,1 x 0,5 x 0,4 м. Нельзя полностью исключить ситуацию, что фундамент – более поздний, чем здание церкви. Такая практика последующей несложной конструкционной доработки церквей также известна: под сруб при замене нижних венцов подводились «стулья».

Градусные направления здания церкви и рядом находящейся часовни Образа Спаса Нерукотворного совпадают. Предположительно они «увязаны» друг с другом и выстроены позднее часовни-гробницы прп. Кассиана, которая ориентирована точно по линии запад – восток, без обычной погрешности в широтном склонении. В раннем русском храмовом строительстве алтари ориентировались не на восток как таковой, а на восход солнца. Географический восток и место восхода солнца не совпадают, поэтому большинство древнерусских церквей ориенти-

рованы апсидаами к астрономическому востоку с существенными отклонениями от канонического направления⁶.

С западной стороны церкви после удаления растительности наблюдался невысокий земляной валик (высотой 0,15 м), вероятно, оставшийся от стен сруба, длиной 6,5 м (запад – восток). Он примыкает к сохранившемуся зданию. Компактную груду камней (2,5 x 4,5 м и высотой до 0,3 м) к северу от современной входной лестницы можно предварительно интерпретировать как развал большой печи-каменки.

По севернорусской храмостроительной традиции около церкви, с западной стороны, по одной оси или немного в стороне, возводилась колокольня. Утраченная к середине XIX века [11: 195], предположительно она стояла на месте, где сейчас находятся современные могилы. Существует гипотеза, что монастырская колокольня имела не срубное основание и каркасный верх, а была установлена на четырех столбах. Такого рода «облегченные» звонницы известны на Русском Севере⁷.

Часовня Образа Спаса Нерукотворного. Деревянный сруб часовни находится в 10,8 м к северо-западу от Никольской церкви, то есть первоначально она располагалась вплотную к зданию храма. Это небольшая клеть, срубленная «в обло» и обшитая тесом. На ней построена четырехгранная шатровая кровля, увенчанная деревянным восьмиконечным крестом (рис. 2).

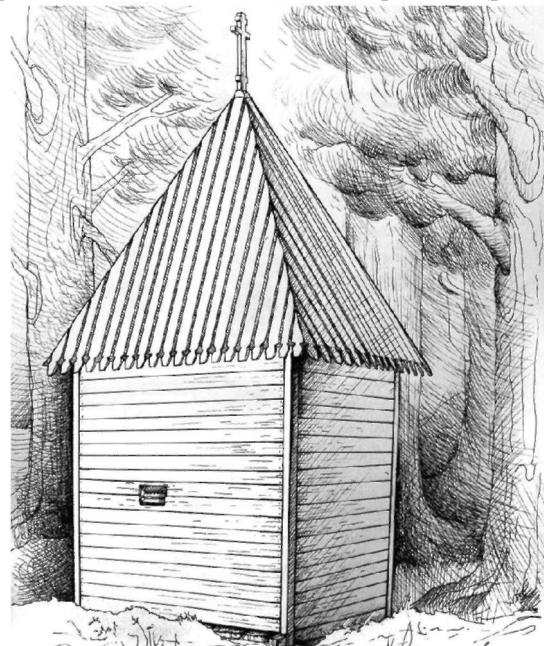

Рис. 2. Муезерский монастырь. Часовня Образа Спаса Нерукотворного. Рисунок М. Александровой

Fig. 2. Muezersky Monastery. The Chapel of the Holy Image of Our Saviour Not Made by Human Hands.
Drawing by M. Aleksandrova

Помещение освещается через небольшое оконце, прорубленное в южной стене. Невысокий фундамент и вымостка при входе сделаны из плоских необработанных плит гранита (max 0,6 x 0,7 м). По оценке специалистов, к XVII веку относятся стены, за исключением нескольких верхних венцов, и сохранившееся косящатое окошко над дверью. В XIX веке был расширен дверной проем, на кровле поверх старого нижнего слоя теса положили новый, более тонкий, с резными пиками на концах, а сруб был обшит и покрашен [7: 172]. В часовне, сразу после постройки, был установлен монументальный четырехметровый обетный крест с резным распятием. Надпись на его подножии сообщает о времени поставления в 1681 году:

«Лета 7189 го года апреля во день поставил сий крест старец Алексеи Муезерской пустыни на поклонение православным крестьянам и по своему обещанию» [1: 157].

Справа от входа возле окна стоял второй поклонный крест, несколько меньшего размера, «с резными в кругах буквами», поставленный по обету старцем Алексием (Ермаковым):

«Лета 7190 июля в 5 день поставил сей крест старец Алексей на поклонение православным крестьянам» и «Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его, Кресту Твоему поклоняемся Владыко. Крест красота всяя вселенныя» [8], [10: 117].

В 1961 году распятие было снято с креста, разобрано и перевезено в Русский музей.

Над входом в часовню было укреплено резное изображение шатрового собора с иконой Спаса Нерукотворного: «с шатровой главой и входною дверью с двумя окнами по бокам...» [8: 389], ныне хранящееся в Государственном Русском музее [11: 189–190]. Перед входом в часовню сохранялась каменная плита, на которой по преданию «приплыл» святой Кассиан Муезерский. Легендарный камень, точнее три его фрагмента (0,9 x 0,5 м, 0,75 x 0,45 м, 0,55 x 0,32 м, толщина 4 см), сейчас лежит в 3 м к западу от часовни. По рассказам он был расколот рабочими при реставрационных работах в 1980-х годах.

Часовня над могилой прп. Кассиана. Скромная часовня, накрывшая могилу основателя, находится в 16,9 м к западу от часовни Образа Спаса Нерукотворного. При строителе Алексии (Ермакове), как сообщается в описи 1679 года, был «вновь над строителя Муезерская пустыни над Касьяна гробнице сделан киот с дверьми и покрыт новым тесом» [1: 159]. Предполагается, что до этого времени место захоронения старца Кассиана не выделялось в монастырском пространстве. Допедшее до нас часовенное здание, рубленное «в лапу», построили предположитель-

но в конце XIX века на месте более раннего. Из-за своей клетской конструкции часовня напоминает простой маленький амбар под двускатной крышей. Внутри – пустая дощатая рака, «похожая на обычный сундук». Приходившие в Муезерский монастырь паломники обязательно поклонялись могиле основателя и оставляли рядом с ней свои приношения. Размеры часовни – 3,55 x 3,5 м. Сруб поставлен на каменный фундамент (высота 0,25 м) из сложенных на сухо в два ряда необработанных камней средней величины. К часовне примыкает (в 2,2 м к северо-западу) хорошо заметная выкладка из крупных задернованных валунов (до 0,9 x 0,9 x 0,6 м) в плане П-образной формы. Размеры по внешнему контуру – 3,7 x 4 м, по внутреннему – 2,2 x 2,3 м, высота – 0,6 м, ширина (северная стенка) – 1,2 м. Назначение сооружения непонятно, но, возможно, это фундамент навеса над поклонным крестом.

Церковь во имя Святой Троицы. В 16 м к западу от часовни прп. Кассиана зафиксирована впадина прямоугольной формы (11 x 8,5 м), ориентированная по длинной оси – юго-запад – северо-восток. Впадина задернована, плотно заросла крупными елями и березняком, имеет ровное дно глубиной до 0,4 м. По ее периметру хорошо виден характерный валик от стен высотой 0,35 м и шириной 0,6 м. С восточной стороны к ней примыкают две округлой формы ямы неясного назначения диаметром 2,4 м и 3 м и глубиной до 0,35 м. Скорее всего, это остатки первой монастырской церкви.

В письменных документах Троицкая церковь впервые упоминается в отводной книге, составленной сотником Семеном Юрьевым в 1591 году при передаче Соловецкому монастырю земель в Кемской и Подужемской волостях:

«Да на Маслозерской ж земли на Муезере на острову монастырек, а в нем храм Троицы Живоначальные, пустынька, а в ней пять братов, а питаются от своих трудов лешею пашанкою и на озере рыбу ловят. Да на Муезере ж бобыльских 6 дворников»⁸.

В описи Муезерской пустыни 1705 года она описывается более подробно:

«...церковь живоначальная троицы деревяная с трапезою холодная клинчатая. Глава обита чешуею деревяною, крест на главе осмоконечной, та церковь и олтарь и трапеза и за нею паперь покрыты тесом з зубцами...» (цит. по [11: 190]).

Незадолго до закрытия монастыря обетивший Троицкий храм в 1751 году был отремонтирован и заново освящен. Год, в котором церковь погибла в пожаре, неизвестен (конец XVIII – начало XIX века?) [8], [11: 193].

«Дом с печами». В 15 м на юго-восток от Никольской церкви находятся остатки здания, возможно, двухэтажного, с двумя печами. Хорошо видны следы стен – ровный задернованный валик на месте истлевших нижних бревен высотой 0,35 м и шириной 0,3 м. Размеры 10 x 19 м, ориентация по длинной оси – север – юг. В северной части дома находятся две большие печи и одна невысокая каменная кладка неясного назначения. Печи задернованы, поросли деревьями, сложены из крупных необработанных камней, в плане окружной формы, с плоской вершиной, размерами 4,5 x 5,5 м и 3 x 5 м, высотой 1,4 x 1,5 м.

«Ледник». В 20 м к востоку от Никольской церкви находится хорошо сохранившееся сооружение из камней, которое можно интерпретировать как каменный ледник [20: 261–264]. Его верхняя часть и стенки выложены «насухо» из крупных валунов (max 1,1 x 0,8 м). Размеры по внешнему контуру – 3,7 x 3,6 м, по внутреннему – 1,9 x 1,2 м, глубина – 1,3 м. Скорее всего, он взаимосвязан с «домом с печами», который располагается в 7 м к югу. Ледники как специальные сооружения для хранения скоропортящихся продуктов широко известны в лесной зоне Европы. Ледяные глыбы весной вырезались специальными пилами и плотно укладывались в промороженную и проветренную за зиму яму погреба. Позднесредневековые ледники в Центральной России имели для отвода талой воды специальные желоба и колодцы, а также отдушины для вентиляции [9: 47]. В нашем случае песчаное дно позволяло осуществлять процесс дренирования без дополнительных конструкций. Поверх котлована ледника мог быть построен однокамерный бревенчатый сруб – «напогребник», хотя есть описания и «облегченных» конструкций без крыши, с перекрытием льда и продуктов соломой и досками⁹. Ледники, погреба, амбары входили в хозяйственную зону внутримонастырского пространства и обычно располагались около трапезной, кухни, хлебни. Ледник Муезерского монастыря отличается от немногочисленных исследованных раскопками погребов и известных по этнографическим материалам объектов на «новгородских землях» Русского Севера¹⁰. Использование «булыжного» камня при строительстве погребов в сельских и городских усадьбах мириян здесь неизвестно. Стенки ям котлованов во избежание осыпания обычно обшивались плахами, берестой, обмазывались глиной или же внутри них делался бревенчатый сруб¹¹. Редкие каменные погреба-ледники единичны в крупных северных монастырских хозяйствах. Как показал анализ работ по данной тематике, обкладка камнями была строительной традицией «москов-

ской» округи [2], [4]. Ледник на Троицком острове – это второй объект подобного рода в Карелии. Еще один раскапывался в 2008 году на усадьбе Троицко-Сунорецкого монастыря в Западном Прионежье [20: 261–264]. В обоих случаях мы имеем дело с копированием образцов «каменного дела» Соловецкой обители.

«Ограда». В двух местах усадьбы, на юго-западном и северном участках берегового склона, зафиксированы хорошо сохранившиеся каменные «оградки». Наиболее выразительная невысокая «стенка», в 30 м к северу от часовни Образа Спаса Нерукотворного, располагается на краю террасы. Она полностью задернована, вытянута по прямой с севера на юг: длина – 12,5 м, ширина – 1,5 м, высота над уровнем озера – около 8 м, засыпка песком между камней отсутствует. Два-три ряда уплощенных необработанных камней средней величины (max 0,7 x 0,6 x 0,2 м) уложены до уровня 0,5–0,7 м от с. д. п. Заглубление конструкции в землю не отмечено. Несколько нижних валунов продолжаются в почву, то есть их использовали в естественном состоянии (рис. 3). Второй участок монастырской ограды – в юго-западной части усадьбы, в 35 м на северо-восток от часовни прип. Кассиана. Он в два раза протяженнее первого – 22 м. Расположен также на краю склона террасы, на высоте 8 м, вытянут с юго-запада на северо-восток, повторяет изгиб рельефа. Данная «стенка» невысокая – до 0,35 м, шириной до 1 м и сложена из небольших камней (диаметром до 0,35 м). Визуально они похожи на остатки валунных оснований невысоких деревянных стен, традиционно возводимых вокруг монастырей: «а около того монастыря вкруг ограда деревянная, крыта тесом» и сельских прицерковных кладбищ. Фортификационное назначение для них изначально не предполагалось. Ограда – это необходимое завершение архитектурной композиции ансамбля обители. Монастырская стена, как и водная преграда, имеет значение видимых символических препятствий, отделяющих сакральную территорию – земное подобие Рая – от материальной сути грехового мира: «ограда крепка, токмо не высока»¹².

На кладбищах и в монастырях на отдельных участках конструкция ограды могла быть различной [13], [16]. И не всегда они полностью замыкали территорию монастырской усадьбы или сельского некрополя [15]. Они могли «прикрывать» только «проблемные места», чаще всего с «фасада», где происходило наибольшее соприкосновение с внешним миром: около ворот, в местах дорожных подъездов, на береговых склонах с видом на соседние деревни. В Муезерском монастыре первая стена ориентирована на дорогу от

пристани к церкви, вторая – на деревню Авдеево на противоположном берегу озера. Существующий значительный незаполненный разрыв между «оградками» можно объяснить незаконченностью сооружения или возможным восполнением недостающих участков по периметру обители «облегченным» вариантом жердевой изгороди.

Рис. 3. Муезерский монастырь. Валунная «ограда». Вид с востока. 2019 год. Фото автора

Fig. 3. Muezersky Monastery. Stone fence. East-side view (2019). Picture taken by the author

Кладбище обычно располагается рядом с церковью. По опыту обследования монастырских некрополей историю островного могильника на Муезере можно разделить на три условных периода: 1. Братское кладбище в период существования монашеской обители (конец XVI – середина XVIII века). Оно могло быть около алтарей церквей с южной стороны или на специальном обособленном участке в границах монастырской усадьбы; 2. Кладбище в недолгий временной период после закрытия монастыря (2-я половина XVIII века) – деление погребальных зон на «старую» – монастырскую и «новую» – мирскую; 3. Приходское прицерковное кладбище деревень близлежащей округи на «острове мертвых» (XIX–XX века). Захоронения производятся на статусных местах вокруг храма и на «семейных участках», иногда на существенном удалении от церкви.

Традиционное, преднамеренное небрежение карел к поддержанию могил «в опрятности» приводило к тому, что по прошествии не более пятидесяти лет наземные следы захоронений терялись. Кроме того, монашеские погребения в северных монастырях сознательно делались без надмогильных сооружений (насыпи, домовины, кресты и т. п.). К этому нужно добавить обычную «текучесть» в XVI–XVII веках в общине обители и, соответственно, утрату памяти о захороненных. Поэтому при отсутствии необходимости экономии кладбищенской территории более ранние могилы постоянно нарушались поздними мо-

гильными ямами. Могилы устраивались преимущественно вне храма, около церковных стен [21]. «Престижными» считались восточный алтарный сектор, где погребали священников, монахов, и западный участок по обеим сторонам крыльца. Погребения существовали и внутри церквей, в подклети. В алтарной части приходских храмов погребали, а иногда просто «складировали» домовины с умершими младенцами до года. Некрещеные новорожденные и мертворожденные в деревянных ковчежцах и выкидыши в берестяных «кулечках» подзахоранивались снаружи к стене церкви, вдоль ее периметра. Внутри храма производились и погребения «взрослых»: наиболее значимых членов братии могли хоронить в южной части алтаря (в дьяконнике), а мирян – в притворе.

В настоящее время остатки сельского кладбища (могильные холмики, столбики и кресты) второй половины XX века хорошо видны к югу, западу, востоку и северо-западу от Никольской церкви. Надгробные резные столбики, уже очень ветхие, сейчас стоят не на могилах, а прислонены к ближайшим деревьям.

Каменный крест найден в 18 м к западу от часовни прп. Кассиана. Он был основательно заглублен в грунт с закреплением нижней части между камней. Первоначально крест установили вертикально, но со временем он накренился к югу. Скорее всего, он отмечает место алтаря сгоревшей церкви Святой Троицы. Крест изготовлен из плоского камня: длина – 0,81 м, ширина – 0,15 м в его верхней части, 0,19 м на уровне земли и 0,21 м в нижней части, толщина – 0,05 м. Длина надземной части составляла всего 0,36 м. Здесь на торцах сделаны по две округлых выемки, намечающие непропорционально короткие боковые выступы, что придало верхнему окончанию «крестообразную» форму. Боковые плоскости торцов имеют естественную скругленность. Следы обработки, надписи, изображения на обеих широких сторонах креста отсутствуют (рис. 4). Это второй каменный крест в Муезерском монастыре. В 1961 году экспедиция Государственного Русского музея вывезла несколько реликвий¹³, среди которых был каменный крест из алтаря Никольской церкви, первоначально стоявший в гробнице Кассиана («десять вершков длиной и шесть вершков шириной» – 45 x 27 см), с датированной надписью: «Поставиль сий крест первоначальней старецъ инокъ Генадий лета 7081 (1573) месяца августа в 11 день» [8: 388]. Кресты из камня – редкие объекты на территории Карелии. Подобного «упрощенного» типа, нечеткой формы, кустарно изготовленные намогильные

кресты в основном широко распространены в Белоруссии и Псковской области РФ. Единично они встречаются на карельских кладбищах в Западном Приладожье. Финляндские археологи предварительно датируют их XVI–XVIII веками [18: 358–359]. В Северной Карелии нам известен только один сходный, но большего размера каменный крест на кладбище в д. Костомушка, запечатленный на фото К. Инха в 1894 году [24: 163].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При строительстве жилых, культовых и хозяйственных построек Муезерской обители использовался опыт каменного строительства в Соловецком монастыре, привнесенный в Беломорье из Центральной России в XVI веке. Это ряд признаков, которые следует рассматривать как нехарактерные для небольших монастырей Карелии в XVI–XVIII веках: создание вымостки из каменных плит перед входом в часовню Образа Спаса Нерукотворного; строительство ледника с валунной обкладкой стен; возведение каменной пристани; «оригинальная» система отопления Никольской церкви: из отапливаемой печью-каменкой подклета теплый воздух поступал в верхние помещения по специальному деревянному коробу [12: 33]. Тесные связи Соловецкого монастыря и «дочерней» Муезерской обители подтверждаются историческими документами.

Предварительные изыскания 2019 года позволили получить интересные результаты по истории Троицкого Муезерского монастыря. Этот выразительный позднесредневековый памятник

заслуживает более пристального внимания специалистов.

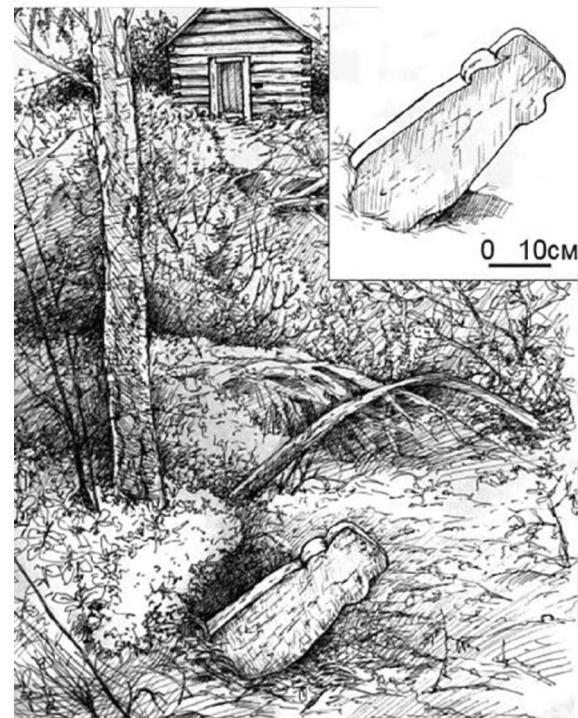

Рис. 4. Муезерский монастырь. Каменный крест.
Вид с запада. 2019 год. Рисунок М. Александровой

Fig. 4. Muezersky Monastery. Stone cross. West-side view (2019).
Drawing by M. Aleksandrova

БЛАГОДАРНОСТИ

Искренняя признательность за помощь Ирине Михайловой, Леониду Третьякову и Алексею Дегтярёву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы по истории Карелии XII–XVII веков. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. С. 35.
- ² Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1836. С. 383–384.
- ³ Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. С. 130.
- ⁴ Пашков А. М. Троицкая Сунорецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы IV краевед. чтений, посвящ. памяти А. И. Шошина. Петрозаводск: Прогресс, 2000. С. 77–89.
- ⁵ Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М.: Стройиздат, 1989. С. 142.
- ⁶ Раппопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей // КСИА. 1974. № 139. С. 45–47.
- ⁷ Половинкин И. В. Покровский Озерский монастырь на иконе XVII века // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Псковский музей-заповедник, 1992. С. 45–48.
- ⁸ Материалы по истории Карелии XII–XVII веков... С. 35.
- ⁹ Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 208.
- ¹⁰ Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Погреб-ледник XVI века с Федоровского VI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1998. Вып. 12. С. 154–158.
- ¹¹ Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно: Типолитография Товарищества п. ф. «Н. Манц и Ко», 1907. С. 135–137.

¹² Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследство. 1986. Т. 34. С. 201–206.

¹³ Смирнова Э. С. Экспедиция в Карельскую АССР // Сообщения Государственного Русского музея в Ленинграде. Вып. 8. Л.: Наука, 1964. С. 127–129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова И. А. Резной крест XVII века из Муезерского монастыря: к проблеме реконструкции и истории создания памятника // Святые и святыни Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 153–161.
2. Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья. 2015. Вып. 11. С. 339–411.
3. Бронникова Е. П. Редкие фотографии Соловецкого монастыря // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря. Соловки: Изд-во Соловецкого монастыря, 2011. С. 230–234.
4. Коваль В. Ю. О местонахождении Войницкого мыса // Археология Подмосковья. 2014. Вып. 10. С. 111–128.
5. Кожевникова Ю. Н. Кассиан Муезерский // Новый Олонецкий патерик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 464–467.
6. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой губернии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 302 с.
7. Кожевникова Ю. Н. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье (XVI – начале XXI в.) // Поморские чтения-II: Сб. докладов научно-практ. конф. Архангельск: Лоция, 2019. С. 166–184.
8. Корельский Г. Приписная Муезерская церковь в Маслозерском приходе // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 13–14. С. 385–390.
9. Мильчик М. И. Злоключения каргопольских плотников на дворе московского дьяка в 1690 г. // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Каргополь: Велти, 2009. С. 43–54.
10. Молчанов А. А. Деревянная церковь Николая Чудотворца в Муезерском монастыре // Архитектурное наследство. 1969. № 18. С. 112–117.
11. Носкова А. Г. Троицкая обитель на Муезере в архивных источниках // Поморские чтения-II: Сб. докладов научно-практ. конф. Архангельск: Лоция, 2019. С. 185–201.
12. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М.: Искусство, 1986. 310 с.
13. Секретарь Л. А. О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ПетрГУ, 1986. С. 59–73.
14. Тарасов А. В., Линников Д. Д. К истории Троицкого монастыря на Муезере и его Никольской церкви // Восьмые Феодоритовские чтения «История просвещения Европейского Севера». СПб.: Ладан, 2016. С. 99–109.
15. Шамина И. Н. Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1705 гг. // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века. М.: ИА РАН, 2018. С. 113–116.
16. Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. 2005. Вып. 10. С. 260–277.
17. Шахнович М. М. К вопросу о гидротехнических крестьянских сооружениях Карелии: каналы озера Каменное (Кийтхенъярви) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в Средневековье. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2016. Вып. 9. С. 426–437.
18. Шахнович М. М. Монументальные каменные кресты Карелии // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород: Печатный двор «Великий Новгород», 2009. Вып. 23. С. 343–365.
19. Шахнович М. М. Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия) // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 70–80.
20. Шахнович М. М. Троицко-Сунорецкий монастырь в западном Прионежье: археологические работы 2007–2011 гг. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2017. Вып. 10. С. 257–272.
21. Шахнович М. М., Широбоков И. Г. Позднесредневековый православный могильник с. Варзуга: Итоги работ 2011–2012 гг. // Некрополи Кольского Севера: Изучение. Сохранение. Коммуникация. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 27–49.
22. Шургин И. Н. Никольская трапезная церковь на Муезере // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Коло, 1982. Вып. 2. С. 89–95.
23. Шургин И. Н. Никольская церковь (1602 г.) Муезерской пустыни и деревянные монастырские трапезные церкви // Исчезающее наследие: Очерки о русских деревянных храмах XV–XVII веков. М.: ВБГИЛ, 2006. С. 29–40.
24. Bel'skiy S. V., Shakhnovich M. M., Laakso V. «Novgorodian» stone crosses from the western Ladoga region // Fennoscandia Archaeologica. 2019. XXXVI. P. 163–171.

Mark M. Shakhnovich, PhD in History, National Museum of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
 marksuk62@mail.ru

MUEZERSKY TRINITY MONASTERY IN THE WESTERN WHITE SEA REGION: THE ARCHAEOLOGICAL ASPECT

This article is the first work on the archeology of the Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region. The monastery was founded by monk Cassian from the Solovetsky Monastery in the second half of the XVI century on an island in Lake Mui. This is the only place in the White Sea Karelia that preserved a fine jewel of church architecture of the XVII century – the Church of Saint Nicholas. In 2019, the first archaeological works were carried out on the territory of the monastery. The main task was to identify elements of the ancient cultural and economic landscape of the monastery. The archaeological studies were expected to clarify the boundaries of the monument, locate the main monastery's buildings and facilities, evaluate their condition, and outline a strategy for future work. Most of the monastery's objects described in historical documents were identified, including the burned-down Holy Trinity Church of the XVI century, a stone wall, an ice storage, the remnants of monastery cells, a stone cross and a cemetery. The obtained new information expands our knowledge of the late medieval monasteries in Karelia.

Keywords: Muezersky Trinity Monastery, Lake Mui, western White Sea region, monk Cassian, monastery fence, ice storage, stone cross, archeological studies

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his sincere gratitude to Irina Mikhaylova, Leonid Tret'yakov and Aleksey Degtyarev for their help.

Cite this article as: Shakhnovitch M. M. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region: the archaeological aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477

REFERENCES

1. Antropova I. A. Carved cross of the XVII century from the Muezersky Monastery: the problem of reconstruction and the history of creation of the monument. *Saints and Shrines of Obonezhye: Proceedings of the All-Russian Research Conference*. Petrozavodsk, 2013. P. 153–161. (In Russ.)
2. Bogomolov V. V., Volodin E. O., Zaidov O. N., Tsybin M. V., Shebanin G. A., Shekov A. V. Preliminary results of the archaeological research of the village of Bolshoye Savrasovo 2. *Archeology of the Moscow Region*. 2015. Issue 11. P. 339–411. (In Russ.)
3. Bronnikova E. P. Rare photographs of the Solovetsky Monastery. *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery*. Solovki, 2011. P. 230–234. (In Russ.)
4. Koval V. Yu. Location of Voynitskiy Myt settlement. *Archeology of the Moscow Region*. 2014. Issue 10. P. 111–128. (In Russ.)
5. Kozhevnikova Yu. N. Cassian of the Muezersky Monastery. *New Olonets Patericon*. St. Petersburg, 2013. P. 464–467. (In Russ.)
6. Kozhevnikova Yu. N. Monasteries and monasticism in the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII and the beginning of the XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 302 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova Yu. N. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region (between the XVI and the beginning of XXI centuries). *Pomor Readings-II: Proceedings of the Research and Practice Conference*. Arkhangelsk, 2019. P. 166–184. (In Russ.)
8. Korelsky G. Ascribed Muezersky Church in the Maslozersky Parish. *Arkhangelsk Eparchy News*. 1912. No 13–14. P. 385–390. (In Russ.)
9. Milchik M. I. Misadventures of Kargopol carpenters at the household of a Moscow clerk in 1690. *County cities of Russia: historical and cultural processes and modern trends*. Kargopol, 2009. P. 43–54. (In Russ.)
10. Molchanov A. A. Wooden Church of Saint Nicholas in the Muezersky Monastery. *Architectural Heritage*. 1969. No 18. P. 112–117. (In Russ.)
11. Noskova A. G. The Holy Trinity Monastery on Lake Muezero in archival sources. *Pomor Readings-II: Proceedings of the Research and Practice Conference*. Arkhangelsk, 2019. P. 185–201. (In Russ.)
12. Opolovnikov A. V. Russian wooden architecture. Moscow, 1986. 310 p. (In Russ.)
13. Sekretar' L. A. The typology of log fences of monasteries and graveyards in the XVIII century. *Problems of research, restoration and use of the architectural heritage of Karelia and adjacent areas*. Petrozavodsk, 1986. P. 59–73. (In Russ.)

14. Tarasov A. V., Linnikov D. D. The history of the Holy Trinity Monastery on Lake Muezero and its Church of Saint Nicholas. *The VIII Theodore Readings “History of Enlightenment of the European North”*. St. Petersburg, 2016. P. 99–109. (In Russ.)
15. Shamina I. N. Fences of Russian monasteries of the beginning of the XVIII century according to census books of 1701–1705. *Life in the Russian Empire: new sources in the field of archeology and history of the XVIII century*. Moscow, 2018. P. 113–116. (In Russ.)
16. Shakhnovich M. M. Stone bunds on the territory of Karelia. *Kizhi Bulletin*. 2005. Issue 10. P. 260–277. (In Russ.)
17. Shakhnovich M. M. Peasants' hydraulic structures in Karelia: canals of Lake Kamennoye (Kiitehenjärvi). *Tver, Tver lands and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2016. Issue 9. P. 426–437. (In Russ.)
18. Shakhnovich M. M. Monumental stone crosses of Karelia. *Novgorod and Novgorod lands: history and archeology*. Novgorod, 2009. Issue 23. P. 343–365. (In Russ.)
19. Shakhnovich M. M. Excavations on the territory of the Adriano-Andrusovsky Monastery in 2017 (Olonets region of the Republic of Karelia). *Bulletin of the Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No 8. P. 70–80. (In Russ.)
20. Shakhnovich M. M. The Holy Trinity Monastery in western Onega region: archaeological works 2007–2011. *Tver, Tver lands and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2017. Issue 10. P. 257–272. (In Russ.)
21. Shakhnovich M. M., Shirabokov I. G. Late medieval Orthodox burial ground in village Varzuga: Results of 2011–2012. *Necropolises of the Kola North: Study. Preservation. Communication*. Murmansk, 2013. P. 27–49. (In Russ.)
22. Shurgin I. N. The Church of Saint Nicholas on Lake Muezero. *Restoration and study of cultural monuments*. Moscow, 1982. Issue 2. P. 89–95. (In Russ.)
23. Shurgin I. N. The Church of Saint Nicholas (1602) of Muezerskaya Hermitage and wooden monastery churches. *Vanishing heritage: Essays on Russian wooden churches from between the XV and the XVII centuries*. Moscow, 2006. P. 29–40. (In Russ.)
24. Bel'skiy S. V., Shakhnovich M. M., Laakso V. “Novgorodian” stone crosses from the western Ladoga region. *Fennoscandia Archaeologica*. 2019. XXXVI. P. 163–171.

Received: 25 February, 2020

ДИНА ДМИТРИЕВНА КОПАНЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель
Института истории
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
st036379@spbu.ru

РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ДЕНЕЖНОЙ ПОМОЩИ ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ РОМАНОВЕ: ИСТОРИЯ, ХАРАКТЕР, ИТОГИ*

Статья посвящена примечательному эпизоду русско-персидских отношений XVII века, касающемуся истории финансовой помощи персидского шаха Аббаса I русскому царю Михаилу Федоровичу Романову. На основе изучения иранской и русской историографии, а также анализа источников, сохранившихся в материалах Посольского приказа из фонда 77 Российского государственного архива древних актов, автор исследует историю данного займа. Установлено, что из посольств, отправленных первым Романовым к Аббасу Великому с целью получения денег, частичного успеха добилась лишь миссия Ф. И. Левонтьева. С ответным посольством правителем Ирана были присланы русскому царю слитки серебра на общую сумму около 7000 рублей. Не соглашаясь с встречающейся в литературе трактовкой выделенных средств как подарка, автор, исходя из содержания источников, предлагает рассматривать изучаемый эпизод именно как заем, выделенный на фоне отказа в помощи Михаилу Федоровичу со стороны большинства других государств.

Ключевые слова: Россия, Персия, царь Михаил Федорович, шах Аббас I, XVII век, Посольский приказ, история международных отношений

Для цитирования: Копанева Д. Д. Русско-персидские переговоры о денежной помощи при Михаиле Федоровиче Романове: история, характер, итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.478

ВВЕДЕНИЕ

Исторический период, последовавший за воцарением Михаила Федоровича Романова (1596–1645), был сложным временем для всего Русского государства. Страна с трудом преодолевала последствия сотрясавшей ее многолетней Смуты, продолжая вести затяжную войну с Речью Пополнитой. Перед молодым государем остро стоял вопрос нехватки средств на восстановление страны и ведение военных действий. В сложившихся условиях одним из возможных источников их получения могли стать иностранные займы. Однако этому препятствовала неблагоприятная международная обстановка. По вступлении на престол царь «немедленно обратился ко всем европейским державам с “обещанием” о своем избрании и с просьбами о займе»¹. Французский король Людовик XIII отказал ему в помощи², так же как и Дания³. В августе 1617 года русское посольство с поручением запросить до 400 тысяч рублей было направлено в Англию⁴. Английский король Яков I ответил отказом, однако торговые английские организации решили предоставить заем в размере 100 тысяч рублей⁵. Взамен от России требовали уступок в торговле и точного указания срока погашения займа⁶. Деньги пору-

чено было доставить посольству Дадли Диггса (Dudley Digges). Прибыв в Архангельск и узнав о наступлении поляков, Диггс бежал обратно в Англию, увезя большую часть денег⁷. В марте 1619 года английский купец Ульянов Фабин (Фабиан Смит) привез остатки денежной казны⁸. В результате Москва получила всего 20 тысяч рублей, которые были приняты русским правительством, а затем (по требованию англичан) были возвращены в 1620 году⁹. Посольство, прибывшее в июне 1617 года в Гаагу, просило Соединенные Нидерланды выделить на войну с польским королем 70000 руб. и военное снаряжение¹⁰. После долгих колебаний и обсуждений генеральные штаты Соединенных Нидерландов приняли резолюцию о выделении Московскому государству боеприпасов, стоимость которых не должна была превышать 20000 гульденов¹¹. При этом особо оговаривалось, что Амстердамское адмиралтейство должно держать эту цифру в секрете и после переговоров с амстердамскими купцами отредактировать статьи с просьбой о торговых льготах¹². Таким образом, поиск финансовой помощи на Западе не увенчался серьезным успехом. С. М. Соловьев, описывая взаимоотношения русского и австрийского дворов, пришел к выводу, что

последний не был убежден в прочном укреплении на престоле Михаила¹³. Аналогичную точку зрения высказывали С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин, считая, что на результатах переговоров отрицательно сказалось отсутствие уверенности партнеров в прочности нового правительства¹⁴.

Поиски денежных средств велись не только в Европе, но и на Востоке. Важным направлением московской внешней политики являлись взаимоотношения с Персией. Внимание исследователей давно привлекал эпизод, связанный с предоставлением займа Михаилу Федоровичу от персидского шаха Аббаса I (1571–1629)¹⁵. Однако обстоятельства получения этих денег до сих пор остаются не до конца изученными. В этой связи представляется интересным на материалах Посольского приказа из фонда № 77 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) «Сношения России с Персией» рассмотреть историю получения данного займа, его характер и размер, а также изучить российскую и иранскую историографию, посвященную этому вопросу.

При анализе историографии о начале ирано-российских дипломатических контактов прежде всего следует обратиться к фундаментальному труду Н. М. Карамзина, в котором упоминается о посольстве Алексея Позднякова, отправленного в Персию Иваном IV в мае 1569 года. Автор указывает, что сведения «о сих древнейших Персидских Посольствах сохранились только в книге Титулярник¹⁶». Как отмечал А. П. Новосельцев, Н. М. Карамзин пользовался «русскими тогда еще не опубликованными архивными документами (некоторые не сохранились и в настоящее время могут быть использованы лишь по работе этого историка)» [5: 444]. Это подтверждают исследования Н. М. Рогожина, посвященные посольским книгам из фондов РГАДА [7: 53]. Вместе с тем «определенный массив посольских книг, в том числе по связям России с Персией, сохранился» [1: 98].

Первая публикация материалов «персидских книг» периода царствования Михаила Романова относится к 1788 году, когда в пятом томе «Древней российской вивлиографии» Н. И. Новиков опубликовал Посольский наказ князю М. П. Барятинскому, отправленному к персидскому шаху в 1618 году¹⁷. Оригиналы посольских списков, в том числе посольские дела с Персидским двором, Н. И. Новикову в 1770 году передал князь М. М. Щербатов [4: 285]. В 1890–1898 годах Н. И. Веселовский опубликовал три тома документов из «персидских» посольских книг, относящиеся к истории взаимоотношений России

с Персией за период с 1588 по 1621 год. Среди этих дипломатических документов материалы по посольству Федора Исаковича Левонтьева, а также посольству Михаила Петровича Барятинского¹⁸. Данный труд не потерял актуальности до настоящего времени и неоднократно использовался в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Дипломатические отношения с Ираном не обошел в своей «Истории России» С. М. Соловьев. Освещая этот вопрос, он приводит небольшую выдержку из документов посольства Барятинского, кратко излагая историю этого посольства и посольства Коробынина-Кувшинова (1621 год)¹⁹. Относительно интересующего нас вопроса о займе историк ограничивается без каких-либо пояснений замечанием, что «царь Михаил начал очень дружеские сношения с Персидским шахом Аббасом, который прислав даже денег ему на помощь»²⁰. Наряду с «Историей России» С. М. Соловьева следует отметить аналогичный труд Д. И. Иловайского, в котором исследователь, не разбирая обстоятельств денежной помощи со стороны шаха Аббаса, указывает, что в 1617 году персидский шах помог Михаилу Федоровичу деньгами, прислав ему «слитков серебра на 7000 рублей»²¹. Данный эпизод касается посольства Федора Левонтьева и дьяка Богдана Тимофеева к шаху Аббасу в 1616–1617 годах, подробности которого будут рассмотрены ниже.

В работах советских историков и востоковедов, посвященных международным отношениям первой половины XVII века, главные события того времени в истории Европы – Тридцатилетняя война и интересы Москвы на Западе – часто заслоняли значение российско-иранских отношений при Михаиле Федоровиче. Персидский заем упоминался редко, причем особой значимости в общем событийном контексте ему не придавалось [6: 109]. Так, в фундаментальной работе «История внешней политики России. Конец XV–XVII век» финансовая помощь со стороны шаха Аббаса не упоминается вовсе²².

Азербайджанский историк Г. Сеидова, помимо материалов, связанных с посольством Ф. Левонтьева и дьяка Б. Тимофеева (со ссылкой на сборник Н. И. Веселовского), использовала в своей работе документы фонда 138 («Дела о Посольском приказе и служивших в нем») для выяснения условий выдачи кредита от шаха Аббаса. Согласно ее версии, шах обещал дать заем при обязательстве русского царя «на Койсе и в Тарках поставить города и людей посадить», обещая снабжать их провиантом [8: 48].

Для иранских историков, изучавших русско-персидские отношения, опубликованные под

редакцией Н. И. Веселовского материалы остаются фактически основным источником. Эпизод с просьбой о финансовой помощи от имени русского царя трактуется ими одинаково. Фактически это один нарратив с небольшими отличиями, и он связан с посольством М. П. Барятинского в 1618–1619 годах. Вероятно, первым из иранских историков, кто упомянул данный эпизод в своей работе, был Сайд Мухаммад 'Али Джамалзада. Он правильно назвал фамилию посла, точно описал причины, побудившие царя обратиться за помощью, но ошибочно указал на наличие обещания с российской стороны «заложить Астрахань» [9: 151].

Наджаф Кули Мирза Хисам ад-Даула Му'иззи приводил те же сведения, что и Джамалзада, при этом дополняя их ссылкой на информацию о посольстве М. П. Барятинского из дневника испанского посла дона Гарсия, бывшего тогда также при дворе шаха [11: 292]. Стоит отметить, что указанный Му'иззи западный источник не содержит подробностей дипломатической деятельности посольства, описывая скорее его внешнюю сторону²³. Один из крупнейших специалистов по периоду правления Аббаса I Насрулла Фалсафи связывал историю долговых обязательств также только с миссией М. П. Барятинского. Сведения о последней, почерпнутые из указанного сборника документов, автором заметно искажены (сам посол назван ошибочно Воротынским). В частности, Н. Фалсафи писал, что «посол был уполномочен в случае согласия шаха подготовить все необходимые документы, и даже пообещать город Астрахань в качестве залога» [10: 1094]. Затем он добавил, что «в точности неизвестно, какую сумму просил русский царь у шаха, однако посол упомянул о том, что расходы из государственной казны на войну с поляками составляют 400 000 манатов ежегодно» [10: 1094]. Стоит уточнить, что Н. Фалсафи, очевидно, работал с неверным переводом труда Н. И. Веселовского, поскольку в наказе послу М. П. Барятинскому было указано от просьбы заложить Астрахань уклоняться и отвечать, что без ведома государя он не уполномочен решать такие вопросы²⁴. По версии иранского историка, шах Аббас необходимой суммы не выдал, в связи с чем «послы выглядели недовольными» [10: 1095].

Среди работ, затрагивающих в той или иной мере эпизод с персидским займом, следует выделить исследования П. П. Бушева, детально изучившего историю посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1621 годах²⁵[2]. Как указал данный автор, в 1614 году Михаил Романов направил посольство Михаила Никитича Тиханова, принимая которое

Аббас I не скучился на широкие, но расплывчатые обещания, в том числе об оказании материальной помощи. Однако никаких конкретных решений о займе принято не было [2: 41, 55]²⁶.

Рассматривая вопрос о займе, безусловно, нужно максимально подробно исследовать документы, хранящиеся в фонде 77 Российского государственного архива древних актов. В ходе историко-архивной работы в указанном хранилище нами были рассмотрены материалы, связанные с российским направлением дипломатии Сефевидов эпохи шаха Аббаса I. Эти свидетельства наиболее полно отразили историю рассматриваемого вопроса.

Нам известно, что в 1617 году к шаху Аббасу было отправлено русское посольство во главе с Федором Левонтьевым и дьяком Богданом Тимофеевым. Одной из основных целей миссии была передача просьбы о предоставлении шахом Аббасом денежного займа новому царю. Еще П. П. Бушев отмечал, что надежда на получение от шаха столь необходимой правительству Михаила Романова денежной помощи подпитывалась заверениями посланников кызылбашского государя Хаджи Муртазы и Булат-бека [2: 143]. Как подчеркивал автор, ввиду острой нужды в займе посланникам не возбранялся для достижения цели подкуп людей шаха [2: 146].

В царском наказе послу Левонтьеву говорится следующее:

«...а однолично бъ вамъ о томъ всего больши радети: казны на вспоможенье у шаха выпросити, хоти четыреста тысяч рублей, а по последней мере сто тысяч рублей. А будеть познаете, что шаховы ближние люди будутъ на то подвижны, шаха на то учнуть наговаривать, а похотять отъ васъ за то подарковъ что будеть пригоже, только бъ вамъ однолично темъ промыслити и намъ темъ послужити, чтобы шахъ къ намъ ныне казны на вспоможенье съ посломъ своимъ и съ посланникомъ однолично съ вами вместе прислать на семь лете. А какъ вашео службою и радиенемъ то у шаха зделаетса, казны къ намъ на вспоможенье пришлеть, и мы васъ за то пожалуемъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ и вамъ однолично о томъ порадети, у шаха казны къ намъ выпросить»²⁷.

Итак, царь рассчитывал на денежную помощь от 100 до 400 тысяч рублей.

Прописание о займе, очевидно, основывалось на данном шахом ранее декларативном обещании оказать Михаилу Федоровичу поддержку ратными людьми и деньгами. В тексте копии царской грамоты шаху прямо указано:

«Присыпал к намъ, великому государю, от тебя, брата нашего, з грамотою в прошломъ, во 123 году, гилянецъ Хозя Муртоза, и говорил в разговорехъ нашимъ приказнымъ людемъ: «будеть намъ, великому государю, против нашихъ недрузеи надобно на помочь какие каз-

ны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, к тебе отписати или приказати не стыдяся, и ты, великий государь, братъ нашъ шах-Аббасово величество, намъ, великому государю, ни за что не постоишь – тотчасъ к нам, великому государю, пришлешь»²⁸.

Напоминая шаху об обещании поддержки, Михаил Федорович давал понять, что рассчитывает на его выполнение: «И вы б, великий государь, какъ к намъ, великому государю, в грамоте своей писал и речью приказывал, так бы и совершаль – на томъ бы своеемъ слове крепко стоялъ»²⁹. Для обоснования необходимости финансовой помощи Аббасу I описывалось бедственное положение русских земель после их разорения поляками, которые «град Москву разорили, и казну многую неисчислную прежнихъ великихъ государей росийскихъ, предки нашихъ, за много лет собранье разграбили»³⁰. Четко была обозначена и цель, на которую пойдут средства: против «недруга польского короля нашему царскому величеству вспоможенье учинити своею казною, а послали есмъ к тебе, брату нашему, с сею нашою любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ»³¹. Из текста грамоты следует, что имел место запрос Москвы на смешанный заем, так как царь интересуется «каких узорочеи»³², что ведетца в наших государствах к вам, брату нашему, за тое казну, что к нам пришлете, послати»³³.

До нас дошли также исходящие от Михаила Федоровича письменные наказы послам. Федору Левонтьеву и Богдану Тимофееву было подробно объяснено, как именно изложить царскую просьбу и какие ответы давать на возможные вопросы со стороны шаха и его окружения. Вопрос о займе следовало поднимать после вручения «поминок»³⁴. В остальном устный наказ повторяет содержание письменной грамоты: персидскому правительству также надо было припомнить его обещание прислать «на помочь какие казны или ратныхъ людей»³⁵ и изложить просьбу «против нашего недруга польского короля нашему царскому величеству вспоможенье учинити своею казною»³⁶. Финансовую помощь Михаил Федорович надеялся получить одним денежным траншем с ответным кизылбашским посольством:

«И вы б, великий государь, брат нашъ, шах-Аббасово величество к намъ, великому государю, начало братственные сердечные любви показал: того нашего посланника Федора да дьяка Богдана к нам отпустил не задержав, и своею большого посла, ближнево человека к нам с ним вместе прислал, и казны денежные к нам с ним, что у вас, великого государя, случилося к намъ, с нашими посланниками и с своимъ послом прислал, чемъ нам против недруга нашего стояти...»³⁷.

Шаху вновь велено сказать, что в счет уплаты долга будут присланы узорочки на его выбор, хотя и признано, что «да и по ся места после того разоренья у великого государя нашего въ его царского величества казне всякихъ узорочеи в собранье мало»³⁸.

На логичный вопрос о сумме предполагаемого займа послам было велено не давать однозначного ответа. Если «учнут их спрашивати, колко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю Всеа Русии на помочь казны надобно»³⁹, послам полагалось отвечать, что

«с нами о том царского величества приказу нетъ, только велел намъ царское величество, брату своему Аббас-шахову величеству о том говорить, чтоб его, государя, для брацких любви ссудил казною, а в том шах волен – чемъ государя нашего ссудит, то государь наш, царское величество, шаху и заплатит. Царское величество ратным своим людемъ, которые стоят против литовского, дает своего государства годового жалованья на год на два срока по 400 000 рублей – то стрельцомъ и казакомъ опричь дворян и детей боярскихъ, толко с нами о том не наказано, чего у шахова величества просити»⁴⁰.

Предписывалось также уклоняться от определенного ответа и в том случае, если

«шах или шаховы ближние люди учнут говорити, что шах царское величество деньгами ссудить, толко б было чему верити, и учнуть им говорити чтоб они в том дали запись и крестъ на том целовали, что государю те деньги заплатит, и учнуть приговаривать сроку...»⁴¹.

По всей видимости, в Москве опасались, что Аббас, помня ситуацию, сложившуюся во время Смуты, может потребовать в залог Астрахань⁴². Поэтому, в случае если будет предложено, чтобы послы «Астарахань в залог записали и крестным целованием утвердили», Левонтьеву и Тимофееву следовало отвечать, что без царского повеления они договоренностей заключать не могут, а условия помочи царь будет обсуждать лично с шахскими послами:

«...с нами о томъ не наказано, сколко казны просити и какъ в том крепитца, и нам мимо государя своего наказ собою ничего делать нельзя, а послал бы шахово величество казну с ними вместе с своими большими послы з ближними людьми, и с ними о томъ наказал какъ в тои казне с царскимъ величествомъ укрепитца, и царское величество велит о томъ с ними своимъ бояромъ ближнимъ говорити и закрепитца, а царское величество государь праведной, премудрои – слово ево царское иначо, что моловить, не бывает. В том с шаховым величеством в не-любе быти не похочеть – заплатити шаху тое казну по договору велить тотчасъ узорочными товары, которые въ его государстве ведутца»⁴³.

В вопросах об Астрахани послам следовало «отказать накрепко и о томъ, и о иныхъ ни о какихъ делехъ не приговаривал и не закрепляти»⁴⁴.

В 1617 году миссия Левонтьева вернулась в Москву вместе с посланными от шаха персидскими дипломатами Каем Салтаном и Булатбеком, «а с ними к государю поминки многие и денежная казна»⁴⁵. Федору Левонтьеву и Богдану Тимофееву было велено явиться к царю раньше кизылбашских представителей⁴⁶. Статейный список от посольства Тимофеева до нас не дошел, однако дело о посольстве Кая Салтана сохранило небольшой отрывок без начала и даты, содержащий некоторые сведения о займе [2: 151]. Этот фрагмент передает часть разговора шаха с московскими послами по вопросу формы долга: «И шах спрашивал какие он казны государю на вспоможение просит – денежные или узорочные? И Федоръ шаху говорил, чтоб ему к государю послать денежная казна. И шах Федору говорил: пошлет он к государю узорочьми, что у него каких узорочеи в казне есть». Итак, несмотря на просьбу прислать именно денежную казну, Аббас предлагает лишь узорочья. Причина такого ответа раскрывается далее: шах отвечал, что «денежные казны теперь послать ему нечего потому что он стоит против недруга своего и дает жалованье своим служилым людем». Аргументом в пользу отказа от посылки денег со стороны шаха стало утверждение, что персидские деньги «у государя въ его государстве не пригодятца, потому что оне не ходят»⁴⁷.

Несмотря на, по существу, негативный ответ Аббаса, посольство Кая Салтана и Булатбека, как отмечалось выше, привезло с собой русскому государю «лехкую казну»⁴⁸. На приеме послов у Михаила Федоровича было сказано, что шах Аббас в бытность у него российского посольства Левонтьева

«грамоту принял и речи у него высушал любительно, и к намъ великому государю отпустил не издержав, и с нимъ вместе прислал к намъ, к великому государю вас, послов твоих Кая Салтана да Булатбека с своими любительными поминки, да с вами же вместе к нам великому государю прислал в слиткахъ серебра нынешними московскими новыми денгами⁴⁹, что у брата нашего в то время случилось, на 7000 рублей, и мы, великий государь, наше царское величество от брата нашего, шах-Аббасова величества те нынешние ево к нам, великому государю, любительные поминки и серебро, что с вами, послы своими, к намъ, великому государю, прислал приымаем...»⁵⁰.

По поводу возврата долга царь отвечал, что

«как наше царское величество с недругом нашим с полскимъ королемъ поуправится и мы великий государь наше царское величество тое казну брату нашему шах аббасову величеству заплатить велимы какими узорочи из нашего государства шахову величеству будет угодно»⁵¹.

Что касается размера присланной «казны», то несколько раз упоминается, что деньги были переданы в виде ста слитков серебра⁵². Материалы из дела о посольстве Кая Салтана и Булатбека содержат информацию о том, что «во сте слитках серебра весу тысяча шестьсот восемьдесят шесть гривенок двадцать семь золотникъ»⁵³. Уточнена и денежная оценка этих слитков: после переливки из них вышло 6982 рубля 10 алтын 24 золотника⁵⁴. В любом случае, эта сумма была гораздо ниже, чем минимальный запрос, обозначенный в наказе послам.

Итак, попытку посольства Левонтьева получить финансовую помощь от Аббаса Великого нельзя было признать успешной. По всей вероятности, именно поэтому следующее русское посольство, отправившееся в Персию в 1618 году, получает ту же задачу и почти те же указания (например, здесь повторяется наказ уходить от любых решений по закладу Астрахани). Посольство М. П. Барятинского – И. И. Чичерина в 1618–1620 годах, в отличие от «легкого посольства Левонтьева», было тщательнее подготовлено, многочисленно и представительно [2: 176–177], [3: 17].

Подробно останавливаясь на истории посольства, П. П. Бушев, на наш взгляд, верно резюмирует, что «шах не только не выполнил своих многократных обещаний о займе, но и всячески уклонялся от делового общения с членами посольства» [2: 198]. Миссией Барятинского-Чичерина правительство Михаила Романова «закончило попытки обращаться к иностранным державам с просьбами о финансовой помощи» [2: 238].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что поиски правительством Михаила Федоровича финансовой помощи у Сефевидов, как и в Европе, не увенчались значительным успехом. Из посольств, направленных в Персию с конкретной целью изыскания денежных средств, лишь миссии Ф. Левонтьева удалось получить «лехкую казну», впрочем, крайне недостаточную. Несмотря на обещание дать денег, шах Аббас в конце концов ответил отказом, сославшись на внутренние трудности. Однако позднее он все же передал России денежные средства в виде слитков серебра на сумму около 7000 рублей. Необычная форма «казны» ставит перед нами вопрос о том, что же все-таки представляли из себя слитки, присланные шахом, – кредит или подарок. Указывая на то, что шах отказал в займе денег, П. П. Бушев трактует выделение средств как «среднего уровня подарок» [2: 152,

154]. По его мнению, из-за незначительности суммы посылка слитков была расценена русской стороной в качестве обычных «поминок» [2: 160]. В самом деле, «казна» в денежном эквиваленте составляла всего 7000 рублей и была слишком незначительна. Никаких дальнейших упоминаний об оплате этого долга или же требования со стороны шаха о его возвращении нам неизвестно. Тем не менее при их получении царь дал обещание вернуть все узорочьями, в связи с чем все же нельзя согласиться с мнением П. П. Бушева о том, что получение этих слитков рассматривалось

в Москве как подарок. Исходя из текста источников, исследуемых в данной статье, предлагается трактовать изучаемый эпизод именно как небольшой заем в условно денежной форме. Однако его размеры, в особенности в сравнении с запрашиваемой суммой, не позволяют считать этот транш значительным эпизодом в истории внешнего кредитования. Тем не менее сам факт выдачи данного займа, особенно на фоне отказа в помощи со стороны большинства государств, стал примечательным эпизодом русско-персидских отношений XVII века.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бахрушин С. В., Сказкин С. Д. Дипломатия в XVII веке // История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина. Т. 1. М.: Соцэлклиз, 1941. С. 204–250.
- ² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб.: Обществен. польза, 1896. Кн. 2. Т. 9. 1175 стб.
- ³ История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. С. 220.
- ⁴ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006. С. 90, 96, 101–103.
- ⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. 1175 стб.; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л.: Сеятель, 1925. С. 62.
- ⁶ Костриков М. С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 132–134.
- ⁷ Лисеццев Д. В. Английская книга Посольского приказа 1614–1617 гг. как исторический источник // Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2006. С. 19; Костриков М. С. Указ. соч. С. 132–134.
- ⁸ Посольская книга. С. 102, сноска 253.
- ⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. 1179 стб.
- ¹⁰ Донесения посланников Республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг., с приложением Очерка сношений Московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. / Под ред. В. А. Кордта // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 116. СПб., 1902. С. CLXI–CLXII.
- ¹¹ Там же. С. CLXIV–CLXV.
- ¹² Там же.
- ¹³ Соловьев С. М. Указ. соч. 1019 стб.
- ¹⁴ Бахрушин С. В., Сказкин С. Д. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁵ Шах от Тигра до Инда // Дилетант [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://diletant.media/articles/38985404/> (дата обращения 13.03.2020).
- ¹⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. Т. 9. Примечания. Примеч. 249. С. 79–80; Примеч. 25. С. 81–82.
- ¹⁷ Посольской наказ Дворянину и Наместнику Болховскому Князь Михайлу Петровичу Борятинскому с товарищи, отправленным в Посольство к Персидскому Шаху 7126 (1618) года Маия 18 дня // Древняя российская вивлиографика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / Изд. Н. И. Новикова. 2-е изд. М.: Тип. К° тип-ской, 1788. Ч. 5. С. 1–135.
- ¹⁸ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Изд. под ред. Н. И. Веселовского. Т. 3: Царствование Михаила Федоровича (продолжение). СПб.: Лештуковская Паровая Печатня, 1898. С. 138–731.
- ¹⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. 1186–1189 стб.
- ²⁰ Там же. 1186 стб.
- ²¹ Иловайский Д. И. История России. Т. 4.2: Эпоха Михаила Федоровича Романова. Гл. VII. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерева и Ко, 1899. С. 45.
- ²² История внешней политики России. Конец XV–XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
- ²³ L' Ambassade de D. Garcias de Silva Figueroa En Perse, Contenant La Politique de ce Grand Empire, les moeurs du Roy Schach Abbas, es une Relation exacte de tous les lieux de Perse es des Indes, ou cet Ambassadeur a esté

- l'espace de huit années qu'il y a demeuré. Traduite de l'Espagnol Par Monsieur De Wicqfort. A Paris, Chez Lovis Billaine, au second Pillier de la grand' Sale du Palais, au grand Cesar. M. DC. LXVII (1667). P. 190, 202.
- ²⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений. С. 248.
- ²⁵ Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1976. 479 с.
- ²⁶ Заметим, что отдельную работу посольству Тиханова посвятил М. В. Моисеев, его трактовка событий со-впадает с мнением П. П. Бушева. См.: Моисеев М. В. «Проваленная миссия». Посольство М. Н. Тиханова в Иран 1613–1615 гг. // Мининские чтения: Сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII века. Н. Новгород: Кварц, 2012. С. 351–358.
- ²⁷ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 177–178.
- ²⁸ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107.
- ²⁹ Там же. Л. 107–108.
- ³⁰ Там же. Л. 109.
- ³¹ Там же. Л. 109–110.
- ³² Узорочие и узорочье – драгоценные вещи и ткани с литьми или резными, шитыми или тканевыми узорами, служащие к украшению и великолепию. См.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. Т. 4. С. 322.
- ³³ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 110–111.
- ³⁴ Там же. Л. 142.
- ³⁵ Там же. Л. 159.
- ³⁶ Там же. Л. 150.
- ³⁷ Там же. Л. 151–152.
- ³⁸ Там же. Л. 156.
- ³⁹ Там же. Л. 164.
- ⁴⁰ Там же. Л. 165.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² И. Заруцкий, захвативший в 1613 году с мятежными казаками Астрахань, чувствуя непрочность своего с М. Мнишек положения, обратился к Аббасу I с целью получения помощи. В Москве опасались, что результатом этих переговоров может стать захват Астрахани. См.: Отписка Самарского воеводы князя Дмитрия Пожарского Казанским воеводам князьям Ивану Воротынскому и Юрюю Ушатому, о вестях про Заруцкаго. 1614 марта 30 // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиою. Т. 3. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. № 248. С. 412; Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1613–1621 гг. М.: Наука, 1987. С. 19–20, 42–44, 74, 99–102 и др.
- ⁴³ РГАДА. 1616. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 166.
- ⁴⁴ Там же. Л. 172.
- ⁴⁵ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 62.
- ⁴⁶ Там же. Л. 71.
- ⁴⁷ Там же. Л. 253.
- ⁴⁸ Там же. Л. 76.
- ⁴⁹ В начале царствования Михаила Федоровича Муравьева монеты стали более легковесными и чеканились не по «старой» трехрублевой, а по «новой» четырехрублевой стопе. См.: Муравьева Л. А. Деньги и денежное обращение в годы правления Михаила Федоровича Романова // Дайджест-финансы. 2005. Вып. 10 (130). С. 54, 60.
- ⁵⁰ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–74.
- ⁵¹ Там же. Л. 86–87.
- ⁵² Там же. Л. 123, 225.
- ⁵³ Там же. Л. 121. Согласно данным литературы о денежном счете в изучаемый период, 1686 гривенок 27 золотников составляют около 345,22 кг серебра. См.: Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975. С. 169–170, 188.
- ⁵⁴ РГАДА. 1617–1618. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 122, 125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бокарева О. Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2010. № 7 (50). С. 96–106.
- Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государства в 1613–1621 гг. М.: Наука, 1987. 280 с.
- Заркешев А., и гумен. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг.). СПб., 2002. 135 с.
- Моисеева Г. Н. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 276–293.
- Новосельцев А. П. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в.: Сборник. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 444–461.

6. Новосельцев А. П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 103–121.
7. Рогожин Н. М. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М.: Институт истории СССР, 1990. 239 с.
8. Сейдова Г. М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII в. (по русским источникам). Баку: Нурлан, 2004. 172 с.
9. Djamal Zada S. M. ‘A. Tārīkh-i ravābit-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i ‘Alī Dihbāšī. Tīhrān: Sukhan, 1384. 249 p.
10. Falsafī N. Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Mudjallad-i sivvum: Dīndārī, sīyāsat-i madhabī, sīyāsat-i dākhilī, ‘adālat, dārāyī va amlāk. Tīhrān: Intīshārāt-i dānišgāh-i Tīhrān, 1353. 341 p.
11. Mu’izzī N. H. Tārīkh-i ravābit-i sīyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. Djild-i avval. Tīhrān: Čāpkhāna-yi ‘ilmī, 1324. 341 p.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Dina D. Kopaneva, PhD in History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
st036379@spbu.ru

RUSSIAN-PERSIAN NEGOTIATIONS OVER FINANCIAL HELP DURING THE REIGN OF MIKHAIL FYODOROVICH ROMANOV: HISTORY, PATTERNS, OUTCOMES*

The article deals with a notable episode in the Russian-Persian relations in the XVII century regarding the history of a money loan given by the Persian Shah Abbas I to the Russian Tsar Mikhail Fyodorovich Romanov. Research into Iranian and Russian historiography, as well as the analysis of the sources preserved among the files of the Posolsky Prikaz (the Ambassadorial Bureau) from fund 77 of the Russian State Archive of Ancient Acts enables to investigate the history and circumstances of this loan. It is established that out of all the embassies sent by the Russian Tsar to Shah Abbas in order to receive money, only the 1616 mission led by F. I. Levontiev achieved partial success. Shah Abbas sent 7000 rubles in silver ingots to the Russian Tsar. The author dismisses the existing concept that regards this money as a simple gift, but interprets it, judging by the texts of the studied sources, as a loan that was given amid the refusal of many other countries to help the Russian Tsar.

Keywords: Russia, Persia, Mikhail Fyodorovich, Shah Abbas I, XVII century, Posolsky Prikaz, Ambassadorial Bureau, history of international relations

*The study was supported by the Russian Science Foundation research grant No 18-78-10052 “The Documentary History of the Russian Strand of Safavid Diplomacy (1501–1722)”.

Cite this article as: Kopaneva D. D. Russian-Persian negotiations over financial help during the reign of Mikhail Fyodorovich Romanov: history, patterns, outcomes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 4. No 4. C. 19–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.478

REFERENCES

1. Bokareva O. B. Ambassadorial books on connections of Russia with Persia of the 1st half of XVIIth century. *RGGU Bulletin. Series: Historical Sciences. Historiography, source study, methods of historical researches*. 2010. No 7 (50). P. 96–106. (In Russ.)
2. Bushhev P. P. History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1613–1621. Moscow, 1987. 280 p. (In Russ.)
3. Zarkeshov A. The Russian Orthodox Church in Persia and Iran (1597–2001). St. Petersburg, 2002. 135 p. (In Russ.)
4. Moiseeva G. N. Literary and historical monuments of Ancient Russia in the publications of N. I. Novikov. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow, Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 276–293. (In Russ.)
5. Novosel’tsev A. P. Russian-Iranian political relations in the second half of the XVI century. *International relations of Russia before the XVII century*. Moscow, 1961. P. 444–461. (In Russ.)
6. Novosel’tsev A. P. Russian-Iranian relations in the first half of the XVII century. *International relations of Russia in the XVII and the XVIII centuries*. Moscow, 1966. P. 103–121. (In Russ.)
7. Rogozhin N. M. Review of the ambassadorial books from the collections stored in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (late XV – early XVIII centuries). Moscow, 1990. 239 p. (In Russ.)
8. Seidova G. M. Azerbaijan in trade and political relations of the Safavid Empire and the Russian state in the XVII century (according to Russian sources). Baku, 2004. 172 p. (In Russ.)
9. Djamal Zada S. M. ‘A. Tārīkh-i ravābit-i Rūs va Īrān. Ba kušīš-i ‘Alī Dihbāšī. Tīhrān, 1384. 249 p.
10. Falsafī N. Zindigānī-yi Šāh ‘Abbās-i avval. Mudjallad-i sivvum: Dīndārī, sīyāsat-i madhabī, sīyāsat-i dākhilī, ‘adālat, dārāyī va amlāk. Tīhrān, 1353. 341 p.
11. Mu’izzī N. H. Tārīkh-i ravābit-i sīyāsī-yi Īrān bā dunyā, az Hakhāmanišī tā taḥavvulāt-i akhīr. Djild-i avval. Tīhrān, 1324. 341 p.

Received: 13 April, 2020

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
a.kharitonova@spbu.ru

СИАМ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ДИПЛОМАТА (по дневниковым записям Г. А. Плансона)

Статья представляет собой анализ дневниковых записей российского дипломата Г. А. Плансона (1859–?), которые он вел в период с 1910 по 1913 год. Он находился на дипломатической службе в Сиаме в качестве поверенного в делах и генерального консула с 1910 по 1916 год. На сегодняшний день дневники Г. А. Плансона, так же как и источники личного происхождения многих других дипломатов, все еще остаются недостаточно изученными или не введенными в научный оборот, что определяет актуальность исследования и его новизну. Содержание дневниковых записей дипломата можно разделить на четыре тематических блока: российско-сиамские отношения, международная жизнь в Бангкоке, дипломатический досуг и фиксация входящей и исходящей корреспонденции. Проведенный анализ позволяет не только определить, каким представлялось в то время Королевство Сиам российскому дипломату, но и сделать предварительные выводы о господствующих тенденциях и настроениях в дипломатических кругах Бангкока 1910-х годов. При разработке темы использован микроисторический метод исследования.

Ключевые слова: Сиам, Г. А. Плансон, дневники дипломатов, Российская империя, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Харитонова А. М. Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.479

ВВЕДЕНИЕ

Георгий Антонович Плансон родился 25 марта 1859 года в Харькове, имел французское происхождение. Окончил факультет восточных языков (1884)¹ и юридический факультет (1888)² Санкт-Петербургского университета. С 1888 года поступил на службу в Министерство иностранных дел делопроизводителем, занимал должность заведующего библиотекой Азиатского департамента МИД. Большая часть его дипломатической карьеры была связана с Дальним Востоком. Летом 1902 года Г. А. Плансон был прикреплен в качестве представителя Министерства иностранных дел к ведомству российского наместника на Дальнем Востоке. В 1903–1904 годах он был начальником дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Во время Русско-японской войны Г. А. Плансон находился в Маньчжурии. После возвращения в Петербург отправился в составе русской делегации в Портсмут (США) для участия в переговорах и подписании мирного договора по итогам Русско-японской войны. В декабре 1905 года его назначают генеральным консулом в Корее (1905–1908). Учитывая непростую обстановку в этой стране, которая с 1905

года находилась под японским протекторатом, Г. А. Плансону приходилось применять все свое дипломатическое мастерство в попытках защитить хотя бы ограниченный суверенитет Кореи. Далее он на некоторое время занял пост заведующего Дальневосточным отделом Азиатского департамента МИД (1908–1909).

В январе 1910 года Георгий Антонович был направлен в Сиам³ в качестве поверенного в делах и генерального консула⁴, где находился на службе до мая 1916 года (с выходом в отпуск сроком на один год с осени 1913 года по ноябрь 1914-го). Информация, относящаяся к периоду работы Г. А. Плансона в Сиаме (1910–1916), сохранилась в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Вфонде «Плансон Георгий Антонович, дипломат, посол в Сиаме, генеральный консул в Сеуле, начальник дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке» содержатся копии международных договоров, конвенций, заключенных со странами Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века, дипломатические ноты. Помимо официальных документов, в фонде представлены источники личного происхождения, которые составляют важнейшую базу для данного исследования. В первую

очередь это автобиографические документы: три дневника о пребывании дипломата в Сиаме, датированные 1910, 1911 и 1913 годами. Заметную часть фонда составляет личная переписка дипломата с членами семьи (отцом, женой, двумя сыновьями и братьями), дипломатами, военными и другими лицами.

Г. А. Плансон состоял в непродолжительной переписке с дипломатами-востоковедами, например с П. Г. Васкевичем, который в 1911–1917 годах служил драгоманом в Российской дипломатической миссии в Токио. Он получал письма от адмирала К. Д. Нилова – участника Русско-японской войны, П. Е. Панафида – в разные годы служившего консулом в Багдаде, Исфагане, Мешхеде и Константинополе. Еще один тип источников личного происхождения – документы служебной и творческой деятельности. Фонд хранит докладные записки дипломата в Министерство иностранных дел Российской империи, дипломатические ноты сиамского МИД, заметки этнографического характера.

Основной источниковой базой для данной статьи являются три дневника, написанные до осени 1913 года, когда Г. А. Плансон отправился в отпуск. Первый дневник датируется периодом с сентября по декабрь 1910 года; второй – с марта по июль 1911 года; третий дневник содержит записи с мая по август 1913 года. Однако, несмотря на хронологическую ограниченность, дневники дают исчерпывающее представление о дипломатической жизни в Сиаме того времени. Это было единственное государство в Юго-Восточной Азии, которое формально смогло сохранить собственную политическую независимость. Сиам представлял собой абсолютную монархию, во главе которой с конца XVIII века находилась династия Чакри. Несмотря на формальную политическую независимость, в течение второй половины XIX века Сиам был вынужден подписать с западными державами ряд неравноправных договоров, разрешающих им вести свободную торговлю в Бангкоке и предоставляющих право экстерриториальности иностранным гражданам. Одним из таких документов был «Договор о дружбе и торговле между Британской Империей и Королевством Сиам» (Договор Бауринга), подписанный в 1855 году [6: 41]. Тем не менее географическое положение Сиама определило его роль буфера между британскими владениями в Бирме и французским Индокитаем. Благодаря возникшим противоречиям между Британией и Францией Сиам мог проводить относительно независимую политику. Во многом это заслуга короля Рамы V Чулалонгкорна (1868–1910).

Его правление характеризуется модернизацией государства, правительства и социальными реформами. В это время были преобразованы системы здравоохранения и образования, велось строительство железных дорог, налаживалось телеграфное и почтовое сообщение. В 1910 году следующим правителем Сиама стал Рама VI Вачиравуд (1910–1925), который был сыном короля-реформатора Рамы V. Король Рама VI получил европейское образование, учился в Великобритании. Однако он отказался от продолжения экономических и социальных реформ, был противником введения конституции и парламентской системы управления, поскольку полагал, что это приведет к беспорядкам в стране. Он выступал за абсолютную власть правителя, которая была гарантирована социально-политической стабильности в государстве.

Отношения между Сиамом и Россией занимали особое место во внешней политике Королевства. Российская империя, в отличие от западных держав, не стремилась утвердить свое политическое или экономическое влияние в Сиаме ввиду иных geopolитических интересов и географической удаленности от этого азиатского государства. Она подчеркивала отсутствие корыстных намерений по отношению к Сиаму.

Самыми яркими событиями российско-сиамских отношений в конце XIX века являются визит наследника-цесаревича Николая Александровича в Сиам в 1891 году в рамках восточного путешествия (1890–1891) и визит короля Рамы V в Петербург в 1897 году. Оба визита проходили в максимально дружественной обстановке. Эти события заложили основу двусторонних связей и дали импульс для дальнейшего развития российско-сиамских отношений на последующие два десятилетия. 17 (29) ноября 1897 года последовало высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении Российского представительства в Сиаме» [4: 81]. Александр Эпиктетович Оларовский был назначен посланником в Сиам в ранге Генерального консула в феврале 1898 года [5: 120]. В 1899 году в Бангкоке была подписана первая российско-сиамская декларация относительно юрисдикции, торговли и мореплавания, предоставившая странам права наиболее благоприятствуемой нации. Подробнее о его службе в Сиаме можно узнать в исследовании Карен Сноу [7].

Весной 1907 года А. Э. Оларовский был вынужден по состоянию здоровья покинуть Бангкок [5: 127]. Его сменил на дипломатическом посту Александр Гаврилович Яковлев в ранге министра-резидентта (1908–1909). После отъезда

А. Г. Яковлева с апреля 1909 года по сентябрь 1910-го миссией управлял секретарь Н. К. Эльтеков. 20 сентября 1910 года в Бангкок прибыл Георгий Антонович Плансон, который служил в Сиаме поверенным в делах и генеральным консулом с личным званием министра-резидент⁵ до мая 1916 года. Он также был наделен полномочиями представителя датских интересов в Сиаме.

Дневниковые записи дипломата можно разделить на четыре тематических блока.

РОССИЙСКО-СИАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Прибытие Г. А. Плансона в Бангкок 20 сентября 1910 года совпало с периодом празднования дня рождения короля Сиама Рамы V. Несмотря на «сквернейший четырехдневный переход от Сингапура»⁶, опасность столкновения с немецким пароходом и вынужденную остановку на ночь на пароходе, уже в первый день пребывания в Бангкоке дипломат начал активно исполнять свои обязанности. Он посетил принца Девавонга, министра иностранных дел Королевства Сиам, договорился о назначении аудиенции у короля для вручения верительной грамоты. Дипломату пришлось поторопиться, чтобы подготовить и передать свою речь принцу накануне королевского торжества. «В архивах у Эльтекова не нашлось никаких образцов речей кроме самой первоначальной речи Оларовского, малоподходящей»⁷. Пришлось в спешке писать самому речь и препроводительное письмо принцу Девавонгу. В день аудиенции «когда мы только входили с Девавонгом в зал, король улыбнулся мне и крикнул “Plançon!”»⁸. После официальных речей король Рама V подал руку дипломату и в дружеском расположении вспомнил свое пребывание в России в 1897 году. Единственное, что омрачило настроение короля, было то, что письма, отправленные сиамским королевским двором Николаю II, остались без ответа. Г. А. Плансон предположил, что это могла быть исключительно канцелярская ошибка. На этом недоразумение было исчерпано. Сведения о радушных встречах с принцем Чира, сыном Рамы V, который возглавлял сиамскую делегацию на коронации Николая II в 1896 году, также отражены в дневниках.

Следует отметить, что в 1898 году в Санкт-Петербург прибыл сын Чулалонгкорна принц Чакрабон. Он учился в России восемь лет (1898–1906), находясь под личным покровительством императора Николая II [3: 30]. Широко известна история его отношений с Екатериной Ивановной Десницкой, поскольку она подробно описана в научной [4: 99–109] и художественной литературе⁹. В Бангкоке Г. А. Плансон часто встречался на

официальных мероприятиях и обедах с принцем Чакрабоном и его русской супругой. Чакрабон, прекрасно владевший русским языком, выступал в качестве переводчика, когда дипломат общался с сиамской королевой. Она говорила «о царской семье и любви их к Сиаму, о принце Чакрабоне»¹⁰. Сам принц Чакрабон «очень любезно вспоминает Россию, Государя, Великих Князей»¹¹, – писал Г. А. Плансон. С Екатериной Десницкой дипломат встречался несколько раз на официальных обедах.

Г. А. Плансон беседовал с Чакрабоном о буддизме и важной роли сиамского короля как главы буддизма. В этой связи было упомянуто, что в Санкт-Петербурге строился буддийский храм. Процесс строительства сопровождался бюрократическими трудностями, а препятствия исходили от Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий. По словам Г. А. Плансона, руководство департамента «боялось, что с буддийским храмом проникнет японское (!!?) влияние»¹². В дневнике содержится не вполне понятная фраза, которую произнес Чакрабон: «...руssкие буддисты получили статую будды, и таможня не впустила ее в Россию, потому что это “идол”»¹³. Впоследствии принц добавил, что можно послать будду для нового храма, но в этом деле необходима инициатива от России. Г. А. Плансон обещал решить этот вопрос по прибытии в Петербург. Известно, что во время отпуска летом 1914 года он привез из Сиама в Петербург две статуи будды: первая – сидящий Будда Шакьямуни – подарок короля Сиама Рамы VI, вторая – стоящий Будда, примиряющий родственников. 9 июня 1914 года состоялось торжественное внесение в храм этих двух статуй [3: 32].

Г. А. Плансон часто посещал королевский Дусит парк, созданный Рамой V по образу европейских парков с дворцами и павильонами. Как можно сделать вывод из дневниковых записей, в Дусит парке собирались и проводили досуг европейцы. Этот момент был отмечен в записи от 2 июля 1911 года: «Едем в Dusit park смотреть Диких тигров». Имеется в виду корпус «Дикие тигры» – личная гвардия короля Рамы VI Вачиравуда. В записи от 28 сентября 1910 года дипломат отмечает хорошую погоду для прогулки по парку и говорит о встрече с королевой во дворце: «...дворец – веселый, чистый, новый с иголочки, слишком загроможденный европейскими статуями, картинами и т. п.»¹⁴. Однажды Г. А. Плансон увидел там бетонные сооружения, которые должны были поддерживать дворец, не давая ему погружаться в землю. Вспоминая Санкт-Петербург, он сделал запись в дневнике:

«...хорошо бы применить это у нас к Исаакиевскому собору»¹⁵. Имелось в виду, что собор в Петербурге имел неравномерный уровень осадки из-за того, что была сохранена восточная часть третьей Исаакиевской церкви, на месте которой строился собор.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ В БАНГКОКЕ

Г. А. Плансон часто пишет об обедах, на которые его с супругой приглашали западные дипломаты и сиамские принцы, рисует подробные схемы рассадки гостей за столом. Западные дипломатические миссии устраивали торжества, посвященные национальным праздникам, например Дню независимости США или 25-летию правления Вильгельма II, германского императора и короля Пруссии. Г. А. Плансон старался обнаружить и проследить признаки разведывательной деятельности в разговорах дипломатов и сиамских принцев. Про принца Чакрабона говорили, что он «привлекал к себе секретарей всех миссий, организовал шпионство, чтобы знать, что делается во всех миссиях»¹⁶. Дипломат упоминал европейского офицера и повара, которые нажили миллионы в Сиаме. Про датчанина по фамилии Ришелье с сомнительной репутацией сохранилась такая запись:

«Не служит ли он шпионом и не получает ли за это деньги, ибо у сиамцев шпионство играет большую роль? Они хорошо организуют эту часть и знают все»¹⁷.

Дипломат посещал дворцы сиамских принцев. 31 мая 1913 года, побывав на обеде у принца Дамронга в его новом дворце, «построенном не для блеска, а для удобства»¹⁸, Г. А. Плансон отмечал в дневнике: «Однако, кажется, и удобства немногого. Тесно, безвкусно, декадентщина. Влияние Дёринга (фамилия Дёринг указана именно через букву ё. – A. X.), который строил»¹⁹. Вероятно, имеется в виду Карл Дёринг, немецкий архитектор, историк искусств и археолог, собиратель сиамских произведений искусства. С 1906 года К. Дёринг служил инженером королевской государственной железной дороги Сиама. Он проектировал и руководил строительством железнодорожной инфраструктуры. Кроме того, по его проекту был построен дворец в провинции Пхетчабури для короля Чулалонгкорна и дворец Ворадита для принца Дамронга. Сохранились сведения, что Дёринг предпочитал получать вознаграждение антиквариатом из их собственных коллекций [8: 100].

Г. А. Плансону не нравились интерьеры дворцов, объединяющие европейскую и сиамскую культуру:

«...по стенам купола намалеваны декадентские девицы и европейские мальчики <...> тогда как есть чудные сиамские орнаменты. Вообще это смесь декаденции с сиамским»²⁰.

Одеяния сиамских королевских особ вызывали у дипломата, напротив, живой интерес. О принце Девавонге он написал: «В зеленоватой курточке и коротеньких панталонах»²¹, о королеве:

«Королева в кружевной блузке и шелковых панталонах, белых чулках и маленьких белых туфельках с бантиками <...> Бюст у нее весь был усыпан бриллиантовыми брошками и цепочками»²².

Многим сиамцам не нравилось присутствие европейцев в их стране, и поэтому нередко между ними возникали конфликты. Знакомые французы говорили дипломату, что, путешествуя по Сиаму, они убедились в том, как местные жители «ненавидят европейцев. Непременно дают провожатых, которые ничего не знают, никакой практической помощи не окажут, но всегда предлагаю ее, когда не надо»²³. Об этой неприязни открыто говорил даже военный министр Сиама принц Чира. Когда сиамский солдат едва не убил датского офицера, принц Чира рассудил так, что гнев сиамцев при виде европейцев не следует наказывать, поскольку «это так же естественно, как если бык при виде красного приходит в ярость»²⁴. Плансон писал на страницах своего дневника и о других иностранцах, проживавших в Сиаме. Так, он несколько раз упоминал о китайцах, которые были столярами и лавочниками, и о спекулянте-бирманце. «Препираемся с бирманцем. Сам ничего не делает, заказывает китайцам, а сам специализирует на разнице в цене (как все сиамцы)»²⁵.

Международные скандалы также оказались упомянуты на страницах дневника. Этель Прудлок была женой директора престижного института Виктории для мальчиков в Куала-Лумпуре (Малайя). Летом 1911 года ее обвинили в убийстве Уильяма Стюарда, управляющего шахтой, который пытался ее изнасиловать. Девушку приговорил к смертной казни суд княжества Селангор (Малайя), находившегося под протекторатом Великобритании. Приговор вызвал широкий общественный резонанс. После пяти месяцев ожидания апелляции Э. Прудлок была помилована. Г. А. Плансон отреагировал на это судебное разбирательство и написал в редакцию колониального периодического издания письмо «A Russian Lady's view on the Proudflock Case» («Взгляд российской девушки на дело Прудлок»). Неизвестно, было ли его письмо опубликовано. «Редакция заменила слово unguilty на innocent»²⁶ – это все, что дипломат пишет о реакции издательства.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДОСУГ И ФИКСАЦИЯ ВХОДЯЩЕЙ И ИСХОДЯЩЕЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Судя по дневниковым записям, теннис являлся одним из излюбленных видов досуга дипломата. Каждую неделю Г. А. Плансон играл в теннис с европейцами, находящимися в Бангкоке. Нередко к игре присоединялась Мария Якимовна Плансон – супруга дипломата. Игра рассматривалась и как возможность быть в курсе последних новостей столицы, а также сведений об изменениях в составах дипломатических миссий: «Приехали играть в теннис. Рассказали, что были с визитом у Мме Бури, германской посланницы, которая приехала два дня тому назад...»²⁷. Кроме тенниса, играли также в бильярд и покер, используя эти игры для более близкого общения с представителями правящего дома. Однажды принц Девавонг играл с австрийским и французским дипломатами в покер. Вот что при этом отметил наблюдательный Г. А. Плансон: «Девавонг увлекается, вскрикивает. Сидят до 12 ч. ночи. Девавонг выиграл – доволен. Мы все томимся, но не решаемся уехать раньше принца»²⁸.

Как написано в «Руководстве для коммерческих путешествий на Дальнем Востоке»²⁹, основными видами транспорта для путешествий по Сиаму являются железная дорога и моторные лодки. Железная дорога работала практически круглый год, за исключением сезона дождей. Моторные лодки для путешествия по рекам можно было арендовать, но это было хлопотно, поскольку необходимо было заранее «договариваться о еде, воде, прислуге и т. д.»³⁰. Г. А. Плансон путешествовал этими видами транспорта. Кроме того, дипломат иногда использовал для перемещения по городу и пригородам современный на тот момент вид автомобильного транспорта – моторкар (западный тип автомобиля, появившийся в Сиаме в начале XX века, который могли иметь только состоятельные жители Бангкока, в первую очередь сиамские принцы). Г. А. Плансон с интересом посещал древние буддийские храмы:

«Утром в автомобиле едем с сыном губернатора осматривать развалины древнего храма (600 лет) из крупных камней вроде готической стелы. И несколько ватов (буддийских монастырей). – A. X.)»³¹.

Большинство записей в дневнике лаконично сообщают о перемещениях дипломата по историческим местам и буддийским храмам Сиама:

«После завтрака едем инкогнито в Аюттай осматривать храм с огромным Буддой, возвращаемся, идем по дороге к станции»³². «После завтрака идем вниз по реке до какого-нибудь храма, невозможно пристать <...> Нападаем на неинтересный храм, где нечего смотреть»³³.

Нельзя не сказать об увлечении Г. А. Плансоном буддийской скульптурой. Ориентировочно с 1911 года дипломат начал приобретать предметы буддийского искусства, которые он впоследствии переправил в Санкт-Петербург. В настоящее время его коллекция хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Эта тема в научной литературе уже неоднократно затрагивалась [1], [2]. Г. А. Плансон писал, что многие европейцы были одержимы коллекционированием буддийской скульптуры и утвари. Австрийский дипломат «покупает будд à outrance (чрезмерно. – A. X.) через каких-то австрийцев»³⁴. Г. А. Плансон сетовал, что из-за чрезмерного коллекционирования европейцами на рынках ничего невозможного купить: «Все французы <...> все коллекционируют. Не мудрено, что ничего не остается для нас»³⁵. Нередко сиамские «диковинки» перекупались, что иллюстрирует незримое соперничество между европейцами в Сиаме. «Покупаю чашку <...> за 70 тик (сиамский тикаль – денежная единица Сиама. – A. X.), чтобы отбить у Кейля. В сущности, это сумасшествие платить такие деньги за такой хлам»³⁶. Г. А. Плансон писал, что кроме буддийской утвари велась торговля между европейцами «бриллиантами» из Чантаабури, провинции восточной части Таиланда. На самом деле это был циркон.

Четвертый тематический блок представляет собой фиксирование входящей и исходящей корреспонденции с краткими комментариями и пояснениями. Дипломат был в постоянной переписке с департаментом личного состава и хозяйственных дел МИД, отправлял отчеты в Петербург. Г. А. Плансон также состоял в переписке со своими сыновьями (Глебом и Сергеем), отцом и братьями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев дневниковые записи российского дипломата Г. А. Плансона, можно сделать вывод, что они содержат обширные сведения о дипломатической службе и частной жизни Георгия Антоновича в Сиаме. Российско-сиамские отношения отразились в дневниках с очень положительной стороны. Все члены королевской семьи, которые в свое время побывали в Российской империи, сохранили в памяти только теплые воспоминания. Многочисленные и многолюдные обеды, перечисленные в дневниках, могут служить иллюстрацией насыщенной международной жизни в Бангкоке. «Дух шпионажа и европейского соперничества» в единственном государстве Юго-Восточной Азии, сохранившем независимость, также говорит о динамичной дипломатической жизни развивающегося Бангкока. Досуг,

представленный в дипломатических дневниках, скорее является иллюстрацией той эпохи, а не экзотического места, поскольку теннис, покер и поездки на моторкаре – это виды европейско-

го досуга. К сиамским увлечениям европейцев можно отнести посещение буддийских храмов, путешествия по стране, коллекционирование предметов буддийского культа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 20823.
- ² Там же. Оп. 13. Д. 895.
- ³ Сиам – официальное название Таиланда до 1939 года.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 818. Оп. 1. Д. 189. Циркуляр № 4 по ведомству Министерства иностранных дел с указом Николая II Сенату от 25 января 1910 г. о назначении Плансона Г. А. поверенным в делах и генеральным консулом в Сиаме.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 191. Справка Министерства иностранных дел об учреждении в Сиаме русского генерального консульства и о присвоении проверенным в делах в Сиаме Оларовскому А. Э. и Плансону Г. А. звания «министра-резидент»
- ⁶ Там же. Д. 217. Дневник Плансона Г. А., русского посла в Сиаме (о пребывании в Бангкоке). Л. 1а об.
- ⁷ Там же. Л. 3 об.
- ⁸ Там же. Л. 5 об.
- ⁹ Хантер Э., Чакрабон Н. Катя и принц Сиама. М., 2004. 256 с.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 217. Л. 19 об.
- ¹¹ Там же. Л. 13.
- ¹² Там же. Д. 219. Л. 17 об. Дневник Плансона Г. А., русского посла в Бангкоке (Сиам) (о пребывании при Сиамском дворе).
- ¹³ Там же. Л. 18.
- ¹⁴ Там же. Д. 217. Л. 18 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 219. Л. 42 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 218. Л. 33 об. Дневник Плансона Г. А., русского посла в Сиаме (о пребывании в Бангкоке).
- ¹⁷ Там же. Л. 37 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 219. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 25.
- ²¹ Там же. Д. 217. Л. 3.
- ²² Там же. Л. 19.
- ²³ Там же. Д. 218. Л. 33.
- ²⁴ Там же. Л. 33–33 об.
- ²⁵ Там же. Д. 219. Л. 34.
- ²⁶ Там же. Д. 218. Л. 41 об.
- ²⁷ Там же. Д. 219. Л. 38 об.
- ²⁸ Там же. Л. 30 об.
- ²⁹ Commercial travelers' guide to the Far East. Washington: U. S. Government Printing Office, 1932. 389 p.
- ³⁰ Там же. Р. 359.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 218. Л. 29 об.
- ³² Там же. Л. 18.
- ³³ Там же. Л. 18 об.
- ³⁴ Там же. Д. 219. Л. 6 об.
- ³⁵ Там же. Л. 23.
- ³⁶ Там же. Л. 28 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дешпанде О. П., Мельниченко Б. Н. История создания коллекции буддийской скульптуры Таиланда из собрания Эрмитажа // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 15. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. С. 84–98.
2. Дешпанде О. П. Скульптура Юго-Восточной Азии в Эрмитаже. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 144 с.
3. Мельниченко Б. Н. Дом Романовых и Дом Чакри (Россия и Таиланд в конце XIX – начале XX вв.) // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 13. Вып. 3. С. 17–33.
4. Мельниченко Б. Н., Пылева А. И. Россия-Таиланд: история взаимоотношений (XIX – начало XXI века). СПб., 2011. 295 с.
5. От друга: Стодесятiletie установления таиландско-российских отношений. Изд-во Посольства Королевства Таиланд в России, 2007. 222 с.
6. L o o s T. Subject Siam: Family, law, and colonial modernity in Thailand. Cornell University Press, 2006. 240 p.

7. Snow K. St. Petersburg's man in Siam. A. E. Olarovskii and Russia's Asian Mission, 1898–1905 // *Cahiers du monde russe*. 2007. Vol. 4. № 48. P. 611–636.
8. Terwiel B. J. Cultural goods and flotsam: Early Thai manuscripts in Germany and those who collected them // *Manuscript Studies*. Vol. 2. Issue 1. Art. 3. P. 82–105.

Поступила в редакцию 02.03.2020

Anna M. Kharitonova, Assistant Lecturer, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
a.kharitonova@spbu.ru

SIAM THROUGH THE EYES OF A RUSSIAN DIPLOMAT (investigating Georgiy Planson's personal diaries)

The following paper is based on an investigation of the personal diary notes of a Russian diplomat Georgiy Planson (1859–?) that were taken during the period from 1910 to 1913. Planson served as Charge d'Affaires and Consul General in Siam between 1910 and 1916. The relevancy of the research arises from the fact that these diaries, as well as multiple other private information sources belonging to other members of the Russian diplomatic mission, have been scarcely if ever studied or analyzed so far. The contents of Planson's diaries can be divided into four main topics: relationships between Siam and the Russian Empire, international life in Bangkok, leisure and recreation of the diplomatic mission members, and the incoming/outgoing correspondence registration. The performed analysis enabled to easily determine the overall impression the Kingdom of Siam made on a Russian diplomat, as well as to trace overall tendencies and attitudes within the diplomatic circles of Bangkok in the 1910s. Microhistorical research methodology was applied in the current paper.

Keywords: Siam, Georgiy Planson, personal diaries of diplomats, Russia, Southeast Asia

Cite this article as: Kharitonova A. M. Siam through the eyes of a Russian diplomat (investigating Georgiy Planson's personal diaries). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 27–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.479

REFERENCES

1. Deshpande O. P., Mel'nicenko B. N. The history of the collection of the Buddhist sculpture of Thailand from the Hermitage. *Historiography and source studies of the history of Asia and Africa*. St. Petersburg, 1995. P. 84–98. (In Russ.)
2. Deshpande O. P. Sculpture of Southeast Asia in the Hermitage. St. Petersburg, 2016. 144 p. (In Russ.)
3. Mel'nicenko B. N. The Romanov and the Chakri Houses (Russia and Thailand in the late XIX – early XX centuries). *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2009. Ser. 13. Issue 3. P. 17–33. (In Russ.)
4. Mel'nicenko B. N., Pyleva A. I. Russia-Thailand: history of relations (XIX – early XXI centuries). St. Petersburg, 2011. 295 p. (In Russ.)
5. From a friend: 110th anniversary of the establishment of the Thai-Russian relations. Royal Thai embassy in Russia Publ., 2007. 222 p. (In Russ.)
6. Loos T. Subject Siam: Family, law, and colonial modernity in Thailand. Cornell University Press, 2006. 240 p.
7. Snow K. St. Petersburg's man in Siam. A. E. Olarovskii and Russia's Asian Mission, 1898–1905. *Cahiers du monde russe*. 2007. Vol. 4. № 48. P. 611–636.
8. Terwiel B. J. Cultural goods and flotsam: Early Thai manuscripts in Germany and those who collected them. *Manuscript Studies*. Vol. 2. Issue 1. Art. 3. P. 82–105.

Received: 2 March, 2020

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ev.kamenev@yandex.ru

АНТИКОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДЕКАБРИЗМА

Исследуется способ концептуализации декабризма в советской историографии середины 1950-х годов. В качестве примера взято повествование историков о целях движения декабристов. Показано, что благодаря наличию в исторических исследованиях знаков *народ, свобода, прогресс* характеристика декабристов соотносилась с идеологией кампании по борьбе с космополитизмом. Вследствие этих корреляций исторический нарратив приобретал дополнительный смысловой уровень. Тексты советских историков свидетельствовали не только о революционности декабристов, что достаточно очевидно, если мы их рассматриваем на уровне денотативной знаковой системы. В этих текстах благодаря элементам антикосмополитического кода присутствуют коннотации несомненного патриотизма декабристов. Более того, речь идет о том, что декабристский патриотизм был типологически близок советскому. Все это позволяет говорить, что концептуализация декабризма осуществлялась на уровне коннотативной знаковой системы. Советская историография декабризма середины 1950-х годов отличается несомненной полисемантичностью. В этой связи анализ трудов советских историков данного периода не может быть полным без учета соответствующего им культурно-семиотического кода.

Ключевые слова: историография декабризма, кампания по борьбе с космополитизмом, семиотика, культурный код, коннотации

Для цитирования: Каменев Е. В. Антикосмополитический код советской историографии декабризма // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 34–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.480

ВВЕДЕНИЕ

24 мая 1945 года И. В. Сталин на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии поднял тост за русский народ, назвав его «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹. Эти слова положили начало знаменитой кампании по борьбе с космополитизмом. Антикосмополитическая линия конца 1940-х – начала 1950-х годов имела ярко выраженный исторический аспект [8: 569]. Историки должны были «идти в первых рядах борцов с буржуазной идеологией» и приложить все силы к искоренению «космополитических идеек и концепций»². Для утверждения одного из основных понятий этой кампании – понятия советского патриотизма – и обоснования идеи, согласно которой оно имеет под собой историческую почву, нужны были соответствующие доказательства. Другими словами, историкам нужно было найти в истории примеры патриотизма, соответствовавшего советскому пониманию этого термина. Декабристы, положительно охарактеризованные самим В. И. Лениным³, названные

им заслуженными революционного движения в России, вполне подходили для решения этой задачи. Проблема поэтому была не только и даже не столько в поиске героев прошлого, сколько в их интерпретации – декабристов следовало изобразить так, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений в их патриотизме.

В настоящей работе нас интересует способ концептуализации декабризма в советской историографии середины 1950-х годов, то есть те средства, при помощи которых в повествование о декабристах включалась идея их несомненного патриотизма. Мы покажем, что существенную роль в концептуализации декабризма играли не только собственно научные, основанные на анализе исторических источников способы. Идея декабристского патриотизма включалась в исторические исследования благодаря наличию в них знаков антикосмополитического кода, то есть семиотическим по своей сути средствам⁴.

Исследование основано на материалах советской историографии середины 1950-х годов. Это компактный и цельный блок иссле-

дований, вышедших к 130-летию восстания декабристов и отражающих взгляды историков эпохи позднего сталинизма. Несмотря на то что эти труды были опубликованы в основном в середине 1950-х годов, работа над ними велась в период кампании по борьбе с космополитизмом⁵. Все эти тексты обнаруживают несомненную повторяемость как исторических сюжетов, так и их историографических трактовок, что позволяет обобщать единичные свидетельства.

В условиях, ограниченных рамками статьи, мы не претендуем на исчерпывающее исследование вопроса. В настоящей работе будут рассмотрены только те фрагменты научных исследований, в которых историки пишут о целях декабристского движения. В использованных нами текстах, учитывая их разнообразие (от двухтомной монографии М. В. Нечкиной, имеющей обобщающий характер, до небольших по объему статей, посвященных отдельным вопросам), повествование о целях движения декабристов встречается или во введении (как правило, это характерно для статей), или же в отдельных главах, что характерно для монографических исследований.

Методологической основой нашего исследования является семиотический анализ. Труды советских историков как тексты, созданные в пространстве советской культуры эпохи позднего сталинизма и выполняющие помимо научной еще и идеологическую функцию⁶, построены по принципу многоярусной семантики⁷ – в них содержится два смысловых уровня, и поэтому «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [13: 286]. Именно поэтому мы сознательно исключаем из сферы внимания прямые указания на патриотизм декабристов, то есть указания, сделанные на уровне первичной знаковой системы, поскольку нас интересует вторичный смысловой уровень.

Теория и практика анализа текстов такого типа разработана и апробирована Роланом Бартом⁸. Первичный смысловой уровень, согласно Барту, представлен естественным языком как денотативной знаковой системой. Его семантика доступна всякому, владеющему языком, на котором написан текст, поэтому чтение текста на этом уровне не представляет проблем. Вторичный семиотический уровень текста представлен его коннотативным компонентом – теми сопутствующими языковым единицам смыслами, которые актуализируются исключительно в рамках той культуры, в которой текст был создан. Другими словами, это текст языка культуры со своими, характерными только для него знаками.

Это уровень уже непрозрачен с семантической точки зрения, поскольку для выявления смысла сообщения необходимо знание соответствующего культурно-семиотического кода. Именно этот уровень является объектом нашего внимания, интерпретация декабризма осуществлялась на уровне языка культуры.

Исходя из этого цель нашей работы заключается в раскрытии семиотических основ концептуализации декабризма в советской историографии середины 1950-х годов. Для этого необходимо определить знаки вторичной семиотической системы, погрузить их в рамки соответствующего культурно-семиотического кода и выявить семантику этих знаков в пределах данного кода.

ЗНАКИ ВТОРИЧНОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Цель движения декабристов, согласно советским текстам, заключалась в «унищожении самодержавия и крепостничества»⁹. Сам по себе этот тезис стал уже хрестоматийным. Нас же интересует то, как он обосновывается в советских текстах. Именно это обоснование, поскольку оно относится уже к сфере интерпретации, то есть наделения смыслом, позволит нам увидеть коннотации в повествовании советских историков.

Народ является первым знаком, встречающимся в советском повествовании о целях декабристского движения. Декабристы, согласно советским текстам, были продуктом внутренних условий развития России – они, будучи представителями дворянского сословия, все же были связаны с простым русским народом и прекрасно видели его тяжелое положение. Именно поэтому не европейские политические идеи, а тяжелое положение народа послужило импульсом к движению декабристов¹⁰.

Тема связи народа и декабристов – одна из основных в советской историографии. Разумеется, вслед за Лениным советские историки утверждали, что члены тайных обществ «страшно далеки» от народа. Но далеки от народа они были исключительно с точки зрения тактики, так как намеревались действовать самостоятельно, без помощи масс. Цель же всей деятельности тайных обществ, говорится в источниках, была одна – народное благоденствие. Действие без народа, но для народа – вот формула декабризма, выведенная на страницах исследований советских историков. Декабристы, писал Н. М. Дружинин,

«не были способны связаться с народными массами, но они любили свой народ и стремились создать условия жизни, обеспечивающие ему быстрое экономическое и культурное развитие»¹¹.

О русском народе как важнейшем понятии декабристского мировоззрения говорится даже в текстах, посвященных внешнеполитическим проектам членов тайных обществ. Например, Б. Е. Сыроечковский в статье о балканской проблеме подчеркивает, что для декабристов характерно «внимание к интересам народа»¹².

Историки утверждали, что члены тайных обществ прекрасно видели все положительные качества русского народа, среди которых они выделяли его несомненный талант, мужество и силу. К примеру, Петр Каховский, согласно работе К. С. Асенова, «восторженно отзываеться о преимущественных качествах русского народа по сравнению с другими, ему известными народами»¹³. Вместе с тем в текстах говорится, что, несмотря на свой героизм в борьбе с внешним врагом, русский народ страдал от врага внутреннего – самодержавия. Здесь мы сталкиваемся со вторым знаком советского повествования о целях декабристского движения – *свобода*. Народ, спасший страну от Наполеона, сам находился в состоянии рабства, что создавало крайне несправедливое положение. Согласно К. Аксенову, Россия, «населенная великим, умным и трудолюбивым народом, билась в тисках <...> реакционнейшего русского самодержавия»¹⁴.

Сходную трактовку обнаруживаем и у С. М. Файерштейна – страна в начале XIX века была «принижена и придавлена крепостничеством и аракчеевским произволом»¹⁵.

Более того, положение народа после победы в Отечественной войне даже ухудшилось – одним из сюжетов в наших текстах является народное страдание от аракчеевской политики.

Декабристы, как утверждали советские историки, прекрасно понимали несправедливость такого положения русского народа:

«Передовые люди того времени, – говорится в монографии П. Ф. Никандрова, – понимали, что без коренных преобразований в социально-политическом строем России не обойтись. Понимал это и П. И. Пестель. Он считал, что русский народ, который выдержал основную тяжесть в войне с Наполеоном и обеспечил России независимость, не может больше оставаться в тисках загнивающего феодально-крепостнического строя»¹⁶.

Декабристы «желали видеть Россию свободной»¹⁷.

Свобода, таким образом, характеризуется в источниках как освобождение от «иги самодержавия» и крепостного права. Поэтому цели декабристов, заключавшиеся в ликвидации монархии и крепостного строя, осложнялись в советской историографии идеями освобождения народа.

Нужно отметить, что идея освобождения распространялась декабристами не только на рус-

ский народ. Декабристы, как показано в наших текстах, мыслили шире. В их планах освобождению подлежали все страдающие под игом абсолютизма. К примеру, согласно Л. А. Медведской, «декабристы первые выдвинули лозунг восстановления независимости Польши и первыми подняли вопрос о едином фронте борьбы русских и поляков против самодержавия»¹⁸ и многое сделали для этого. Вот почему имена декабристов, согласно советской историографии, «остались навсегда дороги польским борцам за национальную свободу»¹⁹.

Прогресс является третьим знаком, при помощи которого характеризуются цели декабристского движения в наших текстах. Самодержавие и крепостное право вызывали, по мнению историков, ненависть декабристов еще и потому, что они тормозили развитие страны. Самодержавная крепостническая Россия, по выражению М. В. Нечкиной, «не могла двигаться вперед», стране «грозили застой и деградация»²⁰. Это утверждение было основано на теоретико-методологической базе исторического материализма. Начало XIX века, согласно советской историографии, это период, когда количество частных противоречий между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений переходит в качественно новую форму – кризис всей феодальной системы. Так, целая глава исследования М. В. Нечкиной посвящена анализу развития сельского хозяйства и промышленности России начала XIX века. Историк показывает, что экономика России не могла развиваться при сохранении абсолютизма и крепостного права. Нужна была радикальная ломка всего общественно-политического строя для обеспечения быстрого развития страны. Без нее Россия все больше и больше отставала от западных государств. «Феодально-крепостнические порядки», по выражению Е. А. Прокофьева, «являлись тормозом и преградой» на пути страны²¹. Декабристы же искренне хотели, чтобы Россия была «передовой страной, чтобы в ней процветали промышленность, наука, искусство, просвещение»²². Поэтому цели декабристского движения трактовались как ликвидация всех препятствий на пути к прогрессу страны. Деятельность декабристов, говорится в работе П. Ф. Никандрова,

«была направлена на уничтожение отживших общественных и политических порядков», поскольку они «стремились выдвинуть русское государство в число самых передовых стран не только в военном <...> но главным образом в экономическом, политическом и культурном отношениях»²³.

Интересно, что идея прогресса подчеркивается также и в специальных исследованиях. К примеру, с ней мы сталкиваемся в работе Е. А. Прокофьева, посвященной военным взглядам членов тайных обществ. Декабристы, согласно историку, были «знаменосцами прогресса» даже в военном деле, поскольку они обогатили и продвинули вперед русскую военную науку²⁴.

Семантика этих знаков предельно ясна на первичном семиотическом уровне – декабристы ставили своей целью свержение «самодержавно-крепостнических порядков» потому, что они прекрасно видели все достоинства русского народа, осознавали его тяжелое положение, стремились освободить его от «иги царизма» и ликвидировать все преграды на пути к развитию страны. Однако в рамках советского интеллектуального контекста середины XX века выявленные нами знаки имели свои коннотации.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД

Коннотации актуализируются и приобретают фиксированное значение благодаря ассоциациям, возникающим в пределах той культуры, в которой создан текст. Возникают они на основе так называемой памяти контекста, интертекстуальных связей произведения – через актуализацию явных и скрытых отсылок к precedentным текстам данной эпохи и к знаковым для данной культуры событиям²⁵. Поскольку культура представляет собой совокупность семиотических кодов [11], [12], наша задача – найти тот код, в пределах которого интересующее нас повествование советских историков функционировало как знаковая система, то есть возникло явление семиозиса.

Интеллектуальным контекстом, в рамках которого в середине 1950-х годов создавались интересующие нас исторические исследования, была кампания по борьбе с космополитизмом. Советская историческая наука уже вскоре после Октябрьской революции стала использоваться для решения политических и идеологических задач, одной из основных ее функций было участие в воспитании и просвещении масс [1: 22, 29]. И если изучение дореволюционной истории России первоначально не являлось приоритетным, то уже в 1930-е годы ситуация изменилась. С этого времени началась ее частичная реабилитация [9]. Она была связана с актуализацией в официальной идеологии понятия *советский патриотизм*. Это понятие, впервые употребленное в 1934 году, заменило собой понятие красного патриотизма и, в отличие от него, предполагало обращение к истории [8: 50, 60]. В основу патриотической идеи было положено представление

о том, что Советский Союз является законным наследником лучших традиций прошлого [9: 230]. Как показал А. М. Дубровский, в непосредственной связи с реализацией в официальной идеологии антикосмополитической линии актуализировались и обострились отношения в системе «власть – историк» [8: 569]. В «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» (1947) говорилось, что необходимо показывать не только «величие социалистической родины», но и разъяснять, что «наши народ вправе гордиться и своим великим историческим прошлым»²⁶. Те, кто не понял политического смысла возвращения к национально-историческим традициям, были подвергнуты серьезной критике со стороны власти²⁷. В этих условиях историки должны были постоянно относить прошлое с настоящим. Все это приводило к тому, что в повествовании о декабристах историческая фактология тесно переплеталась с советской идеологией, что порождало в тексте два смысловых уровня. Идеология кампании по борьбе с космополитизмом является тем семиотическим кодом, с помощью которого зафиксированы в интересующих нас текстах культурно-обусловленные смыслы. Без учета этого кода повествование о целях декабристского движения не может быть понято в полном его объеме.

Мы будем опираться на те тексты, которые, во-первых, имели precedentный характер в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, то есть формировали понятие *советский патриотизм* и раскрывали его семантику и, во-вторых, которые по времени своей публикации были максимально близки к выходу рассмотренных нами работ советских историков. К таким текстам мы относим статью Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм»²⁸, опубликованную в общесоюзной газете «Правда» в 1947 году; публичную лекцию кандидата философских наук, члена редколлегии журнала «Коммунист» А. И. Соболева «О советском патриотизме»²⁹, организованную Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и прочитанную в центральном лектории общества в Москве, а затем опубликованную отдельной брошюрой в издательстве «Правда» в 1948 году; статью «Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны», изданную в журнале «Большевик» в 1948 году³⁰; статью заведующего отделом печати МИД СССР Г. П. Францева «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции», опубликованную в 1949 году в газете «Правда»³¹; статью «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии»³²,

опубликованную в журнале «Вопросы истории» в 1949 году.

В текстах, вышедших в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, мы сталкиваемся с уже известными нам знаками – советские идеологии раскрывают оппозицию космополитизму/патриотизму на основании отсылок к народу, свободе, прогрессу. Советский патриотизм понимается в этих работах как «принципиально новый высший тип» любви к отечеству. В сущности, согласно советской идеологии, он и был единственным подлинным патриотизмом, поскольку патриотизм западного общества рассматривался всего лишь как красивая ширма, прикрывающая «расовые, шовинистические, националистические теории»³³.

Понятие *советский патриотизм*, сконструированное советскими идеологами, тесным образом было связано с понятием *народ*. Согласно кампании по борьбе с космополитизмом, любовь к родине одновременно является и любовью к народу, поскольку истинный патриотизм всегда имеет ярко выраженный национальный аспект. Более того, слова *родина* и *народ* понимаются в источниках как равнозначные и зачастую заменяют друг друга. Величие страны, согласно советской идеологии, это прежде всего величие ее народа. В текстах, обслуживавших кампанию по борьбе с космополитизмом, сделан максимальный акцент на таких качествах русского народа, как интеллект и смелость:

«Выдающиеся черты русского народа с особой силой проявились не только в деле создания могущественного национального государства, но и в создании неоценимых духовных ценностей. <...> ...Нет ни одной области созидательной человеческой деятельности, где бы русский человек не оставил глубоких и неизгладимых следов»,

– гласил журнал «Большевик»³⁴. В то же время русский народ – это еще и народ-воин. На протяжении всей истории он защищал свою страну от внешних врагов: «Русь родилась в боях с иноземными врагами, она росла, развивалась и мужала, отражая бесчисленные атаки»³⁵. Советская идеология утверждала, что гордость за свою страну обусловлена осознанием величия ее народа. Подлинным патриотом является тот, кто видит, что «русская нация – выдающаяся нация», которая доказала это «своим трудом, своими творениями, открытиями, изобретениями»³⁶. Внимание к положению своего народа, стремление создать все условия для его развития – характерная черта настоящего патриота. Напротив, «бездонные космополиты», согласно идеологии кампании по борьбе с космополитизмом, в отличие от истинных патриотов, игнорируют все

достижения русского народа, подвергают сомнению «все сделанное, изобретенное русским людьми и учеными»³⁷ и «искажают историю героической борьбы русского народа против своих угнетателей»³⁸. Космополитов советская идеология усматривала не только в настоящем, но и в прошлом. В дореволюционной России к ним было отнесено дворянство. Редактор газеты «Правда» Д. Т. Шепилов утверждал, что «антинародность» являлась определяющей чертой «господствовавших классов»³⁹.

Понятие *патриотизм* в рамках антикосмополитического кода предполагало также борьбу за свободу народа от любых «угнетателей»⁴⁰. В агитационных материалах Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выделены «две стороны всякого истинного патриотизма: ненависть и борьба с внешними поработителями, а также и ненависть и борьба с внутренними поработителями»⁴¹. К внешним врагам относились иноземные захватчики, и с ними народ всегда успешноправлялся. Внутренним же врагом считалось самодержавие и «поддерживающие его эксплуататорские классы». Внутренний враг был, согласно советским идеологам, не менее, а зачастую даже более опасен, чем внешний, поскольку народ не может освободиться от него самостоятельно. Для этого нужна сила, направляющая и возглавляющая народ. Только истинные патриоты, осознающие необходимость борьбы за народную свободу, становятся такой силой. Поэтому борьба с «внутренними поработителями» названа советскими идеологами характерной чертой «всякого истинного патриотизма»⁴².

Важно подчеркнуть, учитывая то внимание, которое советские историки уделяли борьбе декабристов за свободу других народов, что понятие *свобода* в рамках антикосмополитического кода имело еще и ярко выраженный интернациональный аспект. Истинный патриот радеет не только о свободе народа своей страны. Он всегда стремится помочь другим странам сбросить оковы внутреннего врага. «Любовь к своей стране» сочетается, согласно агитационной статье «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции», «с интернационализмом, с уважением к правам и свободе других народов»⁴³.

Понятие патриотизма было связано официальной идеологией также с идеей прогресса. Любовь к отечеству предполагала борьбу против тех сил, которые тормозят развитие страны, стоят на пути прогресса. Царская Россия была охарактеризована советскими идеологами как огромная отсталая страна, страна «бескультурья, темноты, невежества», в которой «даже начальное обра-

зование для народных масс было почти недосыгаемой мечтой»⁴⁴. С каждым годом «Россия все больше и больше отставала в своем развитии от передовых капиталистических стран»⁴⁵, – писал Д. Т. Шепилов. Отставание России объяснялось антипатриотической по своей сути политикой «правящих классов», которые, предавая национальные интересы, всячески препятствовали развитию России и русского народа. Напротив, в основе истинного патриотизма лежат, согласно официальной идеологии, национальные интересы. Патриотизм, согласно агитационной работе Соболева, находит свое выражение в «заботе о процветании и могуществе родины»⁴⁶. Настоящий патриот всегда стремится обеспечить все условия для успешного развития своей страны, ее прогресса, и для этого обращает свое оружие против внутреннего врага.

ВЫВОДЫ

Анализ культурно-семиотического кода позволяет говорить о коннотативном пласте в текстах советских историков середины 1950-х годов. Повествование о целях декабристского движения свидетельствовало, таким образом, не только о революционности декабристов, что достаточ-

но очевидно, если мы рассматриваем это повествование только на уровне первичной знаковой системы (цель движения – свержение «самодержавно-крепостного строя»). В текстах советских историков благодаря наличию в них знаков *народ*, *свобода*, *прогресс* актуализируются коннотации несомненного патриотизма декабристов. Более того, речь идет о том, что декабристский патриотизм был типологически близок советскому.

Концептуализация декабристского патриотизма, таким образом, осуществлялась в советской историографии на уровне вторичной знаковой системы. Исторические исследования через знаки антикосмополитического кода соотносились с текстами, изданными в рамках кампаний по борьбе с космополитизмом. Благодаря этим корреляциям исторический нарратив приобретал дополнительную смысловую глубину – помимо научного в нем присутствует еще культурно обусловленный уровень. Все это позволяет говорить о том, что советская историография декабрязма середины 1950-х годов отличается несомненной полисемантичностью. Поэтому анализ трудов советских историков данного периода не может быть полным без учета соответствующего им культурно-семиотического кода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выступление товарища И. В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии (24 мая 1945 г.) // Большевик. 1945. № 10. С. 1.

² О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 10, 13.

³ Декабристы, согласно В. И. Ленину, стояли у истоков русского освободительного движения и впервые сформулировали республиканскую идею (Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1972. Т. 6: Январь – август 1902. С. 319; Ленин В. И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1976. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912. С. 261). Как борцы с самодержавным насилием декабристы отмечены В. И. Лениным в одном ряду с Радищевым, народниками и большевиками: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» (Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т. 26: Июль 1914 – август 1915. С. 107). При этом в сталинскую эпоху не имело значения, насколько классические тексты соотносятся с историческим контекстом, потому что в них «выражается вся полнота истины» [17: 677].

⁴ Лингвистический поворот – одно из наиболее заметных явлений в исторической науке последних десятилетий – актуализировал вопрос о способах познания прошлого и о возможных путях его интерпретации [20], [21]. Х. Уайт и Ф. Анкерсмит показали, что историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмыслиенный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств. Нарративные и дискурсивные стратегии, используемые автором, оказывают влияние на формирование смысла исторического повествования [2], [18]. Другими словами, содержание повествования в исторической науке во многом зависит от его формы [22].

⁵ В более поздних работах уже обнаруживается отход от историографических схем и концепций этой эпохи. См., например: Ланда С. С. Дух революционных преобразований 1816–1825. М.: Мысль, 1975. 379 с.

⁶ В период кампаний по борьбе с космополитизмом исторические сочинения должны были служить воспитанию чувства подлинного патриотизма. Тот факт, что использованные нами тексты и были изданы уже после смерти В. И. Сталина и, как следствие, ослабления идеологического диктата, не отменял необходимости следовать руководящим указаниям – даже в середине 1950-х – середине 1960-х годов историкам удалось получить лишь относительную свободу [15: 266].

- ⁷ По такому принципу построены, например, художественные тексты (подробнее об этом: [4], [5], [6]). Идеи о семиотической многоуровневости текста получили распространение в гуманитаристике. В современной исторической науке эти идеи находят в исследований И. Н. Данилевского и С. Я. Сендеровича ([7], [14]).
- ⁸ Прежде всего в работах «Основы семиологии», «S/Z», «Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По». О коннотативной семиотике Р. Барта см. исследование Г. Косикова [10].
- ⁹ Захаров Н. С. Петербургское совещание в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. / Под. ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 120.
- ¹⁰ В этом смысле весьма показательно утверждение историка И. Я. Щипанова, согласно которому идеология декабристов была «глубоко национальной» и отражала «самосознание русского народа» (Щипанов И. Я. Социально-политические и философские взгляды декабристов // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 9).
- ¹¹ Дружинин Н. М. Предисловие // Очерки из истории движения декабристов... С. 10.
- ¹² Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов // Очерки из истории движения декабристов... С. 274.
- ¹³ Аксенов К. Северное общество декабристов. Л.: Ленингр. газетно-журнальное и кн. изд-во, 1951. С. 50.
- ¹⁴ Аксенов К. Указ. соч. С. 5–6.
- ¹⁵ Файерштейн С. М. Два варианта решения аграрного вопроса в «Русской правде» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов... С. 15.
- ¹⁶ Никандров П. Ф. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. С. 17.
- ¹⁷ Аксенов К. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁸ Медведская Л. А. Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов... С. 276.
- ¹⁹ Медведская Л. А. Указ. соч. С. 276.
- ²⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 50.
- ²¹ Прокофьев Е. А. Военные взгляды декабристов. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны Союза ССР, 1953. С. 11.
- ²² Щипанов И. Я. Указ. соч. С. 18.
- ²³ Никандров П. Ф. Указ. соч. С. 5, 6.
- ²⁴ Прокофьев Е. А. Указ. соч. С. 173.
- ²⁵ Поскольку интертекстуальные связи актуализируются в произведении с участием читателя, как показал Умберто Эко [19: 43], вопрос о роли советских историков в их проведении мы оставляем за рамками настоящей работы. Это тема отдельного исследования.
- ²⁶ План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ агитпропа ЦК // Stalin и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 112.
- ²⁷ Критике подверглись историки И. И. Минц, Н. Л. Рубинштейн, Г. С. Фридлянд, Н. Н. Ванаг и другие специалисты. Подробнее об этом см. в монографии В. В. Тихонова [16] и статье С. В. Константинова [9].
- ²⁸ Шепилов Д. Советский патриотизм // Правда. 1947. 11 авг. С. 2–3.
- ²⁹ Соболев А. И. О советском патриотизме: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: Правда, 1948.
- ³⁰ Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1945. № 10. С. 3–12.
- ³¹ Францев Г. П. Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции // Stalin и космополитизм... С. 370–376.
- ³² О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13.
- ³³ Соболев А. И. Указ. соч. С. 17.
- ³⁴ Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1945. № 10. С. 6.
- ³⁵ Соболев А. И. Указ. соч. С. 11.
- ³⁶ Там же. С. 12.
- ³⁷ Там же. С. 13.
- ³⁸ О задачах советских историков... С. 4.
- ³⁹ Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.
- ⁴⁰ Официальное содержание понятия *патриотизм* было дополнено идеей революционности еще в 1940-е годы. Отсутствие связей в литературных и научных сочинениях между чувством государственного патриотизма и революционными традициями стало вызывать беспокойство аппарата ЦК. Власть предприняла ряд мер для решения этой проблемы [3: 49]. В частности, на знаменитом совещании по вопросам истории в ЦК ВКП(б) в 1944 году был поднят вопрос о развитии русского национального самосознания и его связи с «героическим прошлым» народа, под которым понималось в том числе русское революционное движение (подробнее об этом см.: Стенограмма по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 79).
- ⁴¹ Соболев А. И. Указ. соч. С. 11.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Францев Г. П. Указ. соч. С. 376.
- ⁴⁴ Соболев А. И. Указ. соч. С. 15.

⁴⁵ Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.⁴⁶ Соболев А. И. Указ. соч. С. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 13–51.
2. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
3. Амантов Ю. Н. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Вступительная статья // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–54.
4. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
5. Барт Р. Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
6. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
7. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 370.
8. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
9. Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
10. Косяков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50.
11. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 143–153.
12. Лотман Ю. М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 287–295.
13. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
14. Сендерович С. Я. Раннее русское летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I. С. 461–499.
15. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг.–середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.
16. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
17. Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
19. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
20. Breisach E. On the future of history: the postmodernist challenge and its aftermath. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
21. Iggers G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
22. White H. Content of the form: Narrative discourse and historical representation. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Поступила в редакцию 25.02.2020

Evgenii V. Kamenev, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ev.kamenev@yandex.ru

ANTI-COSMOPOLITAN CODE IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF DECEMBRISM

The article explores the way of conceptualizing Decembrism in the Soviet historiography of the mid-1950s. The narrative of Soviet historians about the goals of the Decembrist movement is taken as an example. It is shown that such signs as *people*, *freedom* and *progress* in the texts of Soviet historians enabled to correlate the characteristics of the Decembrists with the ideology of the campaign against cosmopolitanism. As a result of these correlations, the historical narrative acquired additional semantic depth – besides the scholarly level, it also had a culturally determined level. The texts of Soviet historians testified not only to the revolutionism of the Decembrists, which is quite obvious if these texts are considered at the level of the denotative sign system. Due to the presence of the elements of an anti-

cosmopolitan code, these texts contain the connotations of the undoubted patriotism of the Decembrists. Moreover, it was said that the Decembrists' patriotism was typologically similar to the Soviet one. It is therefore possible to say that the conceptualization of Decembrism was carried out at the level of the connotative sign system. Soviet historiography of Decembrism in the mid-1950s was characterized by undoubted polysemanticity. Therefore, the analysis of the works of Soviet historians of this period cannot be complete without taking into account the corresponding cultural and semiotic code.

Keywords: historiography of Decembrism, campaign against cosmopolitanism, semiotics, cultural code, connotations
Cite this article as: Kamenev E. V. Anti-cosmopolitan code in the Soviet historiography of Decembrism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 34–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.480

REFERENCES

1. Alekseeva G. D. The October Revolution and historical science. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 13–51. (In Russ.)
2. Ankersmit F. History and tropology: the rise and fall of metaphor. Moscow, 2009. 400 p. (In Russ.)
3. Amiantov Yu. N. Transcript of the meeting on the history of the USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1944. Introductory article. *Issues of History*. 1996. No 2. P. 47–54. (In Russ.)
4. Barthes R. Elements of semiology. *Barthes R. Writing degree zero*. Moscow, 2008. P. 275–352. (In Russ.)
5. Barthes R. Textual analysis of a tale by Edgar Poe. *Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
6. Barthes R. S/Z. Moscow, 2009. 373 p. (In Russ.)
7. Danilevskiy I. N. The Tale of Bygone Years: the hermeneutical basis of the chronicles. Moscow, 2004. 370 p. (In Russ.)
8. Dubrovskiy A. M. Historian and authorities: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950). Bryansk, 2005. 800 p. (In Russ.)
9. Konstantinov S. V. Pre-revolutionary history of Russia in the ideology of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the 1930s. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 217–243. (In Russ.)
10. Kosikov G. Roland Barthes – a semiotician and a theorist of literature. *Barthes R. Writing Degree Zero*. Moscow, 2008. P. 5–50. (In Russ.)
11. Lotman Yu. M. Culture and information. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 143–153. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M. The stage and painting as code mechanisms for cultural behavior in the early nineteenth century. *Lotman Yu. M. Selected articles in 3 vols*. Vol. I: Articles on the semiotics and typology of culture. Tallinn, 1992. P. 287–295. (In Russ.)
13. Lotman Yu. M. Theses on the problem of “art in the series of modeling systems”. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
14. Senderovich S. Ya. Russian primary chronicles and the problem of the beginning of Russian historiography. *From the history of Russian culture*. Moscow, 2000. Vol. I. P. 461–499. (In Russ.)
15. Sidorova L. A. The Thaw in historical science. From the mid-1950s to the mid-1960s. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 244–268. (In Russ.)
16. Tikhonov V. V. The ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science: from the mid-1940s to 1953. Moscow, St. Petersburg, 2016. 424 p. (In Russ.)
17. Yurganov A. L. Russian national state. The existential world of the Stalin period historians. Moscow, 2011. 765 p. (In Russ.)
18. White H. Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. 528 p. (In Russ.)
19. Eco U. The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.)
20. Breisach E. On the future of history: the postmodernist challenge and its aftermath. Chicago, London, 2003. 243 p.
21. Iggers G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London, 1997. 208 p.
22. White H. Content of the form: Narrative discourse and historical representation. Baltimore, London, 1990. 244 p.

Received: 25 February, 2020

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

elenadianova@yandex.ru

ПРОВЕДЕНИЕ МЕТРИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРЕЛИИ

Актуальность данного исследования обусловлена интересом научной общественности к истории реформ в контексте российской модернизации. Метрическую реформу можно рассматривать как одно из инновационных мероприятий и промежуточный результат модернизационных процессов в стране. Проведением метрической реформы в Карелии руководило республиканское правительство, принявшее ряд постановлений о введении метрической системы. В статье рассматриваются способы наглядной агитации и устной пропаганды метрических мер как части политico-просветительной работы в 1920-е годы с участием работников народного образования, кооперации, культурно-просветительных учреждений; описывается деятельность Межведомственной метрической комиссии, разработавшей трехлетний план метризации с определением сроков перехода на метрическую систему в оптовой и розничной торговле; освещаются вопросы, связанные с работой карельского отделения Северо-Западной Поверочной палаты мер и весов по поверке и клеймению измерительных приборов. На основе документов официального характера и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов показаны особенности проведения реформы в различных отраслях экономики края (торговля и заготовки, промышленность, сельское и лесное хозяйство, коммунальное хозяйство), культуре и образованию, представлены основные результаты метрической реформы в Карелии. Характерной чертой проведения метрической реформы в крае можно назвать дифференцированный подход в отношении перехода на метрическую систему в городах и сельской местности, в центре и на периферии, что было обусловлено своеобразием социально-экономического развития (небольшое количество промышленных предприятий, значительная роль промыслов и лесозаготовок, наличие торговых заведений различных форм собственности).

Ключевые слова: метрическая реформа, Международная метрическая система, Межведомственная метрическая комиссия, Поверочная палата мер и весов, модернизация

Для цитирования: Дианова Е. В. Проведение метрической реформы в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 43–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.481

ВВЕДЕНИЕ

Российская модернизация, представлявшая собой ускоренное развитие промышленности и переход от аграрного к индустриальному обществу, сопровождалась глубинными не только социально-экономическими, но и социокультурными изменениями, к которым можно отнести и метрическую реформу. Индустриализация, массовое производство стандартизированной фабричной продукции потребовали смены технологий, преобразований в системе измерений. Рост внешней торговли и коммерческой деятельности во второй половине XIX века заставил учитывать требования рынка по обеспечению надлежащего качества экспортных товаров, соответствующих Международной метрической системе мер и мировым метрологическим стандартам. В 1875 году Россия подписала Метрическую конвенцию, в

1889 году она получила изготовленные из иридевой платины эталоны метра № 28 и килограмма № 12. В 1893 году была создана Главная палата мер и весов во главе с Д. И. Менделеевым. В 1899 году утверждено Положение о мерах и весах и принят закон, разрешавший употребление наравне с российскими мерами международных метрических мер¹.

Попытки повсеместного введения метрической системы наталкивались на бюрократические препятствия, поскольку применение метрических мер в контрактах, торговых сделках, сметах, подрядах «в пределах деятельности отдельных казенных ведомств и общественных управлений» осуществлялось «с разрешения или по распоряжению подлежащих министров»². В России в условиях доминирования аграрного сектора в экономике и незавершенной индустриализации

старая система мер, доставшаяся в наследство от феодализма, сохранялась до революции 1917 года.

Переход от русских мер к десятичной системе произошел в ходе метрической реформы, проводившейся с приходом к власти большевиков. При новом политическом строе метрическая реформа укладывалась в русло советской модернизации, она заключалась в отказе от традиционной системы мер и внедрении в хозяйство, быт и повседневную жизнь десятичных метрических мер, изначально принятых во Франции в 1791 году.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом научной общественности к проблемам российской модернизации. Метрическая реформа выступает как составная часть инновационных мероприятий и промежуточный результат модернизационных процессов в стране. Наличие региональных и национальных особенностей определило специфику проведения метрической реформы в отдельных губерниях, автономных областях и республиках страны.

В научной литературе освещались различные аспекты истории российской и советской метрологии [1], [2], [8], [14], в том числе метрологическая реформа Д. И. Менделеева [5], роль метрологии в унификации управления Российской империей [13], значение метрологического обеспечения отечественной науки и промышленности [12], правовые аспекты деятельности государственной метрологической службы [9] и развитие советского законодательства о метрологии [10]. Несколько статей посвящено 90- и 100-летию декрета о переходе России на Международную метрическую систему мер [4], [11]. Особенности осуществления метрической реформы в 1920-е годы на местах, в том числе в северных губерниях, также представлены в публикациях [3], [6], [7]. Вместе с тем проведение метрической реформы в Карелии изучено недостаточно. Привлечение дополнительных материалов позволит расширить общее представление о введении метрических мер в Автономной Карельской Социалистической Советской Республике (АКССР).

В качестве основных источников использовались документы фондов Национального архива РК. Наиболее информативным является фонд Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (Ф. Р-721), где найдены протоколы заседания Карельской Межведомственной метрической комиссии (ММК), переписка с СНК РСФСР по вопросам проведения метрической реформы на территории АКССР. Отрывочные сведения о введении метрической системы на местах выявлены в фондах кооперативных союзов: Карельского союза сельскохозяйственной

кооперации (Ф. Р-244), Карело-Прионежского союза потребительской кооперации (Ф. Р-509), Карельского рыбопромыслового союза (Ф. Р-647). Введение метрических мер регулировалось государственными органами, поэтому в качестве источника привлекались сборники постановлений и распоряжений ЦИК и СНК АКССР.

Цель данной статьи – показать ход проведения метрической реформы в Карелии. Новизна исследования заключается в том, что в ней впервые рассматривается деятельность Карельской Межведомственной метрической комиссии, анализируются постановления правительства АКССР по введению метрической системы мер и весов в государственной, кооперативной и частной торговле и применению метрического оборудования, описываются способы популяризации метрической системы, приводятся основные результаты метрической реформы в крае.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕТРИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРЕЛИИ

В Советской России началом метрической реформы считается декрет СНК РСФСР от 11 сентября 1918 года, который постановил: «Положить в основание всех измерений, производимых в РСФСР, международную метрическую систему мер и весов с десятичными подразделениями и производными».

За основную единицу длины был принят метр, а за основную единицу веса (массы) – килограмм. Декретом устанавливался срок проведения метрической реформы в России с 1 января 1919 года до 1 января 1922 года, а с 1 января 1924 года планировалось «воспретить применение всяких мер и весов, кроме метрических»³.

В период Гражданской войны и иностранной военной интервенции осуществить переход на метрическую систему не удалось. Во время политики военного коммунизма при проведении продразверстки сбор продовольственных излишков, хлеба, картофеля, фуражка и других видов сельхозпродукции производился в старых мерах – фунтах и пудах. Снабжение населения продуктами питания через распределительные пункты и единые потребительские общества (ЕПО) также осуществлялось в старых мерах веса – в фунтах и золотниках.

Сведения о пайковых нормах печатались в местных газетах. К примеру, «Олонецкая коммуна» регулярно сообщала населению о количестве тех или иных продуктов, выдаваемых по пайкам. Так, в мае 1919 года норма выдачи продуктов служащим и рабочим из продовольственных лавок Мурманской железной дороги (МЖД) в

Петрозаводске была следующей: на одного едока полагалось по полфунта колбасы, лука и солонины, зато жмыха выдавали сразу 2 фунта. С 1 февраля 1920 года потребители, прикрепленные к распределительным пунктам и лавкам МЖД, получали на месяц по 1 фунту соли, сахарного песка и квашеной капусты, $\frac{1}{2}$ фунта чая. Членам их семей выдавали по 1 фунту соли и $\frac{1}{4}$ фунта сахарного песка. Детям до 15 лет – по 1 фунту пшена, детям до 5 лет полагалось еще $\frac{1}{4}$ фунта постного масла⁴.

После окончания Гражданской войны, приняв декрет СНК РСФСР «Об отдалении срока введения метрической системы» от 29 мая 1922 года, советское правительство продлило переходный период на новую систему мер до 1 января 1927 года⁵. Причинами отдаления срока окончательного введения метрических мер являлись не только хозяйственная разруха и преодоление последствий голода, но и нехватка метрического оборудования, разнообразие сфер использования мер длины, веса, объема, площади (промышленность, сельское хозяйство, торговля, строительство, транспорт, здравоохранение и др.), неоднородность административно-территориальных единиц управления.

В 1923–1924 годах проводилась подготовительная и пропагандистская работа по введению метрической системы. В культурно-просветительных учреждениях, избах-читальнях и рабочих клубах, красных уголках профсоюзов и месткомов кооперативных организаций, на агрономических пунктах открывались метрические уголки, где находились справочники, плакаты и переводные таблицы. Здесь же устраивались лекции и беседы, населению давались устные разъяснения относительно новых метрических мер.

Популяризация метрической системы проводилась различными ведомствами по линии общественных, партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций. В Карелии одними из первых к введению метрических мер приступили работники потребкооперации. Уже 15 декабря 1923 году правление Карело-Прионежского союза потребительской кооперации на своем заседании постановило:

«Поручить организационно-инструкторскому отделу разработать вопросы о способах и времени введения в жизнь обязательного государственного постановления, касающегося введения метрической системы, о разъяснении его в ЕПО»⁶.

К пропаганде новых метрических мер привлекались отделы народного образования. В 1924/25 учебном году учителя участвовали в массовой кампании за введение метрических мер⁷. На ре-

спубликанской конференции работников просвещения Карелии, проходившей в Петрозаводске в сентябре 1924 года, наряду с проблемами в области обучения, дошкольного и социального воспитания, профессионального образования рассматривались вопросы, связанные с политico-просветительной работой по популяризации метрической системы⁸.

Главный политico-просветительный комитет (Главполитпросвет), Государственное издательство (Госиздат), Государственное издательство технико-теоретической литературы (Гостехиздат) большими тиражами печатали брошюры, справочники, таблицы и наглядные пособия, такие как: «Пропаганда метрической системы», «Справочник по метрической системе», сборник «За метрическую систему» и др. Кооперативным обществам и союзам рекомендовалось приобрести книгу В. П. Гололобова «Таблицы переводов русских мер в метрические и обратно». Это издание должно было стать «настольной книгой для местных хозяйственных, культурно-просветительных, профессиональных, партийных и кооперативных работников»⁹.

Придавая большое значение наглядной агитации метрической реформы, ЦИК и СНК АКССР 30 августа 1924 года приняли постановление «Об ознакомлении населения с метрической системой при помощи плакатов». Правительство обязало владельцев и руководителей всех учреждений и предприятий, находящихся на территории Карелии, вывесить «для обозрения служащих, рабочих и посетителей наглядные плакаты по метрической системе». Плакаты надлежало разместить на стенах «во всех правительенных, кооперативных и общественных учреждениях, во всех военных и гражданских учебных заведениях; во всех банках, акционерных обществах, а также в государственных, кооперативных и частных промышленных и торговых предприятиях; во всех закрытых местах широкой общественной посещаемости (театрах, клубах и т. п.)». Красочные плакаты «Метрические меры» и «Удобство и распространенность метрической системы мер» можно было приобрести на складе Народного комисариата финансов АКССР в Петрозаводске.

Для выполнения данного распоряжения были установлены точные сроки: для Петрозаводска – 10 сентября 1924 года; для уездных городов Карелии – 20 сентября 1924 года; для сельской местности АКССР – 1 ноября 1924 года. Ответственность за неисполнение данного постановления возлагалась на руководителей учреждений и предприятий. Должностные лица, виновные в нарушении настоящего постановления, при-

влекались к ответственности в дисциплинарном порядке. Все остальные лица, нарушившие постановление, подлежали ответственности в административном порядке и штрафу 25 руб.¹⁰

Еще в 1918 году для решения всех вопросов, «касающихся введения и применения метрической системы, для общего технического руководства деятельностью всех заинтересованных учреждений и согласования их интересов», при Народном комиссариате торговли и промышленности создавалась Межведомственная метрическая комиссия, преобразованная 5 июня 1925 года в Центральную метрическую комиссию¹¹. На местах организовывались губернские и областные комиссии по метризации.

В Карелии Межведомственная метрическая комиссия, или Комиссия по метризации, была образована 9 мая 1924 года. До 23 апреля 1926 года она состояла при Народном комиссариате (Наркомате) финансов, а затем – при СНК АКССР. С этого же времени, то есть с апреля 1926 года, председателем ММК был нарком торговли АКССР А. А. Кочанов. В состав ММК входили представители наркоматов просвещения, здравоохранения, торговли, земледелия, финансов, юстиции, внутренних дел, Рабоче-крестьянской инспекции, Совета народного хозяйства АКССР. В обязанности ММК входило проведение метрической реформы на территории Карелии, поскольку отдельных ведомственных комиссий при наркоматах и в уездах не имелось. В уездах работа по внедрению метрической системы проводилась уездными, а после районирования АКССР, состоявшегося 1 октября 1927 года, – районными исполнкомами¹².

Проведение метрической реформы осуществлялось в соответствии с планом, разработанным Межведомственной метрической комиссией и утвержденным Советом труда и обороны 17 ноября 1923 года. В губерниях и национальных автономиях на основе данного плана разрабатывались более детальные проекты перехода на метрическую систему с учетом местных и региональных особенностей. Карельская межведомственная комиссия по метризации разработала свой трехлетний план перехода на метрическую систему, который рассматривался на заседании ММК 28 ноября 1924 года с участием работников наркоматов внутренней торговли, финансов, внутренних дел и Совета народного хозяйства АКССР. В результате согласования мнений представителей различных ведомств было принято постановление о сроках введения метрических мер в промышленности, оптовой и розничной торговле в Карелии.

Межведомственная комиссия по метризации назначила срок перехода на новые меры в оптовой и розничной торговле товарами текстильной промышленности в Петрозаводске на 1 января 1925 года, а для уездов Карелии – на 1 марта 1925 года. В оптовой торговле изделиями электротехнической промышленности срок перехода на метрические меры назначен на 1 января 1925 года, в оптовой торговле изделиями кожевенной промышленности – на 15 февраля 1925 года. В оптовой торговле солью крайний срок введения метрической системы устанавливается 1 января 1925 года, а в оптовой торговле сахаром и продуктами крахмально-паточного производства – 15 января 1925 года. В оптовой торговле мукой и зерновыми товарами срок обязательного введения метрических мер было решено установить в Петрозаводске – 1 марта 1925 года, а в уездах – 1 мая 1925 года. В отношении розничной продажи молока вопрос о переходе на метрические меры «по местным условиям» оставался открытым. Также остался нерешенным вопрос в отношении оптовой табачной торговли «ввиду того, что разрешение его стоит в зависимости от производственных (возможностей?) табачных предприятий». Для учета отпуска населению воды в литрах представителю Наркомата финансов поручалось выяснить вопрос в центральном управлении коммунального хозяйства¹³. Данное постановление Межведомственной комиссии по метризации о сроках введения метрических мер передавалось на утверждение в ЦИК и СНК АКССР и согласовывалось с наиболее крупными государственными и кооперативными торговыми организациями и предприятиями Карелии. В ходе согласования и доработки с учетом поступивших предложений ЦИК и СНК АКССР 21 февраля 1925 года приняли постановление «О сроках введения метрической системы мер и весов в торговле на территории АКССР», которое установило новые сроки перехода на метрическую систему.

Метрические меры в оптовой торговле товарами текстильной промышленности в Петрозаводске вводились 1 мая 1925 года, во всей Карелии – 1 июня 1925 года. В розничной торговле товарами текстильной промышленности в Петрозаводске метрические меры устанавливались 1 мая 1925 года, во всей Карелии – 1 августа 1925 года. В оптовой торговле продуктами крахмально-паточного производства, солью, сахаром и кожевенными товарами считалось нужным перейти к метрическим мерам во всей Карелии к 1 апреля 1925 года, в оптовой торговле мукой и зерновыми продуктами в Петрозаводске – к 1 июля 1925

года, в уездах – к 1 августа 1925 года. Введение метрических мер в торговле зерновыми товарами и мукой не распространялось на крестьянскую торговлю на базарах и ярмарках с земли, возов, мешков и т. п.

Постановление ЦИК и СНК АКССР от 21 февраля 1925 года запрещало употребление русских мер в оптовой и розничной торговле во всех государственных, кооперативных и торговых предприятиях, расположенных на территории Карелии, и требовало взамен их ввести соответствующие метрические меры. Нарушение постановления каралось штрафом до 300 руб. и принудительными работами до трех месяцев¹⁴.

Процесс перехода к метрическим мерам затянулся, поэтому 5 апреля 1926 года правительство Карелии приняло новое постановление «О введении метрической системы во всех видах розничной торговли на территории Автономной Карельской Социалистической Советской Республики». Данное постановление потребовало ввести метрическую систему мер веса, длины и объема во всех видах розничной государственной, кооперативной и частной торговли, как в закрытых помещениях, так и в палатах, с лотков, на рынках, базарах в городах АКССР с 1 июля 1926 года, в селениях – с 1 октября 1926 года. Частным торговцам, крестьянам на базарах и ярмарках, имевшим торговые патенты, запрещалось пользоваться русскими мерами. В то же время в розничной торговле сельскохозяйственной продукцией, привозимой в города Карелии крестьянами, им разрешалось пользоваться старыми мерами до 1 января 1927 года, если они не торговали по патенту.

Во всех торговых заведениях, где производился розничный отпуск товаров, на видном месте вывешивались официальные таблицы перевода старых мер веса, длины, объема на метрические меры, а также таблицы цен на товары, отнесенные к метрическим торговым единицам (килограмм, метр, литр). Должностные лица государственных и кооперативных учреждений и предприятий, виновные в нарушении этого обязательного постановления ЦИК и СНК АКССР, подлежали привлечению к ответственности по ст. 107, 108 и 141 Уголовного кодекса РСФСР, а владельцы частных предприятий – по ст. 141 Уголовного кодекса РСФСР¹⁵.

31 июля 1926 года к данному постановлению было принято дополнение «О порядке расценки товаров», в котором для товаров, расценка которых в старых мерах относилась к фунту, воспрещалось делать расценку в 400 граммов. Для этой категории товаров устанавливалась расценка в

1 килограмм, 500 и 100 граммов¹⁶. Во всех торговых заведениях надлежало применять новые меры длины, объема и весов. Отпуск товаров в старых мерах или применительно к старым мерам воспрещался. Однако на местах переход к новым мерам произошел не сразу, в кооперативной и частной торговле новые десятичные меры применялись наряду со старыми.

Новое постановление ЦИК и СНК АКССР «О метрических мерах в крестьянской торговле» от 26 марта 1927 года требовало:

«Обязать крестьян, привозящих для продажи продукты сельского хозяйства и кустарного производства на рынки, базары, привозы, пристани и т. п., а также сельских торговцев-профессионалов, пользующихся в своей торговле какими-либо мерами и весами, применять с 1 июля 1927 года в своих торговых операциях (при взвешивании и отмеривании) метрические меры»¹⁷.

Надзор за выполнением данного постановления возлагался на Наркомторг, поверочные палаты и милицию, которые в случае обнаружения нарушения правил о мерах и весах возбуждали преследование в установленном законом и Положением о мерах и весах порядке со всеми вытекающими последствиями.

Переход к метрической системе потребовал снабжения всех торговых заведений, сельскохозяйственных и промышленных организаций точными измерительными приборами, весами и гирями. Всем торговым предприятиям предлагалось «своевременно озаботиться приобретением соответствующих необходимых измерителей». 27 августа 1927 года ЦИК и СНК АКССР приняли постановление «О поверке и клеймении мер, весов и других измерительных приборов». В постановлении указывалось, что все метрические измерители (весы, гири, меры длины и объема) должны были быть помечены государственными клеймами. Во исполнение данного распоряжения правительства все предприятия и лица, занимавшиеся розничной торговлей, были обязаны к указанному сроку иметь весы, гири и прочие необходимые меры по метрической системе, снабженные клеймами поверочных палат.

Для обеспечения правильного использования метрической системы проводились поверка и клеймение мер, весов и других измерительных приборов. В Карелии работало отделение Северо-Западной Поверочной палаты мер и весов, куда нужно было предъявить гири, весы и прочие измерительные приборы в Петрозаводске – до 20 сентября 1927 года, в Петрозаводском уезде – до 1 октября 1927 года. Поверка измерительных приборов осуществлялась под контролем милиции, финансовых и торговых инспекторов

и волостных исполкомов. Выявленные виновники нарушения данного постановления в городах подлежали штрафу до 100 руб. или принудительным работам до одного месяца, а в сельских местностях – штрафу до 10 руб. или принудительным работам до двух недель¹⁸.

В дополнение предыдущего распоряжения ЦИК и СНК АКССР 1 октября 1927 года приняли новое постановление «О сроках поверки и клеймения мер и весов», которое установило сроки предъявления мер и весов к клеймению. В октябре 1927 года проверку должны были пройти Олонецкий и Видлицкий районы; в ноябре 1927 года – Повенецкий, Медвежьегорский, Шуньгский, Сорокский, Тунгудский районы; декабре 1927 года – Кемский, Кемирецкий, Лоухский, Кестеньгский, Кандалакшский районы. В Ухтинском районе проверка гирь и весов проходила в январе 1928 года, в Ругозерском, Ребольском и Сегежском районах – в феврале 1928 года, в Пудожском и Шальском районах – в марте 1928 года. Все измерители должны были быть представлены их владельцами к поверке и клеймению в отделения Северо-Западной Поверочной палаты мер и весов, которые были открыты в Олонце, Паданах, Повенце, Пудоже, в селе Ухта, а также на станциях Кандалакша, Кемь, Лоухи, Сорока Мурманской железной дороги¹⁹.

В Карелии из-за большой разбросанности населенных пунктов пройти поверку своих измерительных приборов сразу удалось не всем их владельцам, поэтому они продолжали пользоваться гирями и линейками со старыми клеймами, хотя в соответствии с постановлением ЦИК и СНК АКССР «О поверке и клеймении мер и весов» от 7 апреля 1928 года правильными считались меры и весы с клеймами 1927 и 1928 годов. Все меры с клеймами 1925 и 1926 годов нужно было предъявить для поверки в отделения Северо-Западной Поверочной палаты мер и весов. Проверка внедрения метрических приборов на периферии проводилась поверителями Ленинградской палаты мер и весов и сотрудниками Наркомата внутренней торговли АКССР «при их выездах по служебным делам»²⁰.

Постепенно старые весы и гиры были переделаны на метрические или заменены новыми; измерительные приборы: масштабы, мерные вилки, линейки, нивелировочные или водомерные рейки, ленты, – также частично переделаны, а в большинстве заменены новыми. В результате «в метрических измерителях в Карелии недостатка не ощущалось»²¹.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ МЕТРИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРЕЛИИ

К 1928 году вся государственная, кооперативная и частная (оптовая и розничная) торговля была «метризована полностью». Здесь «метрическая система внедрена полностью на 100 %». Метрические меры внедрялись в заготовительную деятельность кооперации. В Карелии промысловые товарищества занимались только мелкими заготовками пушнины, кожсырья и утильсырья. Весь этот товар заготавливается «в штуках или на вес в килограммах»²².

К крупным заготовкам относились рыбные промыслы, особенно на берегу Белого моря, которые вели рыболовные артели, входившие в состав Карельского рыбопромыслового союза (Каррыбпромсоюза). На первых порах в кооперативах в целях облегчения перехода на метрическую систему внутреннее счетоводство и отчетность разрешалось вести параллельно в русских и метрических мерах. При завершении метрической реформы Центральная метрическая комиссия запретила употребление в счетоводстве и производстве старых мер, но низовые товарищества все еще по старинке использовали эти меры. Между тем в артелях Каррыбпромсоюза рыбаки повсеместно применяли тару (корзины, кули, ушаты и бочки), изготовленную в старых мерах. В переписке с правлением они давали сведения об улове тоже по-старому, в пудах и фунтах. Данное обстоятельство доставляло неудобство работникам правления союза, так как учет улова беломорской трески, сельди и другой рыбы осуществлялся в тоннах, центнерах и килограммах, при составлении сводных отчетов им приходилось «все фунты, пуды и другие старые меры переводить в метрические». Правление Каррыбпромсоюза убеждало низовые товарищества прекратить употребление старых мер и обозначать заготовки рыбы в метрических мерах, напоминая о том, что «параллельное употребление с метрическими мерами и старых мер не должно быть допускаемо»²³.

В сельском хозяйстве метрическая система вводилась прежде всего в колхозных хозяйствах, подконтрольных государству. В совхозах на территории Карелии метрические меры введены с 1 июня 1927 года. Учет урожая на опытных показательных участках по полеводству и луговодству проводился в метрических мерах. Учет молока на контрольных станциях, где имелась метрическая посуда, также велся в метрических мерах. Что касается индивидуальных крестьянских хозяйств, быта и повседневной жизни крестьян, в силу их консервативности и

приверженности к патриархальным устоям они все еще сохраняли привычку использовать старые меры. Но жители сел и деревень постепенно приспосабливались к десятичной системе, тем более что с 1 июля 1927 года метрическая система устанавливалась в торговле крестьян своими продуктами в обязательном порядке.

Метризация затронула все работы по мелиорации и землеустройству, с 1925 года нарезка крестьянам пашни, лугов и лесов производилась в гектарах. Все проекты, планы, чертежи, отчеты и сметы составлялись в метрических мерах. Однако к 1928 году выяснилось, что за три года, как началась работа по метризации землеустройства, «вся поверхность Карелии не могла быть устроена в новых мерах, а была переведена по официальным таблицам и выражена метрически». Ождалось, что «окончательно вся карельская земля будет устроена в метрических мерах по плану только через 12 лет, так как планом предусматривается землеустройство в течение 15 лет»²⁴.

В отчете, отосланном в Инспекцию по наблюдению за завершением метрической реформы, приводились сведения о проведенных мероприятиях по метризации на предприятиях Петрозаводска и Карелии, которая была «небогата промышленными заведениями». В пищевой промышленности одним из первых на метрическую систему перешел пивоваренный завод «Карелия» в Петрозаводске, где с 1 января 1927 года учет ячменя, солода, хмеля и выхода продукции проводился в метрических мерах, и все записи в бухгалтерских книгах велись только в метрических мерах. В хлебопечении хлеб и различные хлебопродукты выпускались в установленном метрическом весе. Учет муки и других употребляемых в хлебопечении продуктов велился в метрических мерах.

В тресте «Карелгранит» на разработках горных пород учет добытого материала осуществлялся в кубометрах, а по весу – в тоннах и килограммах. В горной промышленности работа горняков оплачивалась с кубометра; сметы, отчеты и записи в книгах тоже велись в метрических мерах.

Все работы в дорожном и гражданском строительстве (проектирование зданий, составление планов, смет и прочих документов) велись на основе метрической системы. Кирпичные заводы Петрозаводского городского отдела коммунального хозяйства полностью провели метризацию, и с весны 1928 года кирпич производился стандартный, метрический. Также на кирпичных заводах в метрических мерах осуществлялись заготовка и учет сырья, составление смет, расчеты с рабочими и ведение отчетности.

Введение метрических мер на Онежском заводе, главном предприятии металлургической и механической промышленности Карелии, проходило с некоторыми затруднениями. Руководство Онежского завода выполнило по метризации «все, что можно было сделать», то есть завешивание, отмеривание, составление смет и отчетов. Учет и оплата труда рабочих производились в метрических мерах. Вместе с тем все инструменты для обработки металла и прочие орудия, которыми пользовались рабочие, заводские машины и механизмы были приспособлены под старые меры. Заводу, как и другим металлообрабатывающим предприятиям, построенным до революции 1917 года, требовалось переоснащение.

Лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность также отставала в проведении метрической реформы. Лесопильные заводы трестов «Кареллес», «Севзаплес», «Желлес» Мурманской железной дороги нуждались в приобретении оборудования, изготовленного по метрической системе. Лесозаготовки, как и лесопильное производство, в Карелии оставались «далеко еще не метризованы». В силу того, что большая часть заготовляемой в крае древесины и лесоматериалов предназначалась для экспорта, их заготовки велись в кубофутах, но постепенный переход на кубометры уже начался. Учет других материалов проводился в метрических мерах, так же как и отвод лесосек. Полной метризации лесозаготовок препятствовало отсутствие утвержденных метрических таблиц сортаментов древесины и специальных таксовых таблиц. В 1928 году техническая работа по лесоустройству производилась в метрических мерах, но метрическая реформа в лесном хозяйстве полностью не завершилась из-за отсутствия сортаментных таблиц для таксации (оценки) лесных ресурсов, введение которых входило в трехлетний план метризации.

В Карелии мебельно-столярное производство было представлено одной столярной фабрикой, которая занималась производством мебели. На фабрике учет лесоматериалов производился по-прежнему в русских мерах, другие же материалы (краска, клей и пр.) учитывались в метрических мерах. Мастера изготавливали мебель по старинке, «не в метрических мерах».

В коммунальном хозяйстве метрическая система внедрялась в работу коммунальных предприятий по водоснабжению и канализации, уборке улиц, содержанию и ремонту домов и помещений. В провинции в силу отставания процесса урбанизации многие инженерно-технические сооружения были редкостью. Как сообщалось в отчетах, в 1928 году «по всей Карелии

водопроводов не имеется, и вода доставляется или водовозами в бочках с рек и озер, или самими жителями в ушатах и ведрах». В Петрозаводске действовал один артезианский колодец, где был когда-то поставлен счетчик, показывавший отпуск воды в ведрах, но он сломался. Фактически вода отпускалась «на глазок» и наливалась в принесенное ведро или бочку. Плата взималась с ведра и бочки, а учет отпуска воды производился в старых мерах по талонам Петрозаводского городского коммунального хозяйства на ведра.

При отсутствии канализации в Петрозаводске удалением нечистот из выгребных ям и отхожих мест занимался ассенизационный обоз, состоявший из телег с бочками на конной тяге. Вместимость бочек измерялась в старых мерах. В обязанности ассенизационного обоза входила уборка трупов павших животных, отбросов с рынков и отходов с боен. В Петрозаводске на бойне все процессы взвешивания и измерений убойного скота и животных отходов производились в метрических мерах. В городском коммунальном хозяйстве Петрозаводска заготовка материалов для мощения улиц (песок, камень), а также ведение отчетности, оплата труда работников осуществлялись в метрических мерах. Обмеры помещений производились в метрических мерах, а взимания квартплаты с жильцов – с квадратного метра²⁵.

Что касается финансового хозяйства и налогообложения, то в 1928 году исчисление единого сельхозналога, равно как и земельного рентного обложения, производилось в старых мерах. Косвенные налоги исчислялись в соответствии с теми мерами, которыми замерялись объекты этого вида налога.

Метризация нашла применение и в культурном строительстве. С 1924/25 учебного года изучение метрических мер вводилось в общеобразовательных и профессионально-технических школах. В преподавании учителя употребляли только метрические меры. В учебники включались арифметические задачи, практические и графические задания, составленные в метрических мерах. Справедливости ради надо сказать, что в издаваемых в Карелии и других регионах газетах и журналах названия старых мер встречались до конца 1920-х годов²⁶.

ЗАВЕРШЕНИЕ МЕТРИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В КАРЕЛИИ

В марте 1928 года, когда метрическая реформа подходила к окончанию, Центральная метрическая комиссия была упразднена. Также распускались межведомственные метрические комиссии на местах. 14 сентября 1928 года со-

стоялось заседание СНК АКССР, на котором с докладом о деятельности Межведомственной метрической комиссии Карелии выступил ее председатель и нарком внутренней торговли А. А. Кочанов. Судя по его докладу, положение с метризацией в Карелии складывалось «достаточно благополучно», «население края отнеслось к введению метрических мер доброжелательно». Данное обстоятельство послужило основанием к тому, чтобы СНК АКССР принял решение: «Межведомственную метрическую комиссию АКССР распустить». В то же время при Управлении делами СНК и ЭКОСО РСФСР была создана Инспекция по наблюдению за завершением метрической реформы, учреждена должность инспектора по наблюдению за завершением метрической реформы в РСФСР и других субъектах Федерации. В Карелии таким инспектором был назначен А. А. Кочанов²⁷.

В Инспекцию по наблюдению за завершением метрической реформы были отосланы «Извлечения из отчетных сведений о состоянии метрической реформы в Карельской АССР на 15 сентября 1928 года, разработанных бывшей Межведомственной комиссией при СНК Карельской АССР». В документе приводились основные данные о работе Межведомственной метрической комиссии Карелии и проведении мероприятий по метризации в различных отраслях народного хозяйства республики: торговля и заготовки; сельское и лесное хозяйство; промышленность; коммунальное хозяйство; финансовое хозяйство; культурное строительство.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно сказать, что метрическая реформа проводилась в системе инновационных мероприятий, проходивших в рамках модернизационных процессов, охвативших все стороны жизни общества – экономику (промышленность, сельское хозяйство, торговлю), финансы и налоги, коммунальное хозяйство, культуру и образование. В Карелии, как и в других субъектах РСФСР, в 1924–1928 годах действовала Межведомственная метрическая комиссия, разработавшая трехлетний план метризации. Введение метрических мер определялось постановлениями ЦИК и СНК АКССР. Как региональную особенность можно отметить установку разных сроков введения метрической системы в оптовой и розничной торговле в Петрозаводске и уездах Карелии. Город быстрее приспособился к новшествам, деревня была более консервативна, поэтому крестьяне, торговавшие продукцией своих хозяйств, использовали старые меры до середины 1928 года.

Во время проведения реформы большое внимание уделялось пропаганде и популяризации метрической системы, чем занимались учителя, инструкторы кооперативных организаций, профсоюзные работники. Немалую роль в распространении сведений о десятичных мерах сыграла наглядная агитация (плакаты и переводные таблицы).

Введение новых мер сопровождалось поверкой и клеймением мер, весов и других измерительных приборов. В Карелии поверкой измерителей занималось отделение Северо-Западной Поверочной палаты мер и весов. Надзор за правильным применением измерительных приборов осуществляли милиция, финансовые и торговые инспекторы. В случае нарушений правил о мерах и весах выявленные виновники подлежали штрафу или принудительным работам, при этом наказание для горожан было более жестким, чем

для жителей сельской местности. При введении метрической системы государство применяло репрессивные меры, что, возможно, обеспечило довольно сжатый период проведения метрической реформы.

Вместе с тем, как показали отчетные сведения о результатах метризации, к 1928 году, несмотря на общую положительную динамику перехода на десятичную систему, в Карелии, как и в других областях и республиках, во многих отраслях экономики использовались старые русские меры, что было связано с наличием устаревшего оборудования на предприятиях, лесоразработках и промыслах. Социалистическая индустриализация в годы первых пятилеток способствовала переоснащению заводов и фабрик новыми станками, машинами и механизмами, изготовленными в соответствии с Международной метрической системой и предназначенными для производства стандартной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высп. шк., 1975. С. 234, 235.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Отделение 1. (16310–17967). Т. XIX. (1899). СПб., 1899. С. 623.
- ³ Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 года. М.: Политиздат, 1964. С. 306, 307.
- ⁴ Олонецкая коммуна. 1919. 14 мая. С. 4; 1920. 3 февраля. С. 4.
- ⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 13. Ст. 417.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 1/4. Л. 152.
- ⁷ Народное просвещение в РСФСР к 1925/26 учебному году (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1924/25 год). М., 1926. С. 182.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 12/109. Л. 5.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 2/14. Л. 233.
- ¹⁰ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1924. № 8–9. С. 20–21.
- ¹¹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. С. 285.
- ¹² НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 24/312. Л. 22.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 6/71. Л. 3.
- ¹⁴ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1925. № 3. С. 13–14.
- ¹⁵ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1926. № 5. С. 7–8.
- ¹⁶ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1926. № 6–8. С. 35–36.
- ¹⁷ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1927. № 1–4. С. 31.
- ¹⁸ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1927. № 9. С. 5–6.
- ¹⁹ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1927. № 10. С. 15–17.

- ²⁰ Сборник важнейших для Автономной Карельской Социалистической Советской Республики действующих постановлений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, РСФСР и АКССР. Петрозаводск: Издание Народного Комиссариата юстиции АКССР, 1928. № 4. С. 37.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 24/312. Л. 22.
- ²² Там же. Л. 23.
- ²³ НА РК. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 60.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 24/312. Л. 23.
- ²⁵ Там же. Л. 24, 25.
- ²⁶ Там же. Л. 26.
- ²⁷ Там же. Л. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов С. П. История метрологии в документах // Мир измерений. 2015. № 4. С. 4–10.
2. Авилюва Н. Л., Кузнецова Т. Л. Метрологический надзор в России на рубеже XX века (по материалам Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 6–1 (39). С. 240–244.
3. Бехтерева Л. Н. Метрическая реформа: проблемы осуществления в 1920-е годы (на примере Удмуртии) // Вестник Камского института гуманитарных и инженерных технологий. 2014. № 6 (47). С. 4–9.
4. Гинак Е. Б. К 100-летию декрета о переходе России на Международную метрическую систему мер // Законодательная и прикладная метрология. 2018. № 5 (156). С. 8–12.
5. Гинак Е. Б. Метрологическая реформа Д. И. Менделеева // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Т. 29. № 1. С. 35–50.
6. Дианова Е. В. Введение метрической системы и торговая деятельность северной кооперации в 1920-е годы // Проблема модернизации социально-экономической инфраструктуры Европейского Севера России XX–XXI вв.: историческая ретроспектива и современность: Материалы межрегиональной конф. с междунар. участием 2–3 ноября 2011 года / Отв. ред. А. А. Киселев. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 119–124.
7. Дианова Е. В. Популяризация метрической системы в кооперативной печати Европейского Севера в 1920-е гг. // История повседневности: Научный журнал. 2019. № 2 (10). С. 79–94.
8. Кузнецова Т. Л. Метрологическая служба России в период проведения метрической реформы (1918–1927 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2014. № 2. С. 101–105.
9. Кузнецова Т. Л. Правовой аспект деятельности государственной метрологической службы в России в период проведения метрической реформы (1918–1927 гг.) // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам Междунар. научно-практ. конф. (Стерлитамак, 21 октября 2017 г.): В 3 ч. Ч. 2. Уфа, 2017. С. 183–185.
10. Мартюшев И. А. Становление и развитие законодательства о метрологии в первые годы советской власти // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы X Всерос. (с междунар. участием) научно-теорет. конф. (22 апреля 2011 г., Сыктывкар): В 3 ч. Ч. 1. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. С. 142–148.
11. Медовикова Н. Я. К девяностолетию принятия метрической системы мер в России // Компетентность. 2008. № 8 (59). С. 32–35.
12. Окрепилов В. В. Из истории метрологического обеспечения отечественной науки и промышленности // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 4. С. 346–353.
13. Фивейская М. Г. Метрология и стандартизация в процессах унификации управления Российской империей конца XIX – начала XX вв. // Безопасность Евразии. 2017. № 1 (53). С. 190–198.
14. Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии: XI – начало XX века. М.: Изд-во стандартов, 1990. 280 с.

Поступила в редакцию 10.09.2019

Elena V. Dianova, Doctor of History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF THE METRIC REFORM IN KARELIA

The article deals with the study of the metric reform in Karelia in the 1920s. The relevance of this study is due to the interest of the academic community in the history of reforms in the context of Russian modernization. The metric reform can be considered one of the innovative measures at the time and an intermediate result of modernization processes in the country. The implementation of the metric reform in Karelia was led by the Republic's Government, which adopted a number of decrees introducing the metric system. The article considers ways of visual agitation and oral propaganda for metric measures as part of political and educational work in the 1920s involving the employees of the national education system, cooperatives, and cultural and educational organizations. It also describes the activities of the Inter-

gency Metric Commission, which developed a three-year metric plan establishing a time frame for the transition to the metric system in wholesale and retail trade, and discusses certain issues related to the work of the Karelian Branch of the North-West Verification Chamber of Measures and Weights on verification and marking of measuring instruments. The author uses official documents and newly introduced archival materials to demonstrate the specific characteristics of implementing the metric reform in various sectors of Karelian economy (such as trade, procurement, manufacturing industry, agriculture, forestry, and communal services), culture and education, as well as to show the main results of the metric reform in Karelia. One of these characteristics was a differentiated approach to the process of converting to the metric system in cities and rural areas, as well as in the center and on the periphery, which was caused by the specifics of social and economic development (a small amount of industrial enterprises, a significant role of crafts, harvesting and logging, existence of different proprietary forms for trade establishments).

Keywords: metric reform, International Metric System, Interagency Metric Commission, Verification Chamber of Measures and Scales, modernization

Cite this article as: Dianova E. V. Implementation of the metric reform in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 43–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.481

REFERENCES

1. Abramov S. P. History of metrology in documents. *World of Measurements*. 2015. No 4. P. 4–10. (In Russ.)
2. Avilova N. L., Kuznetsova T. L. Metrological supervision in Russia on a XX-century boundary (on materials of Kursk Province). *Proceedings of the Southwest State University*. 2011. No 6–1 (39). P. 240–244. (In Russ.)
3. Behtereva L. N. Metric reform: implementation problems in the 1920s (the case of Udmurtia). *Journal of Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies*. 2014. No 6 (47). P. 4–9. (In Russ.)
4. Ginal E. B. Towards the centenary of the Decree on Russia's transition to the International Metric System. *Legislative and Applied Metrology*. 2018. No 5 (156). P. 8–12. (In Russ.)
5. Ginal E. B. Metrological reform of Dmitri Mendeleev. *Studies in the History of Science and Technology*. 2008. Vol. 29. No 1. P. 35–50.
6. Dianova E. V. Introduction of metric system and trade activities of northern cooperatives in the 1920s. *Problem of modernization: socioeconomic infrastructure of the European North of Russia in the XX and the XXI centuries: historical retrospective and modernity. Proceedings of the Interregional Conference with International Participation, November 2–3, 2011*. (A. A. Kiselev, Ed.). Murmansk, 2011. P. 119–124. (In Russ.)
7. Dianova E. V. Promoting of the metric system in the cooperative press of the European North in the 1920s. *History of Everyday Life: Scientific Journal*. 2019. No 2 (10). P. 79–94. (In Russ.)
8. Kuznetsova T. L. Metrological service of Russia in the period of the metric reform (1918–1927). *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2014. No 2. P. 101–105. (In Russ.)
9. Kuznetsova T. L. Legal aspect of the activities of the state metrological service in Russia during the period of the metric reform (1918–1927). *Interaction between science and society: problems and prospects: Proceedings of the International Research and Practice Conference (Sterlitamak, October 21, 2017)*. In 3 parts. Part 2. Ufa, 2017. P. 183–185. (In Russ.)
10. Martyshev I. A. Formation and development of legislation on metrology in the first years of Soviet Russia. *Political, economic and sociocultural aspects of regional governance in the European North: Proceedings of the X All-Russian Research and Theory Conference with International Participation (April 22, 2011, Syktyvkar)*: In 3 parts. Part 1. Syktyvkar, 2011. P. 142–148. (In Russ.)
11. Medovikova N. Ya. The 90th anniversary of converting to the metric system in Russia. *Competence*. 2008. No 8 (59). P. 32–35. (In Russ.)
12. Okrepilov V. V. From the history of metrological support of the Russian science and industry. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 83. No 4. P. 346–353. (In Russ.)
13. Fiveyskaya M. G. Metrology and standardization in the processes of unification of the Russian Empire management in the late XIX and the early XX centuries. *Security & Eurasia*. 2017. No 1 (53). P. 190–198. (In Russ.)
14. Shost'kin N. A. Essays of the history of Russian metrology: from the XI to the beginning of the XX centuries. Moscow, 1990. 280 p. (In Russ.)

Received: 10 September, 2019

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРЕНКОВ

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов
Российский государственный архив социально-политической истории
(Москва, Российская Федерация)
kuren62@mail.ru

ЗАЩИТА ВОЕННОЙ ТАЙНЫ ОТ ШПИОНАЖА В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Представлена проблема защиты военной тайны в 1946 году на фоне холодной войны и послевоенной реформы органов государственной безопасности. Целью и задачами статьи являются выявление нового специфического состава засекреченной военной информации, рассмотрение и анализ проводимых государством в лице Уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати и Главлита мероприятий по защите военной тайны в указанный период. Выводы, сделанные в статье, подтверждают факты адекватного реагирования государства в лице его полномочных органов на новые вызовы как в политическом, так и в военном плане и на меняющийся состав и содержание секретных сведений, требующих защиты в военной области. Собранные материалы позволяют проследить трансформацию сведений, составляющих военную тайну, а также выявить направления деятельности советского цензурного аппарата и органов государственной безопасности по защите военной тайны в начальный период холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, МГБ, Уполномоченный СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати, Главлит, реформа органов госбезопасности, военная тайна, секретность, цензура

Для цитирования: Куренков Г. А. Защита военной тайны от шпионажа в начале холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 54–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.482

ВВЕДЕНИЕ

Тема холодной войны достаточно обширна и многоаспектна. Отметим исследования, в той или иной степени близкие нашей теме. Вопросы взаимосвязи политики, секретности, защиты государственной и военной тайны и противостояния в период холодной войны представлены в [5], [8], [9], [14], [16]; по специальным темам и операциям разведки и контрразведки (спецслужб) – [1], [3], [6], [10], [11], [13], [15]; правового аспекта – [2], [4]; конкретно по секретности и цензуре – [7], [12]. Защита информации посредством цензуры имеет несколько направлений по видам деятельности и видам защищаемой информации. В предложенной статье автор остановился на освещении вопросов обеспечения секретности и защиты военной тайны как одной из основных видов тайн, части государственной тайны.

Холодную войну, как сейчас принято считать, открыла речь Черчилля в Фултоне в марте 1946 года. Но ее предпосылки возникли ранее, на заключительном этапе Второй мировой войны. Нет никаких (ни прямых, ни косвенных) доказательств того, что советское руководство в те годы стремилось к конфликту с Западом. Но тем не менее, как мы знаем, начался новый виток политической, военной и идеологической кон-

фронтации и соперничества между СССР и западными странами.

РЕФОРМЫ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦСЛУЖБ

В начале 1946 года в СССР происходит изменение в политической структуре государства. 18 марта V сессия Верховного Совета СССР приняла закон о преобразовании СНК СССР в Совет Министров СССР, а народных комиссариатов – в министерства. В феврале НКО СССР был преобразован в Народный комиссариат Вооруженных Сил СССР и упразднен НКВМФ СССР. Укрепляется роль И. В. Сталина в военном плане. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталин был назначен Народным Комиссаром Вооруженных Сил и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Переход к мирной жизни требовал и внесения определенных изменений в организацию работы спецслужб. Прежде всего были упразднены аппараты, созданные исключительно для работы в условиях ведения войны (военная цензура, особые отделы в частях, подлежащих расформированию, и др.). НКВД СССР был преобразован в Министерство внутренних дел (МВД) СССР, а НГБ СССР 15 марта 1946 года – в Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. ГУКР

«Смерш» НКО и УКР «Смерш» НК ВМФ вошли в состав МГБ СССР в качестве 3-го Управления (военная контрразведка). Руководителем военной контрразведки был назначен Н. Н. Селивановский, ставший заместителем министра. Перед этим управлением стояли задачи обеспечения безопасности вооруженных сил и ограждение их от проникновения разведок иностранных государств. В области контрразведывательной работы к традиционному выявлению, предупреждению и пресечению шпионско-диверсионных акций были добавлены задачи выявления изменников Родины. 5-е Управление, наряду с другими функциями, занималось контрразведывательной работой по оборонным предприятиям, обеспечением режима секретности. Охраной атомных секретов ведал отдел «К» МГБ. Важное значение имело постановление ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 года «О работе министерства государственной безопасности СССР». По этому постановлению определялись главные направления деятельности вновь созданного МГБ СССР. Это прежде всего предупреждение шпионажа и борьба с подрывной деятельностью разведывательных органов иностранных государств, так как особое место в арсенале разведывательных служб иностранных государств, действующих против СССР, в рассматриваемый исторический период было отведено шпионажу. Одна из целей реорганизации госбезопасности – усиление централизации органов защиты военных и государственных тайн. К примеру, в 1946 году осуществление контрразведывательного обеспечения важных промышленных, народнохозяйственных и научно-исследовательских объектов, защиту государственных тайн, а также допуск сотрудников к работе с секретными и совершенно секретными документами и изделиями в Управлении Министерства государственной безопасности СССР по городу Москве и Московской области производил 2-й отдел.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ГЛАВЛИТЕ

Внутренняя и, особенно, геополитическая обстановка в мире отразилась на деятельности в области защиты военной тайны. Под военной тайной следует понимать сведения военного характера, как составляющие государственную тайну, так и не составляющие государственную тайну, но не подлежащие оглашению. Военная тайна – это, во-первых, часть государственной тайны, во-вторых, закрытые сведения в военной области. В целом в указанный период в стране происходит усиление цензурных ограничений.

После окончания войны в 1946 году статус цензурного ведомства был повышен. Его перевели в подчинение Совету Министров СССР, а республиканские отделения Главлитта подчинялись местным Советам Министров республик. В первую очередь после войны проводились организационные мероприятия по переходу работы Главлитта на мирное время. Необходимо было отказаться от нормативных документов, регламентирующих работу в военное время, и ввести в действие документы мирного времени. В связи с этим был подготовлен «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на мирное время» с приложениями. В феврале 1946 начальником Главлитта и Уполномоченным Совета Министров по защите военной и государственной тайн в печати (далее – Уполномоченный СМ СССР) становится К. К. Омельченко. В течение 1946 года в Главлитте проводится ряд организационных мероприятий, направленных на улучшение и регламентацию работы. Так, циркулярным письмом Уполномоченного СМ СССР всем органам цензуры от 16 июля 1946 года № 1297с вновь вводится издание «Сводных указаний по цензуре» с ответами поступающих в Главлит от местных органов цензуры запросов о применении «Перечня»¹. Первый номер вышел 16 июля 1946 года.

В деятельности государственных органов СССР по защите военной и государственной тайны, в том числе Уполномоченного СМ СССР и Главлитта, возникают новые направления деятельности, так как появляются новые военные сведения и информация, требующие защиты. В связи с усложнением научных исследований, созданием принципиально новой техники и аппаратуры, особенно военной, требовавших глубоких специфических знаний, происходит наблюдавшаяся еще до войны тенденция к переносу контроля и ответственности за соблюдение военной и государственной тайны от Главлитта к руководителям соответствующих ведомств и служб, а в общем в стране – органам государственной безопасности. Так, в циркулярном письме всем органам цензуры от 17 сентября 1946 года № 1777/с Уполномоченный СМ СССР отмечал:

«Перечень сведений, не подлежащих передаче по радиотелефону и радиотелеграфу... ответственность за соблюдение условий Перечня несут возложенные на спецотделы соответствующих ведомств... Органы цензуры соответствующий контроль не осуществляют... но обязаны консультировать по вопросам Перечня... контроль за служебной перепиской всех видов (в том числе и секретности передач служебных сведений по радио-

телефону и радиотелеграфу) осуществляются соответствующими органами министерства госбезопасности»².

В целом в связи со сложившейся обстановкой в рассматриваемый период Главлитом анализировались как «узкие места» по защите военной тайны в своей деятельности, так и методы работы иностранных разведок, получающих информацию из открытых источников. Характерным в этом плане является письмо Уполномоченного СМ СССР от 29 июля 1946 года № 31071/с в Управление военной цензуры Генштаба, в котором излагаются показания Начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикосабуро об использовании печати СССР военными атташе иностранных государств для получения разведданных о Советском Союзе. В показаниях указывается, как добывается военная информация из открытых источников:

«Работа военного атташе. 1. ...Просмотр газет, передач по телеграфу или письменных донесений военных сводок основных событий внутри страны, важных актов, постановлений и т. д. 2. Закупка и просмотр военных газет, журналов и книг по военным вопросам, отработка данных по заслуживающим внимания или пересылка оригинала в Генштаб. 3. Подробный перевод и отправка сообщений о вновь изданных уставах, наставлениях, инструкциях. Методы получения информации. Для получения общих данных о Красной Армии достаточно было читать газеты, журналы, уставы и наставления, ибо в связи со сравнительно небольшим существованием Красной Армии и с развитием военного дела в Советском Союзе постепенно издавались различные уставы и наставления. В Советском Союзе издается такое большое количество военных газет и журналов, которые нельзя сравнивать с выпуском в других странах мира. Такое количество газет и журналов было чрезвычайно трудно “переварить” особенно для японских офицеров, которые слабо знали русский язык. В других странах правительство публикует в печати свои мероприятия и стремится провести их в жизнь, однако, по соображениям политического или экономического порядка до конца их не доводит. Поэтому трудно судить о том, что будет проведено в жизнь то или иное решение правительства. В Советском Союзе решение или постановление коммунистической партии и правительства реализуется. На страницах печати публикуются положительные и отрицательные стороны деятельности различных экономических органов, чему можно верить. Короче говоря, общее положение Советского Союза можно уяснить из любой газеты. В настояще время, в связи с военной обстановкой, этого может быть и нет, однако раньше, когда я служил в Москве, в Советском Союзе издавалось большое количество литературы по военным вопросам. И хотя вопросам борьбы со шпионажем уделялось достаточное внимание, однако имелась возможность проверить факты путем сопоставления. Таким путем каждое государство в разведке против СССР уделяло большое внимание документным данным... Верно: ст. военный цензор 2 отдела УВЦ ГШ ВС подполковник Королев. 27.07.1946 г.»³.

Подлежали анализу также и документы иностранных государств, относящиеся к защите военной тайны и цензуре. К примеру, подвергался анализу «Устав цензуры военно-морского флота США»⁴.

КОНТРОЛЬ ВОЕННЫХ СВЕДЕНИЙ

Несмотря на окончание войны, работа Главлита по защите военной тайны в 1946 году продолжилась. Что же не разрешалось сообщать и опубликовывать по военной тематике и какие сведения составляли военную тайну в данный период? Так, к примеру, по Литве категорически запрещалось указывать наличие гарнизонов в Клайпеде, Шауляе, Паневежисе и других уездных и волостных упрахах. Опубликование сведений о наличии войск в гарнизонах в открытой печати разрешалось только в двух городах – Вильнюсе и Каунасе. Вильнюс – столица, Каунас – крупный центр, где ранее публиковались сведения о наличии воинских частей⁵. Не разрешалось публиковать сведения о нахождении в Мурманске Управления тыла Северного флота. В школах, техникумах, вузах можно было показывать, что ведется военное обучение, но по каким военным специальностям (связист, артиллерист и т. д.) и что по окончании присваивается воинское звание – нельзя⁶. В сводных указаниях по военной цензуре ВС СССР от 20 мая 1946 года № 8 указывалось:

«Запрещается:

Обобщенные данные и выводы по операциям войск СССР и союзников в масштабе дивизии (бригады) и выше... материально-техническое обеспечение этих операций. Если они из других источников – разрешается. 2. Сведения о случаях переодевания разведчиков (кроме партизан) в форму противника. 3. Сведения о численности, местах нахождения, условиях использования военноопленных и перебежчиков, как в военных целях, так и на других работах. 4. Профиля военной подготовки студентов в гражданских вузах. 5. О лагерном и казарменном строительстве или их восстановлении – о благоустройстве не указывая месторасположения – можно. 6. Данные (абсолютные и относительные) о возрасте, социальном положении, национальности, партийном и комсомольском составе соединений, частей, кораблей, подразделений ВС СССР. 7. Цифровые данные о количестве лиц, изъявивших желание остаться на сверхурочную службу. 8. Нумерация и особое наименование частей, присвоенных приказом Верховного Главнокомандующего. 9. Сведения о перемещениях офицеров и генералов ВС СССР. 10. Сведения о должностях, воинских званиях, фамилии командиров, если по ним можно установить количество частей, соединений. Полит. управления, военно-учебные – открыты. 11. Адреса редакций, многотиражек военных заводов, Северного и Южного флотов. 12. Номера полевых почт. 13. Все официальные сведения по учениям и военным играм. 14. Уровень и состояние боевой подготовки. 15. Все све-

дения о подготовке к химической и бактериологической войне и в войсках. 16. Все сведения о подготовке, пребывании и заграничных походах кораблей. 17. Все сведения о досрочных и специальных выпусках военных академий, училищ, школ, курсов. 18. Все сведения, определяющие направление развития военной техники и вооружения. 19. Все сведения о строительстве новых, модернизации старых кораблей и их вступлении в строй. 20. Критика всех приказов и действий генералов, адмиралов, офицеров, старшин и сержантов, как подчиненных, так и начальников... Разрешается товарищеская партийная критика. 21. Выдержки из документов и изданий, имеющих ограничительные грифы "совершенно секретно", "секретно", "для служебного пользования". 22. О подготовке работников военно-дипломатических служб. 23. Сведения о геологических изысканиях и топографической работе, проводившихся советскими органами на территориях иностранных государств. 24. Организация артиллерийской дивизии РГК и гвардейской минометной дивизии. Нач. Управления ВЦ Генштаба генерал-майор Березин⁷.

Приказом Уполномоченного СМ СССР от 19 июня 1946 года № 32/1054с запрещалось в печати и радиовещании опубликование сведений о дислокации штаба Дальневосточного военно-гого округа⁸. С 1946 года впервые упоминаются сведения о воздушно-десантных частях. Так, распоряжением Уполномоченного СМ СССР от 8 августа 1946 года № 1/1450сс запрещалось в открытой печати опубликование каких бы то ни было сведений о переформированиях воинских частей, наличии десантных частей, перевооружении и ходе специальной подготовки десантников⁹, а в сводных указаниях по цензуре печати ВС СССР от 22 августа 1946 года запрещалась публикация сведений о создании укрепленных районов, их организации, дислокации и оборонительных сооружениях. В связи с переформированием стрелковых частей в воздушно-десантные запрещалось публиковать сведения о формировании десантных частей¹⁰. Также запрещалось публиковать сведения о переводе солдат из одного рода войск в другой, переформировании и сверхсрочной службе. Исходя из Сводных указаний по цензуре от 16 сентября 1946 года № 3, запрещалось давать сведения по дислокации воинских частей и домов офицеров, а корабли разрешалось называть по классам, но без мест их дислокации. Закрывалось наименование кораблей вновь организованных флотов и флотилий. Разрешалось указывать главные базы ВМФ: Таллин, Полярный, Севастополь, Владивосток, Баку, Хабаровск; базы ВМФ: Архангельск, Кронштадт, Лиепая (Либава), Порккала-Удд, Пилау, Одесса, Батуми, Новороссийск, Поти, Пинск, Измаил, Советская гавань, Порт-Артур, Отмари, Петропавловск на Камчатке. Разрешалось

называть гарнизоны, порты с военно-морским гарнизоном, штабы флотов. Но полностью были закрыты сведения по Сахалинской военной флотилии, Камчатской военной флотилии, Северному Балтийскому флоту, Южному Балтийскому флоту¹¹. Приказом Уполномоченного СМ СССР от 4 декабря 1946 года № 57/2526с запрещалось опубликовывать сведения о наличии гарнизонов, за исключением гарнизонов столиц, штабов военных округов (кроме Дальневосточного), флотов, флотилий, Академии радиолокации, Военно-дипломатической академии. Но в приказе был список на 61 разрешенное для публикации учебное заведение¹². Запрещалось раскрывать пропускную способность портов, упоминать командиров и заместителей частей и соединений подводных лодок, род войск частей в гарнизонах. Так же, как и ранее, запрещалась огласка закрытых избирательных участков в закрытых гарнизонах и военных городках. По оперативным соображениям запрещалось публиковать сведения об иностранных армиях, полученные из ГРУ¹³.

После окончания войны запрещалось публиковать конкретизированные сведения о трофеином имуществе и ленд-лизе. Из приказа Уполномоченного СМ СССР от 7 июня 1946 года № 29/942с:

«1. При опубликовании сведений о перегоне, местах нахождения и использования судов, плавсредств и портового оборудования, полученных Советским Союзом в результате раздела торгового и технического флота Германии, запретить упоминать (прямо или косвенно) о том, что они принадлежали ранее Германии. 2. Запретить публиковать какие-либо сведения о кораблях и судах, полученных Советским Союзом по ленд-лизу. 3. Разрешается публиковать название входящего в состав Балтийского флота крейсера "Адмирал Макаров"»¹⁴.

Также было запрещено публиковать данные о ввозе в СССР захваченного на территории противника имущества, в том числе предметов транспорта. Запрещалось распространять сведения об использовании трофеиного имущества¹⁵. Если наличие какого-либо трофеиного имущества упоминать было нельзя, то полученного по reparациям – можно.

СВЕДЕНИЯ ПО ВОЕННЫМ ПАРАДАМ И РЕАКТИВНОЙ ТЕХНИКЕ

Особое внимание уделялось цензуре репортажей с военных парадов, особенно при освещении новой техники. Так, в связи с празднованием 8 сентября 1946 года первого Дня танкиста на Красной площади распоряжением Уполномоченного СМ СССР от 7 сентября 1946 года № 3 нельзя было указывать бригады, дивизии, корпуса, полки. Разрешалось использовать слова «со-

единение», «часть», «подразделение», называть командиров и звания. Нельзя было указывать новые марки машин, кроме известных (Т-34, ИС и т. д.)¹⁶. Относительно парадов, посвященных празднованию Дня авиации на Тупинском аэродроме (за рамками дикторского текста) и других с показом авиационной техники, нельзя было указывать тактико-технические данные по самолетам ТУ-4, ТУ-2М и геликоптерам¹⁷, про реактивные самолеты можно было сказать лишь то, что они пролетели, нельзя было публиковать фото и указывать фамилии конструкторов¹⁸. Распоряжением Уполномоченного СМ СССР от 6 ноября 1946 года № 5 по параду в честь 29-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции при перечислении по родам войск запрещалось упоминать номера воинских частей, кроме известных, также запрещалось фото реактивных самолетов, но разрешалось фото других самолетов без указания их марок¹⁹. Данные по бомбардировщику Ту-2 и штурмовику Ил-10 разрешалось публиковать только с грифом «дсп». Иностранные самолеты должны были упоминаться без сведений об их использовании в BBC СССР²⁰.

За сохранение тайны в печати и СМИ по реактивным самолетам отвечала военная цензура. Так, в письме начальника Управления военной цензуры ГШ ВС СССР генерал-майора М. Н. Березина Уполномоченному СМ СССР К. К. Омельченко от 27 июня 1946 года № 310576с отмечалось, что в № 8–9 журнала Академии наук «Наука и жизнь» за 1945 год в статье доцента В. Я. Аррисона опубликовано следующее: «...в настоящее время у нас в Союзе и за границей имеются образцы самолета с ВРД. Эти самолеты уже находятся в опытной эксплуатации...». В письме делается вывод, что «публикация... нарушает пар. 64 Перечня... на мирное время... Прощу Вашего указания о недопустимости опубликования подобных сведений»²¹.

В письме Главлиту Г. М. Маленкову по поводу ознакомления с планом издания литературы по реактивной технике и предоставления замечаний к данному плану отмечалось, что необходимо присвоение грифов «дсп» и «секретно» по различным разделам плана, так как изложение работ советских ученых по боевым ракетам раскрывает существование при Министерстве сельскохозяйственного машиностроения Главного управления боеприпасов; сведения о привлечении немецких ученых, специалистов (в открытой печати не должны раскрываться данные об использовании немецких специалистов в работах по военной технике); сведения по жаропрочным сплавам,

расчетные данные по материалам для реактивных двигателей. Указывалось, что в библиографических изданиях по этим вопросам необходимо делать разделение и выпускать отдельными томами открытые и отдельно с грифом «дсп» и «секретно»²².

КОНТРОЛЬ ВОЕННЫХ ВОПРОСОВ В ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

Одной из функций Главлита был контроль за сохранением военной и государственной тайны непосредственно в издательствах, разрешения на издания, а также контроль за выпускаемой военной литературой. В этом направлении наблюдается тесное сотрудничество Главлита с Управлением военной цензуры Генштаба ВС СССР. Так, Управление военной цензуры зафиксировало разглашение в газете «Вечерний Ленинград» от 7 апреля 1946 года № 83 секретного решения НК ВМФ от 2 января 1946 года № 01 по вопросу принятия на вооружение ВМФ СССР нового магнитно-акустического прибора – «неконтактного металлоискателя типа «М-5», предназначенного для целей розыска затонувших кораблей, что составляет военную тайну»²³. Было заявлено о недопустимости в открытой печати в журнале «Техника – молодежи» статьи В. Охотникова «Подземная лодка», в которой дано описание конструкции и работы подземно-движущего аппарата инженера Требелова, зарегистрированного в Инженерном комитете службы войск с грифом «секретно». Военная цензура просила Главлит принять соответствующие меры²⁴.

ИНФОРМАЦИЯ ПО АТОМНОМУ ПРОЕКТУ

Программа по защите информации по атомному проекту в СССР – «проблеме № 1» по линии Главлита – была введена циркуляром от 15 августа 1944 года № 15/834с о запрещении публикации материалов по урану, а Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну (параграф 224) запрещал опубликование материалов по изысканию и добыче урана и тория. Кроме того, приказом Уполномоченного СМ СССР от 6 июля 1946 года № 36/1219с подтверждается запрет на публикацию сведений о месторождениях и мероприятиях по изысканию и добыче тория²⁵. Можно отметить, что даже сам факт работы по созданию атомного оружия и атомной проблеме в СССР являлся секретом. Эта сверхсекретная программа требовала особого организационного сопровождения и обеспечения секретности. Данные вопросы лично курировал Л. П. Берия. Совершенно секретным приказом Уполномоченного СМ СССР от 11 декабря 1946 года № 63/2583сс в 4-м отделе Глав-

лита создавалась специальная цензорская группа в составе четырех человек по контролю за материалами, издающимися в открытой печати по вопросам атомной энергии и геологии редких элементов. Приказ обязывал начальника 4-го отдела Б. Я. Каминского организовать просмотр всей вышедшей литературы по атомной энергии и сырьевым запасам редких элементов за 1945–1946 годы и представить заключение о возможности обращения выпущенных книг²⁶. Так как тема защиты атомного проекта весьма специфична, ограничена рамками статьи, она требует самостоятельного изучения и освещения в отдельной работе.

СОЗДАНИЕ НОВОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ

Важное значение в вопросах защиты информации в Главлите имело создание собственных и контроль за выпуском регламентирующих документов по охране военной тайны. Ввиду перехода на работу в условиях мирного времени еще в 1945 году был издан приказ Уполномоченного СМ СССР от 6 октября 1945 года № 31/978/с, по которому все указания, приказы, циркуляры по охране военной и государственной тайны, изданные до августа 1945 года, были отменены. В практической работе Главлит стал руководствоваться директивами, изданными в последующие сроки. 20 июня 1946 года секретным приказом Начальника штаба Вооруженных сил СССР № 04 были введены в действие «Правила по сохранению военной тайны в печати Вооруженных сил Союза ССР». Это был важный документ, способствовавший совместной работе Главлит и Военной цензуры вооруженных сил, так как эти ведомства были не только тесно связаны функционально, но и решали одну задачу, как это видно, к примеру, из письма Уполномоченного СМ СССР заместителю Председателя Верховного Совета СССР Н. А. Булганину от 28 ноября 1946 года № 2472сс, где данный документ рассматривается не только как основание для действий, но и подлежащий некоторой корректировке. В частности, отмечается, что правилами разрешено упоминание некоторых сведений по наименованию и дислокации воинских частей и гарнизонов, но в нынешней международной обстановке публиковать их нецелесообразно. К. К. Омельченко просит подтвердить свой приказ о запрещении любого упоминания в печати наименования частей и соединений, дислокации военных училищ и гарнизонов (кроме столиц союзных республик, штабов военных округов, без номеров частей), по которым можно узнать их дислокацию после Великой Отечественной войны, величины, родов войск и т. д. Он отмечает, что если не будет возражений, то предложен-

ный приказ органам цензуры будет введен в действие немедленно²⁷. 30 июня 1946 года утвержден «Перечень важнейших сведений, не подлежащих передаче по радио-телефону и радио-телеграфу». Перечень был составлен по просьбе начальника Центрального управления радиосвязи и радиовещания Минсвязи СССР для руководства в работе, так как не везде связь была обеспечена средствами защиты от подслушивания. Данный документ требовал согласования с 5-м Управлением МГБ СССР.

КОНТРОЛЬ ЗА ВЕДОМСТВАМИ

В марте 1946 года возник вопрос о создании при Министерстве вооружения специального издания для опубликования в печати в обычном и секретном порядке результатов научно-исследовательских работ, трудов, информационных материалов по вопросам вооружения. Министерство обратилось с этим предложением в Совет Министров СССР. Управление делами Совмина СССР направило в Главлит письмо (от 30 марта 1946 года № с-2945) и выписки постановления Совмина СССР о плане научно-исследовательских работ Министерства вооружения на 1946 год с просьбой сообщить заключение по данному вопросу Совмина СССР²⁸. В ответе от 4 апреля 1946 года Главлит пишет, что уже имеется издательство «Оборонгиз», в котором есть и план, и допуск к секретной работе. Таким образом, Главлит считал, что создавать специальное издательство при Министерстве вооружения нецелесообразно²⁹. В 1946 году Главлит решает и частные вопросы, связанные с использованием литературы по запросам конкретных ведомств и организаций. Так, в январе 1946 года Главлит рассмотрел список из 197 названий книг на предмет того, какая литература в библиотеке «СМЕРШ» Московского военного округа может быть использована, а какая подлежит изъятию. В результате из всего списка подлежало изъятию только два издания³⁰. Ранее, 9 марта 1946 года, вышло Постановление СНК СССР № 544-220с, по которому все поступающие в МВД СССР из Германии и других стран трофейные документы, а также литература должны были концентрироваться в Центральном государственном Особом архиве СССР Главного архивного управления МВД СССР, изолировано от общих фондов и обрабатываться ограниченным кругом лиц из числа специально выделенных для этого работников МВД³¹. В конце 1946 года в высших органах власти, видимо, меняется направленность в определении ответственности за пользование иностранной литературой. Акцент смешается от Главлита к ведомствам.

КОНТРОЛЬ ЗА ИНОСТРАННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАМИ

Одной из функций Главлитта, связанной с контрразведывательной работой в военной области, было наблюдение за тем, какую литературу выписывают иностранные представительства и аттache. Разумеется, этот вопрос стоял постоянно, но особенное значение приобретал при обострении международной обстановки, в том числе и на данном этапе холодной войны. Как известно, иностранные представители использовали советскую печать и литературу для сбора военных данных, как это видно из просмотра, к примеру, советских журналов, затребованных военным аттache Великобритании в апреле 1946 года: «Сталинский сокол», «Тихоокеанская звезда», «Техника воздушного флота», «Вестник воздушного флота», «Красноармеец», «Военный вестник», «Агитатор и пропагандист Красной Армии», «Военно-инженерный журнал», «Журнал автобронетанковых войск», «Артиллерийский журнал», «Связь Красной Армии», «Снабжение Красной Армии», «Фронтовая иллюстрация»³². На это обратил внимание Уполномоченный СНК СССР Н. Г. Садчиков в письме начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову. Он отмечал, что именно на такого рода издания разведка всех стран обращает особое внимание и через свои официальные представительства (посольства, аттache и т. д.) бесконтрольно запрашивает «Союзпечать» и «Международную книгу» о разрешении выписывать им данные издания без ограничения. Ввиду явной тенденциозности этих требований Н. Г. Садчиков просил рассмотреть и санкционировать проект приказа о запрещении иностранным представительствам выписки некоторых советских периодических изданий³³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в связи с обстановкой в стране и мире на фоне холодной войны потребность в защите военной тайны продолжала оставаться максимально значительной и требовала пристального внимания. Основными объектами защиты являлись сведения, находящиеся в Перечне и составляющие ту часть военной тайны, которая структурно входит в государственную тайну и охраняется государством. Указанные сведения являются объектом шпионской деятельности иностранных спецслужб в военной области. Не оставляет сомнений и тот факт, что анализ определенного количества даже открытой, доступной, в том числе военной информации может существенно приблизить потенциального противника к обладанию сведениями, составляющими государственную тайну, что может нанести военный, политический и экономический ущерб стране. Государством в лице Уполномоченного СМ СССР и Главлитта принимались меры противодействия в данном направлении – стремиться избежать того, чтобы враг узнал о военных возможностях и намерениях СССР, и не позволять противнику проводить успешную разведывательную деятельность через средства массовой информации. Необходимо было применять средства и методы по предотвращению и обнаружению косвенных действий врага, направленных на раскрытие советской военной информации. Военный и промышленный шпионаж, как и другие виды разведки, предполагает множество скрытых операций, осуществляемых противником, например, по сбору информации военного характера. В целом общий контроль за сохранением военной тайны как видом контрразведывательной деятельности оставался за органами государственной безопасности. Отметим обоснованность, своевременность и сложность проводимой работы по защите военной тайны в данный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 403. Л. 96.

² Там же. Д. 404. Л. 62.

³ Там же. Д. 499. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 500. Л. 22–80.

⁵ Там же. Д. 504. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 499. Л. 14–17.

⁸ Там же. Д. 403. Л. 82.

⁹ Там же. Д. 404. Л. 43.

¹⁰ Там же. Д. 499. Л. 124.

¹¹ Там же. Д. 504. Л. 132.

¹² Там же. Д. 403. Л. 132–133.

¹³ Там же. Д. 499. Л. 175.

¹⁴ Там же. Д. 403. Л. 80.

¹⁵ Там же. Д. 504. Л. 134.

¹⁶ Там же. Л. 58.

- ¹⁷ Там же. Л. 50–51.
- ¹⁸ Там же. Л. 52.
- ¹⁹ Там же. Л. 70–72.
- ²⁰ Там же. Д. 504. Л. 133.
- ²¹ Там же. Д. 499. Л. 120.
- ²² Там же. Д. 400. Л. 34–36.
- ²³ Там же. Д. 499. Л. 125.
- ²⁴ Там же. Л. 174.
- ²⁵ Там же. Д. 403. Л. 93.
- ²⁶ Там же. Л. 146.
- ²⁷ Там же. Д. 400. Л. 111–112.
- ²⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Л. 10.
- ³⁰ Там же. Д. 498. Л. 8.
- ³¹ Там же. Д. 604. Л. 44.
- ³² Там же. Д. 503. Л. 87.
- ³³ Там же. Д. 406. Л. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманенко И. Г. КГБ – ЦРУ: Кто сильнее? М.: Вече, 2015. 304 с.
2. Верютин В. Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 4 (84). С. 313–323.
3. Губарев В. С. Секретные академики: Кто сделал СССР сверхдержавой. М.: Вече, 2015. 319 с.
4. Зеленов М. В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 143–159.
5. Нарочницкая Н. А. Ялтинская конференция 1945 года и современная geopolitика // Ялта – 45. Начертания нового мира / Редкол.: Н. А. Нарочницкая (отв. ред.) и др. М.: Вече, 2010. С. 5–27.
6. Первушина А. Атомный проект: История сверхоружия. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 447 с.
7. Печковский П. В. Цензура в печати, как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 3. История. С. 116–121.
8. Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950): Сборник / Под ред. Б. Физелер, Н. Муан; Пер. с англ., нем. и фр. Е. Кустова и др. М.: РОССПЭН, 2010. 302 с.
9. Рыченков С. Ю. Сталин и «Фальсификаторы истории» // Осторожно, история. М., 2011. С. 248–280.
10. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА – ПРЕСС, 1997. 688 с.
11. Тобольский А. Экспансия иностранного шпионажа: угроза модернизации России. М.: Вече, 2011. 495 с.
12. Толстиков В. С. Режим секретности на предприятиях ядерного комплекса Урала (1945–1950 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 43–46.
13. Хлобустов О. М. Управление Министерства государственной безопасности СССР по городу Москве и Московской области. 1946–1954 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: Материалы XXI Всероссийской научной конференции (Москва, 7–8 декабря 2017 года). М., 2018. С. 298–307.
14. Хмурые будни холодной войны: ее солдаты, прорабы и невольные участники: Сб. науч. статей. М., 2012. 264 с.
15. Шаваев А. Г. Галерея шпионажа. М.: ИНФРА-М, 2009. 427 с.
16. Широкорад А. Б. Великая контрибуция. Что СССР получил после войны. М.: Вече, 2015. 304 с.

Поступила в редакцию 03.02.2020

Gennady A. Kurenkov, PhD in History, Russian State Archive of Socio-Political History (Moscow, Russian Federation)
kuren62@mail.ru

PROTECTION OF MILITARY SECRETS AGAINST ESPIONAGE AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR

The article deals with the problem of protecting military secrets in 1946, amid the Cold War and the post-war reform of state security bodies. The aims of the article are to identify a new specific composition of classified military information,

as well as to review and analyze the measures carried out by the state, represented by Glavlit and the Commissioner for the Protection of Military and State Secrets in the Press under the Council of Ministers of the USSR, to protect military secrets during the studied period. The conclusions made by the author confirm the facts of the adequate response of the state, represented by its competent bodies, to new challenges, both political and military, and to the changing composition and content of secret information requiring protection in the military field. Obtained materials help to trace the transformation of information items classified as military secrets, and to identify the activities of the Soviet censorship apparatus and state security bodies aimed at protecting military secrets at the beginning of the Cold War.

Keywords: Cold War, Ministry of State Security, MGB, Commissioner for the protection of military and state secrets in the press under the Council of Ministers of the USSR, Glavlit, state security apparatus reform, military secret, privacy, censorship

Cite this article as: Kurenkov G. A. Protection of military secrets against espionage at the beginning of the Cold War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 54–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.482

REFERENCES

1. Atamanenko I. G. KGB – CIA: who is stronger? Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.)
2. Veryutin V. N. Public relations arising in the sphere of classifying data as state secrets. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2010. Issue 4 (84). P. 313–323. (In Russ.)
3. Gubarev V. S. Secret academicians: who made the USSR a superpower. Moscow, 2015. 319 p. (In Russ.)
4. Zelenov M. V. Military and state secrets of the RSFSR and the USSR and their legal support (1917–1991). *Leningrad Law Journal*. 2012. No 1. P. 143–159. (In Russ.)
5. Narochinskaya N. A. Yalta Conference of 1945 and modern geopolitics. *Yalta – 45. The design of a new world*. Moscow, 2010. P. 5–27. (In Russ.)
6. Pervushin A. Atomic project: The history of a super weapon. St. Petersburg, 2015. 447 p. (In Russ.)
7. Pechkovskiy P. V. Censorship in the press as an element of the state policy in the field of information security of the Soviet Russia. *The Bryansk State University Herald*. 2015. No 3. History. P. 116–121. (In Russ.)
8. The winners and the defeated. From war to peace: the USSR, France, Great Britain, Germany, the USA (1941–1950). (B. Fizeler, N. Muan, Eds., E. Kustov et al., Transl. from English, German and French). Moscow, 2010. 302 p. (In Russ.)
9. Rychenkov S. Y. Stalin and the “Falsifiers of history”. *Caution! History*. Moscow, 2011. P. 248–280. (In Russ.)
10. Sudoplatov P. A. Special operations. Lubyanka and the Kremlin, 1930–1950. Moscow, 1997. 688 p. (In Russ.)
11. Tobol'skiy A. Expansion of foreign espionage: threat of modernization of Russia. Moscow, 2011. 495 p. (In Russ.)
12. Tolstikov V. S. Security mode at the Urals nuclear complex enterprises in 1945–1950. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015. Vol. 15. No 4. P. 43–46. (In Russ.)
13. Khlobustov O. M. Department of the Ministry of State Security of the USSR for the city of Moscow and the Moscow region. 1946–1954. *Historical Readings at Lubyanka. 100th Anniversary of Vecheika: Lessons of History: Proceedings of the XXI All-Russian Scientific Conference. (Moscow, December 7–8, 2017)*. Moscow, 2018. P. 298–307. (In Russ.)
14. Hazy weekdays of the Cold War: its soldiers, foremen and unwitting participants. Collection of research articles. Moscow, 2012. 264 p. (In Russ.)
15. Shavayev A. G. Espionage gallery. Moscow, 2009. 427 p. (In Russ.)
16. Shirokorad A. B. Great war indemnity. What the USSR received after the war. Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.)

Received: 3 February, 2020

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФЕКЛОВАкандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tat-feklova@yandex.ru

ПРЕМИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В настоящее время в историографии отсутствует обобщающая работа, охватывающая полную историю премиальной практики Академии наук на протяжении всего петербургского этапа ее существования (1724–1934 годы). В статье впервые представлены результаты анализа архивных документов по истории возникновения и развития академических научных премий и поощрений ученых, от единовременных ценных подарков до постоянно существующих наградных фондов. Целью статьи является рассмотрение этапов формирования практики награждения за научную деятельность, ее формы и особенности каждого этапа, для чего были выявлены и впервые введены в научный оборот архивные материалы из фондов Российского государственного исторического архива и Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Новизна работы заключается в том, что в ней рассмотрены важнейшие премии главного научного учреждения страны – Академии наук в их длительном развитии. Автором впервые показано становление научной элиты Российского государства через призму формирования функционирующего института – научной школы, в которой лидирующие академики выступали руководителями научных направлений через создание определенных премий. В статье применены современные исторические методы (историко-генетический, ретроспективный, типологический, структурный, метод архивной эвристики и др.), а также методы социальной истории науки (отношение науки и государства, науки и других социальных институтов).

Ключевые слова: Академия наук, премия, орден, экспедиция

Для цитирования: Феклова Т. Ю. Премии Санкт-Петербургской Академии наук // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.483

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время государство проводит активную работу по поиску и применению разнообразных способов поощрения научной работы ученых, прежде всего в виде дополнительных денежных начислений за статьи в высокорейтинговых журналах. Практика награждений и поощрений ученых имеет давнюю историю, и зародилась она практически одновременно со старейшим научным центром нашей страны – Академией наук. Возникшая на излете петровского времени в 1724 году Академия обогатила как российскую, так и мировую науку многочисленными открытиями в области математики, геологии, географии, ботаники, зоологии и других отраслях знаний.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРЕМИИ

Традиция постоянных академических премий была основана еще в XVIII веке и первоначально предполагала награждение за успешное решение предлагаемых Академией наук конкурсных «задач» на заданную тематику¹. Премиальный фонд формировался либо за счет собственного бюджета

Академии наук, либо из Государственного казначейства по специальному распоряжению императора. Однако в уставных документах Академии наук, определяющих все сферы ее деятельности, не были прописаны специальные премиальные средства. Ни в Уставе 1803 года, ни в Уставе 1836 и 1841 годов не указывалось, ни за что выдавались премии, ни откуда поступали средства, ни правила выдачи. Основным критерием для выдачи денежного вознаграждения было следование правилам, принятым в аналогичных случаях в иностранных академиях². Сумма общего обеспечения Академии наук также была прописана в уставе и менялась только вместе с изменением всего устава. Это приводило к тому, что растущие потребности Академии в дополнительных средствах могли удовлетворяться только за счет неизменной суммы содержания. Кроме того, падение курса рубля делало эту сумму недостаточной для покрытия всех нужд учреждения, не говоря уже о формировании специальных премиальных фондов для награждения посторонних исследователей [6: 6].

История существования наград Академии наук можно условно разделить на три периода:

1) 1749–1831 годы. Присуждение премий за решение конкурсных задач, поставленных непосредственно Академией наук. Отсутствие установленного премиального фонда.

2) 1831–1857 годы. Начало частной благотворительной практики финансирования премий. Существование универсальных премий, выдаваемых за сочинения по всем отраслям наук.

3) 1857–1917 годы. Существование нескольких благотворительных фондов. Организация именных специализированных премий по отдельным областям науки.

До установления постоянной практики премирования и появления стабильных премиальных фондов, а иногда и параллельно с ними существовало несколько возможных способов поощрения ученых (иногда они комбинировались). Выделим основные из них и на примере осуществления экспедиций XIX века проиллюстрируем награждения.

1. *Поощрительные подарки*. За экспедицию 1805–1806 годов по изучению языков местного населения в Восточной Сибири (вдоль течения р. Иртыша) Ю. Клапрот [3: 157] (востоковед) был награжден императором Александром I бриллиантовым перстнем³.

2. *Ордена (российские и зарубежные)*. Награждение за удачно завершившуюся экспедицию могло происходить не только в виде ценных подарков, но и государственного поощрения, орденов и денежных выплат. Академик А. Ф. Миддендорф (географ, зоолог) после увенчавшейся успехом комплексной экспедиции по Восточной Сибири 1842–1845 годов по указанию императора Николая I был награжден орденом Св. Владимира IV степени [4: 268]. Помимо награждения орденом, по окончании экспедиции с 5 апреля 1846 года каждый год Миддендорфу [13] выплачивалось по 400 рублей серебром до тех пор, пока он оставался на службе⁴.

Международное признание научных заслуг Академии наук выражалось в том числе и в награждении российских ученых орденами иностранных государств. Российская экспедиция с привлечением ученых из Швеции, Дании и Пруссии была организована в 1833 году для точного определения географических координат Балтийского моря [8: 15]. После окончания всех работ король Швеции в 1835 году наградил начальника экспедиции Ф. Ф. Шуберта (геодезист) орденом Меча I степени, который в Швеции присуждался только за военные заслуги, а король Дании в 1836-м – орденом Данеброга, присуждаемым за заслуги перед Данией [8: 22].

3. *Постоянные денежные выплаты*. Окончание экспедиции и успешное выполнение всех поставленных перед ученым научных задач позволяло назначать исследователю дополнительное жалование. Постоянныене денежные выплаты обычно осуществлялись до тех пор, пока ученый оставался на службе. После удачного окончания экспедиции Л. И. Шренка (зоолог, геолог) на Дальний Восток в 1853–1857 годах по распоряжению императора Александра II ученному было назначено добавочное жалование в 400 рублей ежегодно, а помощнику Шренка В. Поливанову (коллежский секретарь) – по 200 рублей серебром в год [8: 45]. Ученые также были награждены орденами: Л. И. Шренк – Св. Владимира IV степени, В. Поливанов – Св. Анны III степени⁵.

4. *Единовременные денежные выплаты*. В том случае если по недостаточности заслуг участника экспедиции невозможно было наградить орденом или производить ему постоянные денежные выплаты, из Государственного казначейства выплачивались единовременные денежные премии. Так, после окончания экспедиции 1836 года по измерению разности высот Каспийского и Черного морей один из участников экспедиции механик Мазинг был награжден 3000 рублей с удержанием 10 % в пользу инвалидов⁶.

Однако эпизодические, пусть и на самом высоком уровне награды были нерегулярны, не подлежали четкому планированию, зависели от личного расположения императора и распространялись лишь на малую часть исследователей. Кроме того, отсутствие систематичности в выдаче поощрений не способствовало привлечению сторонних ученых к исследованиям, тем более что в большинстве своем награды присуждались за обширные экспедиции, проводимые государственным научным учреждением и финансируемые через Государственное казначейство. Совокупность данных обстоятельств и небольшие возможности собственного капитала требовали от Академии наук расширения финансовых возможностей и привлечения стороннего финансирования для покрытия премиального награждения специалистов.

В XIX веке в России начинают формироваться фонды так называемых именных премий, имеющих целью поддержать ученых за конкретные сочинения или достижения в различных областях науки. Учреждение премий как средства поощрения ученых совпало еще и с тем, что в первой половине XIX века государство стало передавать часть социальных функций на откуп отечественному меценатству [9: 312]. Были учреждены фонды Демидовской (П. Н. Демидов), Уваровской (С. С. Уваров) и Пушкинской (А. С. Пушкин) премий, премии имени Ф. Ф. Брандта, К. М. Бэра,

В. Я. Буняковского, Г. П. Гельмерсена, митрополита Макария (Булгаков) (Макарьевская премия), графа Д. А. Толстого. Столетие со дня смерти выдающегося русского ученого М. В. Ломоносова в 1865 году было отмечено учреждением новой премии.

Именные премии подразделялись на универсальные и специализированные. Универсальные премии охватывали все отрасли науки, а специализированные четко очерчивали те области знаний, сочинения по которым могли быть представлены на конкурс.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРЕМИИ

Премия имени П. Н. Демидова

Первой из именных наград стала Демидовская премия. Русские горнозаводчики Демидовы сумели создать на Урале мощный промышленный район с заводами, производившими железо, превосходившее по качеству европейские изделия. Один из потомков знаменитой династии, П. Н. Демидов, в 1831 году учредил ежегодную премию «для содействия и преуспеяния наук, словесности и промышленности в своем отечестве», которая должна была после смерти основателя премии в 1840 году вноситься в течение 25 лет на счет Академии наук для награждения достойных ученых. Общая сумма финансирования составляла 20000 рублей за «лучшие по разным частям сочинения в России» и должна была разделяться на полную премию в размере 5000 рублей ассигнациями (1428 рублей серебром) и половинные в размере 2500 рублей (714 рублей серебром). Помимо этого, 5000 рублей ассигнациями полагалось за рукописные книги, особо отмеченные Академией наук, но находящиеся в печати [6: 8].

Ученые Академии наук, хоть и были основными рецензентами сочинений и единственными судьями при присуждении Демидовской премии, сами не имели права принимать участие в конкурсе. На получение премии могли претендовать оригинальные сочинения, напечатанные на русском языке. Иностранные труды принимали участие в конкурсе лишь в том случае, если тема работы напрямую была связана с Россией⁷. В 1834 году, помимо выдачи денежной премии, на заседании Демидовской комиссии было предложено награждать победителей конкурса еще и золотыми и серебряными медалями стоимостью 12 и 8 червонцев соответственно.

В 1842 году лауреатом полной премии стал выдающийся русский путешественник Ф. П. Врангель за свой труд «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах». Рецензентами данной работы выступили академики

К. М. Бэр и Э. Х. Ленц. В своем отзыве они отметили, что важнейшим достоинством работы явились данные картографической и геодезической съемки берегов России, сделанной с учетом определения точного астрономического положения мест [7: 48]. Обширные и неизученные территории Русской Америки также привлекали внимание исследователей. За сочинение «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах» половинной Демидовской премии был награжден в 1849 году Л. А. Загоскин. Исследователь дал подробное описание Аляски и Алеутских островов. Отзыв был подготовлен академиком А. Ф. Миддендорфом [7: 52].

В 1862 году состоялось очередное, 32-е вручение Демидовской премии. Как было отмечено в Отчете о присуждении премии, напечатанном в Записках Академии наук, на конкурс было представлено 35 сочинений, что сделало это присуждение самым представительным за все время существования премии. В состав Комиссии по премии вошли академики М. И. Броссе (востоковед), Б. А. Дорн (историк-востоковед), Ю. Ф. Фрицше (химик и натуралист), И. И. Срезневский (филолог, этнограф), Я. К. Грот (филолог), О. И. Сомов (математик и механик), А. А. Куник (историк), А. А. Шифнер (филолог, востоковед), В. В. Вельяминов-Зернов (историк-востоковед), П. С. Билярский (филолог-славист), А. Н. Савич (астроном) и Л. И. Шренк (зоолог, геолог). Для 24 сочинений, присланных на соискание премии, рецензентами стали сами члены Академии наук, остальные 11 были разосланы сторонним ученым. Всего было прислано 7 работ по словесным наукам, 6 по математике, 4 по сельскому хозяйству, 3 по технологии, 3 по истории, 3 по морскому делу, 3 по юридическим наукам и 1 по естественным⁸.

За период существования Демидовской премии, с 1831 по 1865 год, премии выдавались 34 раза. Первая именная премия охватывала все отрасли науки, что сказывалось на престижности самой премии, а также позволяло выявлять самых достойных. Достаточно сказать, что за 33 года существования премии в комиссию Академии наук было подано более чем 900 работ. Всего было присуждено 55 полных премий и 220 половинных, а среди награжденных были такие выдающиеся ученые и исследователи, как Н. И. Пирогов (естественноиспытатель), Д. И. Менделеев (химик), И. М. Сеченов (физиолог), Б. С. Якоби (физик), Ф. И. Литке (мореплаватель, географ), И. Ф. Крузенштерн (мореплаватель), П. Л. Чебышев (математик и механик) и многие другие.

Премия имени М. В. Ломоносова

Окончание срока Демидовской премии и вос требованность универсальной премии для развития и поощрения научной деятельности потребовали продолжить устоявшуюся практику награждения. Приказом императора Александра II от 8 марта 1865 года, после доклада министра народного просвещения А. В. Головнина, была учреждена новая премия в честь выдающегося русского ученого М. В. Ломоносова [2]. Правила предоставления сочинений на соискание данной премии были утверждены министром народного просвещения только 3 ноября 1865 года. Размер премии составлял 1000 рублей. На премию могли быть поданы: 1) исследования и открытия в области физики, химии и минералогии, 2) труды по русской и славянской филологии, а также по истории языка и литературы. Действительные члены Академии наук не могли участвовать в конкурсе на соискание премии.

Награждения ежегодно чередовались между двумя отделениями Академии наук: присуждения Физико-математического отделения проходили в 1866, 1868, 1870 годах и т. д.; Отделения русского языка и словесности – в 1867, 1869, 1871 годах и т. д. В случае если работа в дальнейшем была существенно дополнена и переработана, она могла вторично быть подана на получение Ломоносовской премии. К рецензированию работ привлекались и внешние рецензенты. Для рецензентов в 1897 году в Академии наук была учреждена специальная золотая медаль [2: 27].

В 1869 году Общее собрание Императорской Академии наук присудило Ломоносовскую премию В. И. Даю «за составленный им толковый словарь живого великорусского языка».

Однако Ломоносовская премия не охватывала всех областей науки, в связи с чем в конце XIX века были учреждены еще две премии.

Премия имени Д. А. Толстого

29 января 1882 года министр народного просвещения барон А. П. Николай подготовил для императора Александра III доклад об учреждении новой премии имени бывшего президента Академии наук графа Д. А. Толстого⁹. Средства на премию составляли проценты с основного капитала в сумме 10250 рублей, собранных по подписке среди членов Министерства народного просвещения. Премии назначались через каждые три года. В 1883 году Д. А. Толстой передал выкупные средства, вырученные за имения графа во Владимирской губернии и за имения его супруги в Рязанской губернии, составившие 4398 рублей 72 копеек, а также дополнительные средства в размере 13500 рублей. Таким образом, общий фонд составил 28398 рублей 72 копейки. Капитал премии должен был быть обращен в государ-

ственные процентные бумаги или в любые другие бумаги, гарантированные правительством. Основной фонд, по правилам премии, оставался неприкосновенным, а на награждение шли только проценты от вклада. В случае если в тот или иной год ни одно из сочинений, представленных на конкурс, не было удостоено награды, проценты шли на увеличение основной суммы.

Премии, присуждаемые через каждые три года, состояли: 1) из почетных золотых медалей: первая в 300 рублей, вторая в 250 рублей, третья в 150 рублей; 2) из денежной премии в размере 800 рублей.

Премии могли также удостаиваться сочинения, изданные за собственные средства исследователя и не отмеченные прежде ни одной из наград Академии наук [11].

На конкурс принимались работы, затрагивающие те отрасли науки, которые входили в круг занятий Академии наук и могли быть рассмотрены специалистами по Физико-математическому отделению (астрономия, геология, ботаника, зоология и пр.), по Отделению русского языка и словесности, по Историко-филологическому отделению. Представлять в Академию наук сочинения могли только русские подданные. Исследования должны были быть напечатаны в России, не позднее трех лет, предшествующих конкурсу, на русском, латинском, французском или немецком языках. Работы необходимо было представить в Академию не позднее 1 мая каждого года. Для рассмотрения сочинений назначалась специальная комиссия из состава Академии наук. Донесение комиссии зачитывались на заседании отделения Академии, по которому проходила представленная работа, а решение о присуждении премии принималось общим голосованием отделения (не менее двух третей голосов). Участие академиков в работе многочисленных комиссий дополнительно не оплачивалось и считалось одним из обязательных пунктов работы в Академии.

В 1884 году на первом присуждении премии имени графа Д. А. Толстого награду получило сочинение генерал-майора А. А. Тилло «Исследование о географическом распределении и вековом изменении склонения и наклонения магнитной стрелки на пространстве Европейской России»¹⁰.

Последнее присуждение премии имени графа Д. А. Толстого состоялось в 1918 году, победителем стал Г. А. Ильинский (филолог, историк), получивший премию за сочинение «Праславянская грамматика». Рецензентом выступил А. А. Шахматов (филолог, историк). Г. А. Ильинский был награжден большой наградой в 1000 рублей, а также почетной золотой медалью в 200 рублей [1: 76].

Премия имени митрополита Макария

Практически одновременно с премией имени графа Д. А. Толстого была учреждена премия имени митрополита Макария. Она была утверждена приказом министра народного просвещения И. Д. Делянова 14 июня 1883 года и стала практически единственной, на которую могли претендовать действительные члены Академии наук. Еще одним отличием от других премий было то, что на рассмотрение принимались не только напечатанные и уже изданные труды, но и рукописи (чисто и четко написанные)¹¹. Существовало четыре вида Макарьевской премии: одна выдавалась Академией наук по всем отраслям наук, две – Святым Синодом за учебники и учебные пособия по духовным дисциплинам, еще одна – Киевской духовной академией за труды по богословию.

Деньги на премию составляли проценты от помеченной в пятипроцентные кредитные бумаги суммы в 120000 рублей. Эта сумма была собрана лично митрополитом Макарием специально для учреждения премии. Всего Макарьевской премии могли быть удостоены пять сочинений: две полные премии по 1500 и три неполные по 1000 рублей [10]. При невозможности денежного вознаграждения отличившиеся сочинения могли поощряться положительными отзывами.

В 1889 году на рассмотрение в Академию наук было представлено 16 сочинений, в том числе два рукописных труда. Общее собрание Академии наук назначило специальную комиссию, в которую вошли Я. К. Грот (филолог), А. К. Наук (филолог), Ф. В. Овсянников (физиолог и гистолог), М. И. Сухомлинов (филолог и литературовед), В. Г. Имшенецкий (математик и механик), А. А. Куник (историк), А. В. Гадолин (минералог и кристаллограф). Председателем комиссии стал непременный секретарь Академии наук Н. Ф. Дубровин (историк). Одной из полных премий было награждено сочинение генерал-майора М. Н. Лебедева «Описание триангуляции в Болгарии, произведенной в 1877, 1878, 1879 годах», напечатанное в 43-м томе Записок Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. К рассмотрению данного исследования был приглашен сторонний рецензент, профессор Николаевской Академии Генерального штаба, генерал-майор Н. Я. Цингер, написавший развернутую благоприятную рецензию.

Как и большинство академических премий, премия имени митрополита Макария закончила свое существование в начале советского времени, в 1919 году, а сумма, положенная в основание Макарьевского фонда, исчезла.

Среди награжденных премией митрополита Макария были такие выдающиеся исследователи,

как В. В. Докучаев (геолог и почвовед), С. О. Макаров (океанограф, полярный исследователь), И. В. Мушкетов (геолог и географ). Последнее награждение по Отделению русского языка состоялось в 1919 году, а по Физико-математическому отделению – в 1917-м. Победителем в 1917 году, получившим полную премию (1500 рублей), стал К. М. Дерюгин (зоолог) за сочинение «Фауна Кольского залива и условия ее существования». Рецензентом выступил Н. В. Насонов (зоолог).

Премия имени М. Н. Ахматова

Одной из последних универсальных премий стала премия имени тайного советника М. Н. Ахматова, завещавшего свой капитал в размере 200000 рублей по частям в Академию наук, Казанский университет и на устройство в селе Началово школы, больницы и ссудосберегательной кассы для крестьян, о чем было сообщено на страницах газеты «Астраханский листок» от 21 июля 1899 года [7]. Премия была учреждена в 1909 году и была ежегодной. Размер основной премии составлял 1000 рублей. Помимо нее существовало три малых премии по 500 рублей каждая. В 1914 году по причине военного времени премия не выдавалась. Однако в 1917 году в Академии состоялось очередное награждение. За сочинение «Геологическое описание полуострова Муравьева-Амурского и архипелага императрицы Евгении» малую премию получил П. В. Виттенбург (географ, арктический исследователь).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРЕМИИ

Премия имени К. М. Бэра

Кроме универсальных премий, подразумевавших награждение практически по всем существовавшим в XIX и начале XX века отраслям науки, со второй половины XIX века были созданы специализированные премии по отдельным научным направлениям. Одной из таких премий стала награда имени академика, тайного советника К. М. Бэра [5]. 29 августа 1864 года состоялось празднование по случаю пятидесятилетия со дня получения Бэром степени доктора в Дерптском университете (ныне Тартуский университет). С разрешения императора Александра II друзья и соратники Бэра организовали сбор денег на учреждение в честь Бэра медали и премии за лучшие сочинения по естественным наукам. Всего было собрано 8400 рублей, из которых 1500 пошли на покрытие издержек по изготовлению медали для самого Бэра и членов его семьи (1 золотая медаль и 5 серебряных), а также всех, участвовавших в подписке (1020 бронзовых медалей). Остальные деньги (6900 рублей) были обращены в государственные процентные бумаги премии имени К. М. Бэра. На 1873 год сумма премии составила около 9500 рублей. Непосред-

ственno на деньги для премии шли проценты с этой суммы¹². Сумма основного капитала могла быть увеличена за счет добровольных пожертвований.

На соискание премии могли претендовать работы в области анатомии, палеонтологии, гистологии, эмбриологии и физиологии человека. Работы по ботанике и зоологии принимались только в том случае, если они касались исследований в малодоступных или неизученных областях Российской империи¹³. Авторы работ должны были либо состоять в русском подданстве, либо не менее трех лет проработать в России, либо прожить на территории Российской империи десять лет. Как и большинство других премий, правила премии имени К. М. Бэра запрещали действительным членам Академии наук подавать собственные работы на ее соискание. Сочинения принимались на русском языке или же на языке, наиболее распространенном среди ученых (латинском, французском, немецком и английском). Исследования на другом языке допускались только при условии, что среди членов комиссии находились люди, способные его прочесть.

Премия имени К. М. Бэра присуждалась каждые три года и состояла из почетной медали и денежной награды. Золотая медаль стоимостью 200 рублей назначалась ученым за их сочинения, существенно обогатившие естественные науки. Юбилейная медаль, также ценностью в 200 рублей, выдавалась в случае преподнесения крупных пожертвований в пользу музея или библиотеки Академии наук¹⁴. Денежная премия составляла 1000 рублей и не могла быть разделена между несколькими трудами. По истечении нескольких лет в связи с увеличением суммы, получаемой по процентам, была учреждена второстепенная, малая награда, составляющая вначале 300 рублей, а впоследствии 500 рублей.

Академия наук единолично принимала решения о присуждении премии. Сотрудники биологического разряда Физико-математического отделения Академии составляли комиссию по присуждению. Пожизненным председателем комиссии был назначен почетный член Академии наук К. М. Бэр. Решения принимались абсолютным большинством голосов. Последнее присуждение премии имени К. М. Бэра состоялось в 1919 году. Одним из награжденных второстепенной премией стал будущий академик Академии наук СССР Б. Л. Исащенко (микробиолог, ботаник). Премия была присуждена за работу в области морской микробиологии Северного Ледовитого океана, выполненную в ходе Мурманской научно-промышленной экспедиции 1906 года. Среди награжденных за всю историю существования

премии были такие исследователи, как А. А. Бунге (ботаник), Л. С. Ценковский (ботаник, протозоолог), А. Ф. Миддендорф (географ, зоолог), В. Л. Комаров (ботаник, географ) и др. [1].

Правила последующих именных специализированных премий фактически повторяли правила присуждения премии имени К. М. Бэра.

Премия имени Ф. Ф. Брандта

Премия имени известного зоолога Ф. Ф. Брандта была учреждена 16 ноября 1876 года в честь его 50-летнего юбилея. Деньги на премию были собраны за счет приношений, а сама награда выдавалась за счет процентов. Премия назначалась за исследования в области зоологии, зоогеографии, сравнительной анатомии и палеонтологии животных и присуждалась раз в пять лет¹⁵. Претендовать на получение премии могли только поданные Российской империи или прожившие на ее территории не менее десяти лет. Объявление о премии должно было быть опубликовано за два месяца до закрытия конкурса (награждение проводилось 29 декабря, а сочинения необходимо было представить на конкурс не позднее 1 мая)¹⁶. Члены комиссии, состоящей из сотрудников Физико-математического отделения Академии наук, могли включать в конкурс и сочинения, не представленные автором самостоятельно. В качестве рецензентов комиссия имела право приглашать специалистов из других научных учреждений. Академик, тайный советник Ф. Ф. Брандт был назначен пожизненным председателем комиссии. Решение о присуждении премии производилось баллотировкой, и для положительного решения требовалось не менее 2/3 голосов членов комиссии, присутствовавших на заседании. Одним из награжденных в 1886 году стал В. К. Тачановский (зоолог) за работу по исследованию биологического разнообразия птиц Перу¹⁷.

Премия имени Г. П. Гельмерсена

10 апреля 1879 года также в честь пятидесятилетия службы, но уже в офицерских чинах была создана премия академика, горного инженера, генерал-лейтенанта Г. П. Гельмерсена. Основной капитал премии формировался за счет добровольных пожертвований, а сама премия выплачивалась за счет процентов с суммы, обращенной в государственные кредитные бумаги. Премия составляла 500 рублей (при увеличении процентных выплат могла быть увеличена и сумма премии). Она была неделимой и присуждалась за исследования по геологии, палеонтологии и физической географии России и сопредельных стран Азии. В случае если учений уже был награжден премией имени К. М. Бэра или Ф. Ф. Брандта, он не мог претендовать на соис-

кание премии имени Г. П. Гельмерсена. Рукописи к рассмотрению не принимались.

В 1908 году премии имени Г. П. Гельмерсена был удостоен путешественник, геолог и географ К. И. Богданович за его работы по Кавказу, ставшие результатом обработки данных экспедиции геологического комитета в 1901, 1902 и 1904 годах по изучению геологического строения восточного Кавказа в области Главного хребта. Рецензентами его сочинений выступили Ф. Б. Шмидт (геолог, ботаник), А. П. Карпинский (геолог), Ф. Н. Чернышев (геолог и палеонтолог) и В. И. Вернадский (естественноиспытатель)¹⁸.

Премия имени П. Н. Батюшкова

За труды по истории, этнографии и археологии северо-запада России исследователи могли претендовать на премию имени действительного тайного советника П. Н. Батюшкова. Полная премия составляла 1000 рублей и могла быть разделена на две отдельные премии в 600 и 400 рублей соответственно¹⁹. Премия комплектовалась за счет процентов с капитала в 10000 рублей, переданных Академии наук вдовой П. Н. Батюшкова. Премия присуждалась каждые четыре года.

Премия имени С. А. Иванова

В начале XX века была создана премия имени С. А. Иванова. Она назначалась за печатные труды по физике, химии, минералогии (геология, палеонтологии и др.), ботанике и зоологии. Премия выплачивалась за счет процентов с капитала 170125 германских марок за двухгодичный период. Отдельные сочинения могли отмечаться почетными отзывами²⁰. В 1914 году Академия наук присудила премию имени С. А. Иванова А. Ф. Иоффе.

Конец XIX века ознаменовался значительным ростом денежного выражения премий, прежде всего именных и узкоспециализированных. К концу 1917 года, переломного не только в истории Академии наук, но и всей страны, в Академии наук было 59 именных премиальных фондов на общую сумму 2269170 рублей. Несмотря на общую неопределенность с положением в стране и финансированием науки, в 1917 году в Академии продолжали назначаться новые премии. Так, 18 января 1917 году была учреждена премия имени первого выборного президента Академии наук А. П. Карпинского (геолог)²¹.

Национализация банков лишила Академию наук возможности свободно распоряжаться собственными премиальными фондами. Министерство народного просвещения было упразднено в октябре 1917 года, все научные учреждения, в том числе и Академия наук, перешли в ведомство Народного комисариата просвещения РСФСР (Наркомпрос). Ассигнование денег на премии

с 1917 год шло через Наркомпрос. Количество сочинений также сократилось, некоторые ученые были репрессированы, некоторые покинули Россию. Награждения по последним конкурсам состоялись в 1919 году. В своей речи на заседании Общего собрания Академии наук 6 декабря 1919 года непременный секретарь С. Ф. Ольденбург [12] вынужден был указать на то, что

«опыт последних лет показал, что со временем национализации капиталов РАН, выдача премий стала совершенно невозможной, при том и работы на соискание премий почти не представляются авторами. Ввиду сего казалось бы правильным отменить на 1920 год конкурсы на соискание премий»²².

Планировалось в дальнейшем, по прошествии года, вернуться к практике присуждения денежных премий за выдающиеся сочинения.

В 1934 году Академия наук была переведена в Москву, где традиция академических премий была возрождена учреждением премий имени Д. И. Менделеева и И. П. Павлова. В 1935 году Советом Министров СССР были учреждены еще две золотые медали АН СССР – имени В. В. Докучаева «за выдающиеся оригинальные научные работы и открытия, имеющие крупное научно-теоретическое или практическое значение» и имени А. П. Карпинского «за выдающиеся научные труды в области геологии».

Развиваясь, трансформируясь и совершенствуясь, практика присуждения академических премий ученым за вклад в науку продолжается и в наше время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Премии Академии наук, которыми награждались наиболее академичные и образованные специалисты, существенно расширили и дополнили как географию точек исследования, так и состав участников разведочных изыскательских работ по изучению и освоению пространства страны.

Многочисленные академические премии помогли привлечь к занятиям наукой не только профессиональных ученых, но и сторонних исследователей. Премии способствовали созданию научного социума, ядром которого стала Академия наук. Поощрительные премии также помогали развитию исследований на местах. Размер вознаграждения был достаточно высок. К примеру, по Уставу Академии наук в 1836 году годовая зарплата ординарного академика составляла 5000 рублей²³, а размер премии мог достигать 1500 рублей единовременно. Помимо денежного вознаграждения, премии подчеркивали статус награжденного. Они помогали расширять научные связи и самой Академии наук. Рецензентами сочинений, присланных на соискание

различных премий Академии наук, выступали не только ученые самой Академии, но и приглашенные специалисты, прежде всего профессора университетов. Первоначальное появление только универсальных премий, а впоследствии и специализированных отражало ситуацию в научной сфере. К середине XIX века разделение единой науки на отдельные дисциплины еще только начинало формироваться и деление премий по различным разрядам не имело смысла.

С постепенным развитием и разделением наук шел планомерный процесс замены общих премий на специализированные, хотя вплоть до революции 1917 года продолжали существовать обе категории.

Премии Академии наук являлись не только поощрением выдающихся научных заслуг, но и способствовали становлению целых научных школ и направлений, формируя, таким образом, научную элиту Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Указатель конкурсов Императорской Академии наук и художеств. 1751–1796 / Сост. М. Ш. Файнштейн. СПб., 2003.
- ² Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1974. С. 46.
- ³ О посольстве графа Ю. А. Головина в Китай. СПб., 1807. С. 101.
- ⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 – 1841–1845. Д. 2. Л. 145–145 об.
- ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 273. Ч. 1. Л. 112.
- ⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 654. Л. 24 об.
- ⁷ Положение о наградах, учрежденное П. Н. Демидовым. СПб., 1831.
- ⁸ Записки Императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1863. С. 215.
- ⁹ Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорскою Академией наук. СПб.: Типография ИАН, 1888. С. 5.
- ¹⁰ Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академией наук. СПб.: Типография ИАН, 1908. С. 183.
- ¹¹ Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорскою Академией наук. СПб.: Типография ИАН, 1888. С. 3.
- ¹² Там же. С. 15.
- ¹³ Там же. С. 16.
- ¹⁴ Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 г. СПб., 1914. С. 152.
- ¹⁵ Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорскою Академией наук. СПб.: Типография ИАН, 1888. С. 25.
- ¹⁶ Там же. С. 26.
- ¹⁷ Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Императорскою Академией наук. СПб.: Типография ИАН, 1908. С. 125.
- ¹⁸ Там же. С. 133.
- ¹⁹ Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 г. С. 150.
- ²⁰ Там же. С. 156.
- ²¹ Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский; Сост. Э. И. Колчинский, А. А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 23.
- ²² Протоколы Общего собрания Российской академии наук. Пг., 1919. § 246. С. 164.
- ²³ Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М.: Наука, 1974. С. 117.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академия наук в пространстве поощрения ученых (XIX – начало XX века): Препринт. СПб.: Нестор-История, 2007. 82 с.
2. Басаргина Е. Ю. Ломоносовская премия – первая государственная премия в России, 1865–1918. СПб.: Нестор-История, 2012. 124 с.
3. Гиучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 310 с.
4. Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках / Авт.-сост. П. Х. Гребельский, А. Б. Мирвис. СПб.: ЛИО «Редактор», 1992. 279 с.
5. Манойленко К. В. Награды имени академика К. М. Бэра: история основания, значение // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 26–47.
6. Мезенин Н. А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1987. 201 с.
7. Просянова О. П. Астраханские традиции благотворительности на примере купечества и предпринимателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://astrakhan-musei.ru/article/article/view/13849> (дата обращения 28.05.2019).
8. Смирнов В. Г. Исследования Мирового океана военными моряками и учеными России, 1826–1895 гг. СПб.: ЦКБ ВМФ, 2007. 290 с.
9. Хартанович М. Ф. Награды графа Уварова в Императорской Академии наук // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб.: Наука, 2010. С. 312–335.

10. Черказьянова И. В. Премия митрополита Макария в истории Академии наук (дореволюционный период) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/cerkovnaistoria/cerkazianova/> (дата обращения 15.03.2019).
11. Чумакова Т. В. Премия графа Дмитрия Андреевича Толстого в истории русской науки // История идей и история общества: Материалы III Всерос. науч. конф. Нижневартовск, 22 апр. 2005 г. Нижневартовск, 2006. С. 138–139.
12. Hirsch F. Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.
13. Tammsaare E., Stone I. R. Alexander von Middendorff and his expedition to Siberia (1842–1845) // Polar Record. 2007. Vol. 43 (226). P. 193–216. DOI: 10.1017/S0032247407006407

Поступила в редакцию 05.12.2019

Tatiana Yu. Feklova, PhD in History, Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tat-feklova@yandex.ru

AWARDS OF THE SAINT PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES

This article presents the results of the first-of-its-kind analysis of the history of the Russian Academy of Sciences awards and encouragements for scientists. Till present time, there have been no generalizing works in historiography covering the entire history of the Academy's awarding practices. The article covers the period of the Academy's existence in Saint Petersburg (1724–1934). The purpose of the article is to examine the stages of the formation of awarding practices for scientific activities, as well as their forms and features. To this end the author searched for the materials from the funds of the Russian State Historical Archive and the Saint Petersburg Branch of the Archive of the Academy of Sciences that have not been introduced into scientific circulation. This article is the first of its kind to study a long-term process of creating the most significant nominal awards of the Academy of Sciences, the country's highest scientific institution. The author demonstrates the formation of Russia's scientific elite through the prism of establishing a scientific school as a functioning institution where outstanding academicians led the development of scientific domains and areas with the help of specific awards. The methodology of the research comprised modern historical methods (historico-genetic method, retrospective method, typological method, structural method, the method of archival heuristics, etc.), as well as the methods of the social history of science (the relationship between science and the state or between the science and other social institutions).

Keywords: Academy of Sciences, awards, medal, expedition

Cite this article as: Feklova T. Yu. Awards of the Saint Petersburg Academy of Sciences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 63–71. 10.15393/uchz.art.2020.483

REFERENCES

1. Academy of Sciences in the space of encouraging scientists (from the XIX to the early XX centuries): Preprint. St. Petersburg, 2007. 82 p. (In Russ.)
2. Basargina E. Yu. The Lomonosov Award – the first state award in Russia, 1865–1918. St. Petersburg, 2012. 124 p. (In Russ.)
3. Gnutcheva V. F. Materials on the history of the expeditions of the Academy of Sciences in the XVIII and XIX centuries. Moscow, Leningrad, 1940. 310 p. (In Russ.)
4. The House of Romanov: Biographical information about the members of the reigning house, their ancestors and relatives (P. H. Grebel'skiy, A. B. Mirvis, Comp.). St. Petersburg, 1992. 279 p. (In Russ.)
5. Manoylenko K. V. Awards named for the academician Karl von Baer: a history of their foundation and significance. *Studies in the History of Biology*. 2014. Vol. 6. No 1. P. 26–47. (In Russ.)
6. Mezenin N. A. Winners of the Demidov awards of the Saint Petersburg Academy of Sciences. Leningrad, 1987. 201 p. (In Russ.)
7. Prosyanova O. P. Astrakhan traditions of charity illustrated by the example of merchants and entrepreneurs. Available at: <http://astrakhan-musei.ru/article/article/view/13849> (accessed 28.05.2019). (In Russ.)
8. Smirnov V. G. Studies of the World Ocean by Russian navy sailors and scientists, 1826–1895. St. Petersburg, 2007. 290 p. (In Russ.)
9. Khartanovich M. F. Awards of Count Uvarov in the Imperial Academy of Sciences. The Academy of Sciences in the history of Russian culture in the XVIII and the XIX centuries. (Zh. I. Alferov, Ed.). St. Petersburg, 2010. P. 312–335. (In Russ.)
10. Cherkaz'yanova I. V. The Metropolitan Macarius Award in the history of the Academy of Sciences (the pre-revolutionary period). Available at: <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/cerkovnaistoria/cerkazianova/> (accessed 15.03.2019). (In Russ.)
11. Chumakova T. V. The Award of Count Dmitry Andreyevich Tolstoy in the history of Russian science. *History of ideas and history of society: Proceedings of the III All-Russian Research Conference. Nizhnevartovsk, April 22, 2005*. Nizhnevartovsk, 2006. P. 138–139. (In Russ.)
12. Hirsch F. Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca, London, 2005. 367.
13. Tammsaare E., Stone I. R. Alexander von Middendorff and his expedition to Siberia (1842–1845). *Polar Record*. 2007. Vol. 43 (226). P. 193–216. DOI: 10.1017/S0032247407006407

Received: 5 December, 2019

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ МАРТЫСЕВИЧ
соисполнитель кафедры отечественной истории Института
истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
qtar55@mail.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА: ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Советско-финляндская война 1939–1940 годов стала одной из трагических страниц в истории нашей страны. На исход этого военного конфликта повлияли несколько важных факторов. Одним из них является материально-техническое обеспечение войск Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе боевых действий. Особенно остро он встал в Северном Приладожье. Именно в этом районе попали в окружение 18-, 168-я стрелковые дивизии и 34-я легкая танковая бригада. Вопрос о материально-техническом обеспечении войск слабо освещен в военно-исторической науке, что позволяет говорить о его актуальности и новизне. Поэтому цель данной статьи – обобщить то, что уже опубликовано по теме, и определить перспективы изучения. В качестве вывода обоснован тезис о том, что совокупность факторов обеспечения подразделений армии всем необходимым не была в достаточной мере учтена при разработке планов военных действий против Финляндии, что в итоге привело Красную армию к катастрофическим последствиям.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, материально-техническое обеспечение, боевые действия, Красная армия, Великая Отечественная война

Для цитирования: Мартысевич А. П. Советско-финляндская война: вопросы материально-технического обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии в ходе боевых действий // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.484

ВВЕДЕНИЕ

Историография Советско-финляндской войны 1939–1940 годов может быть разделена на два этапа: советский (1940–1991 годы) и постсоветский (с 1992 года по настоящее время). На первом этапе вопросам материального снабжения войск большого внимания не уделялось, однако эта тема была затронута в научных трудах, посвященных развитию Вооруженных Сил СССР и их тыла. К таким работам следует отнести: «Тыл Советской Армии» [4] и «Развитие тыла Советских Вооруженных Сил, 1918–1988» [15]. Авторы данных работ рассмотрели обширный исторический период, что не позволило остановиться подробнее на организации в ходе Советско-финляндской войны обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). При этом все вопросы организации снабжения вооруженных сил изучались лишь с точки зрения подготовки тыла страны к мировой войне, что не создавало предпосылок для постановки этой локальной войны в качестве отдельной темы исследования.

Важную часть историографии составляют работы, в которых показано состояние экономики нашей страны во второй половине 1930-х годов.

Здесь следует отметить издание «История социалистической экономики СССР», в пятом томе которого речь идет о развитии народного хозяйства в 1938–1945 годах [10]. Авторский коллектив сосредоточил основное внимание на событиях Великой Отечественной войны и процессе подготовки к ней, не рассматривая отдельно состояние экономики СССР накануне и в ходе Советско-финляндской войны.

По теме данного исследования хотелось бы также отметить ряд значимых работ постсоветского периода: это труды В. Н. Барышникова [2], А. Г. Донгарова [5], И. М. Драйгала [6].

Таким образом, несмотря на обширный характер специальных исследований по истории данного военного конфликта, работ, посвященных проблемам материально-технического обеспечения РККА в период Советско-финляндской войны, нет. Разработка данного вопроса требует использования статистического и исторического методов.

Материально-техническое обеспечение РККА – это составная часть единой системы органов управления, специальных войск, учреждений и других военных организаций, осущест-

вляющих техническое и тыловое обеспечение всех видов вооруженных сил и отдельных родов войск. Единая система материально-технического обеспечения РККА объединяла в себе два самостоятельных вида всестороннего обеспечения армии – технический и тыловой. Материально-техническое обеспечение организуется и осуществляется во всех видах повседневной и боевой деятельности с целью поддержания войск и сил в постоянной готовности к выполнению задач по предназначению. Именно фактор снабжения оказал огромное влияние на ход боевых действий и итоги Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. В то время как обладающие несомненной важностью вопросы материально-технического снабжения войск РККА затрагиваются в исследованиях весьма поверхностным образом [20], это определило цель настоящей статьи – анализ и систематизация основных характеристик материально-технического снабжения войск РККА как одного из основных факторов, предопределивших исход военного конфликта (см.: [1], [3], [9], [12], [18]).

Переходя к непосредственному рассмотрению вопросов материально-технического обеспечения РККА, необходимо остановиться на характеристике тенденций развития военного сектора экономики СССР во второй половине 1930-х годов. В этот период Советское государство, адекватно оценивая риски возможных военных конфликтов, сконцентрировало усилия экономики страны на развитии военно-оборонного комплекса. В этом отношении Карельская Автономная ССР изначально являлась слабым звеном в цепи материального обеспечения армии в силу ограниченности локальных ресурсов, а также наличия проблем по снабжению продовольствием и горючим. Северо-западные рубежи СССР не обладали достаточной инфраструктурой по транспортировке ресурсов, необходимых для действующей армии. Кроме того, определенные проблемы наблюдались в функционировании промышленности региона. Заметно лучше обстояли дела с производством боеприпасов. За счет промышленных мощностей Ленинграда их производство удалось значительно увеличить. Однако в условиях Карелии по существу единственной формой транспортировки материально-технических ресурсов для РККА оставался их подвоз из центра страны [5].

Развитие оборонного комплекса в сочетании со структурной реорганизацией армии потребовало существенного увеличения доли военных расходов в бюджеты страны с 26 до 43 % в период с 1939 по 1940 год [7: 12]. Существующие материалы демонстрируют отсутствие основных планов советского руководства по своевременной подго-

товке возможного театра боевых действий к войне с Финляндией. Отсюда возникло очевидное противоречие между реально существующими и ожидаемыми потребностями армии в снабжении материально-техническими ресурсами. Заметную роль оказали также недостатки теоретической разработки материального снабжения армии. Отсутствовало комплексное представление о тыловом обеспечении войск РККА как единой системе, позволяющей осуществлять полноценное материально-техническое снабжение.

Для решения задач обеспечения РККА требовалась последовательная модернизация существующей военной техники, совершенствование ее качественных характеристик в противовес простому наращиванию количественных показателей. В СССР отсутствовало развитое производство минометного и автоматического стрелкового оружия, которое имелось в зарубежных государствах. Некоторые виды военной техники уступали по своим боевым характеристикам западным образцам. Все это оказывало негативное воздействие на состояние Красной армии и ее боевые способности. Вооруженные Силы Советского Союза не отвечали требованиям времени, поэтому уже в конце лета 1939 года высшим политическим и военным руководством государства в Москве проводились обсуждения по решению текущих стратегических задач обеспечения армии. ЦК ВКП(б) и НКО СССР был принят комплекс мер, направленных на преодоление отставания от передовых мировых разработок и рост производства современной боевой техники, боеприпасов, военного транспорта [2].

При подготовке к наступлению армия была спешно пополнена необходимыми материально-техническими ресурсами, припасами, а также обмундированием. На уровне военного совета фронта было принято решение не выдвигать войска к фронту без достаточного обеспечения полуушубками, валенками, необходимым количеством лыж, белых маскалатов, грелок и пр. Действующие войска были пополнены боеприпасами до полной нормы, значительное количество боезапасов было складировано на грунт (полевые склады), большое количество их сосредоточено на станциях снабжения [17: 7]. Кроме того, войска Северо-Западного фронта были обеспечены в достаточном количестве бронесанями, бронешитками и миноискателями. По линии медико-санитарной службы было подготовлено большое количество необходимых материалов [13: 97].

С самого начала войны Красная армия испытывала нехватку теплого обмундирования. У бойцов не было ни валенок, ни полуушубков, ни лыж. Красноармейцы передвигались по за-

снеженным лесам в шапках-буденовках и тонких шинелях. Одежда и обувь промокали, люди страдали от обморожений [13: 98]. Чуть больше остальных везло артиллеристам – им доставались редкие туалеты. О проблемах в системе снабжения говорилось, например, в акте передачи Народного комиссариата обороны (НКО) весной 1940 года, когда вместо К. Е. Ворошилова народным комиссаром (наркомом) стал С. К. Тимошенко [18].

Боевые действия шли преимущественно в болотистой и лесистой местности, где не было возможности использовать танки. Советские дивизии попадали в окружение, лишались связи со штабом. В таких формированиях начинался голод. Снабжать армию с воздуха получалось не всегда, так как финские снайперы (их называли кукушками) держали места выброски провианта под огнем. При этом из числа двух тысяч пленных лишь у офицерского корпуса были рукавицы. Многие солдаты РККА были обнаружены замерзшими. Имелись случаи добровольной сдачи в плен финской армии измученных голодом и холодом советских солдат. Впоследствии они подтверждали тот факт, что их заставляли идти в атаку под угрозой пулеметного огня [20: 10].

Взятые в качестве военного трофея 10 января 1940 года 47 полевых кухонь, брошенных 44-й стрелковой дивизией (сд) при отступлении, были оборудованы хорошо, но после месяца военной кампании имели не самый лучший вид [20: 10]. К числу трофейных завоеваний также относились танки и грузовые автомобили, автоматические ружья и иное военное снаряжение, что свидетельствует о достаточном уровне снабжения Красной армии. Военные корреспонденты, такие как Всеволод Вишневский из «Правды», Сергей Борзенко из газеты «Краматорская правда», отмечали, что РККА располагала оружием, сделанным из первоклассных материалов самого высокого качества. Войска были в достаточной степени обеспечены им. При этом отмечался крайне низкий уровень владения оружием советскими солдатами. Красноармейцы совершенно не умели с ним обращаться, оружие было запущено. Грузовой автомобиль, захваченный финнами, оказался абсолютно не поврежден. Но инженерный осмотр мотора показал, что весь его механизм был «до того загрязнен и запущен, что даже новичок-шофер пришел бы в ужас, увидев такое грубое обращение с мотором» [6: 50].

Несмотря на наличие у войск РККА стратегического преимущества в виде артиллерии, следует отметить ее низкую эффективность в условиях закрытых лесных массивов, а также проблемы с транспортировкой, в том числе в ус-

ловиях сильных морозов. Кроме того, развертывание артиллерийских орудий обычно занимает около 30–40 минут, а в условиях внезапного нападения в лесном массиве для этого не остается возможности. 76-мм пушки образца 1902 года весом более двух тонн каждая было невозможно транспортировать, облегченные пушки постоянно застревали, проваливались под лед и в болота, трехдюймовое орудие образца 1910 года весом в тонну оказалось более-менее пригодным, но имело ограниченную дальность стрельбы [14: 26]. Будь у противника своя легкая артиллериya, наступление колонн Красной армии было бы в значительной степени затруднено. Что касается стрелкового оружия, то финские лыжники были вооружены винтовками системы «Arisaka» японского производства, русскими винтовками образца 1891 года и пулеметами. Принятая на вооружение в начале 1939 года самозарядная винтовка Токарева (СВТ-38) была модернизирована с учетом опыта использования винтовок первых серий и, в частности, их применения в ходе Советско-финляндской войны [14: 27].

В условиях леса внезапные нападения финских лыжников, оснащенных автоматическим оружием, обыкновенно делали их неуязвимой и грозной силой, что исключало возможность длительного боя. Красноармейцы не могли преследовать врага. Большинство подразделений РККА испытывали существенные проблемы с наличием лыж и теплого обмундирования. К этому времени нормальное снабжение дивизий продовольствием и боеприпасами было нарушено, и 2 января командование разрешило забивать обозных лошадей. Утром 3 и 4 января, выполняя приказ штаба 9-й армии, части 44-й сд предприняли несколько безуспешных атак для разблокирования дороги. Между тем положение окруженных частей становилось безнадежным, продовольствие закончилось, а боеприпасы были на исходе. Вечером 3 января Виноградов потребовал от штаба 9-й армии незамедлительно оказать помощь [17: 7]. Через сутки, вечером 4 января, с самолета сбросили три мешка с сухарями, а 6 января – еще столько же. На этом помочь вышестоящего штаба окруженной дивизии и ограничилась. 139-я сд утратила значительную часть своей боеспособности к 10 декабря. Нормальное снабжение боеприпасами и продовольствием более 10 тыс. человек по одной узкой дороге не было налажено, солдаты не получали горячей пищи и спали под открытым небом у костров более недели [11: 90]. Потери офицерского состава были велики, так как поднимать в атаку переутомленный личный состав можно было

только личным примером. К 10 декабря ротами в основном командовали младшие лейтенанты. Учитывая это, комбриг Беляев повторно попросил 9 декабря у вышестоящих штабов разрешения на двухдневный дополнительный отдых личного состава для приведения его в порядок и нормализации снабжения. Штабы 1-го стрелкового корпуса (ск) и 8-й армии не удовлетворили эту просьбу. Задачу обеспечения южного фланга частей дивизии получил 146-й стрелковый полк (сп) [11: 91]. Но, пожалуй, самым слабым местом советских танковых войск в финскую кампанию были эвакуационные средства. Не только танковые батальоны, но и некоторые танковые бригады не имели тракторов для вывоза с поля боя подбитых танков. Полученные по мобилизации из народного хозяйства трактора оказались мало мощными, многие из них требовали ремонта или были не на ходу. Специальных тягачей «Коминтерн» имелось очень мало. В ходе войны было получено несколько мощных тягачей «Ворошиловец», только что поставленных на производство. Они хорошо зарекомендовали себя в боевых условиях и высоко оценивались ремонтниками. В основном же эвакуация подбитых боевых машин с поля боя проводилась танками [8: 40].

В условиях суровой морозной зимы 1939/40 года поддержание танков в рабочем состоянии требовало большого расхода горючего. Поэтому части 7-й и 13-й армий применяли обогрев танков по опыту 13-й танковой бригады (тбр). Танк ставился в специально вырытую полуземлянку, закрытую брезентом или накатом из бревен, а под его днищем постоянно горел небольшой костер. В результате в случае необходимости двигатель машины запускался при любом морозе. С конца января 1940 года в части стали поступать специально разработанные танковые обогреватели, которые были более безопасными, чем костер под днищем танка [17: 8].

Ход боевых действий в Северном Приладожье мог получить совершенно иной поворот, если бы удалось осуществить в назначенные сроки строительство железной дороги Петрозаводск – Суоярви протяженностью 132 километра [16: 130]. Незадолго до прекращения наступления 7-й армии на Карельском перешейке, 27 декабря 1939 года в Москве по плану К. А. Мерецкова было принято решение о сооружении этой дороги в кратчайшие сроки. Пропускная способность одноколейной Кировской дороги была столь незначительной, что не могла обеспечить своевременную переброску дивизий, предназначенных для усиления 8, 9, 14 и 15-й армий, а также доставку военных грузов. Большие затруднения в продвижении поездов начались в конце декабря 1939 года.

На Кировской железной дороге в январе 1940 года среднесуточная скорость продвижения воинских составов равнялась 116 км (4,8 км в час), в феврале – 132 км (5,5 км в час). На Октябрьской железной дороге соответственно 1183 км (7,6 км в час) и 143 км (5,95 км в час). 202 км Кировской железной дороги, по мнению некоторых военных экспертов, в зимних условиях могли обеспечить снабжение лишь четырех стрелковых дивизий [8].

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 декабря 1939 года было намечено ускорение строительства железнодорожной линии Сорокская – Обозерская [11: 144]. Для этого было переброшено 50 тысяч заключенных. 5 февраля 1940 года, в день принятия в Париже Верховным Советом союзников принципиального решения о возможности посылки экспедиционного корпуса на помощь Финляндии, Политбюро постановило начать строительство вторых путей железной дороги Ленинград – Мурманск. Временное движение от станции Волховстрой до станции Лодейное Поле следовало открыть к 10 апреля, от станции Лодейное Поле до Петрозаводска – к 1 июля 1940 года [11: 147].

Физико-географические условия региона боевых действий (низкие температуры, глубокий снежный покров, многочисленные водные преграды) сыграли решающую роль в возникновении санитарных потерь. Однако на рост числа пострадавших повлиял в значительной степени и низкий уровень материально-технического оснащения Красной армии. Г. А. Мите́рёв, занимавший в то время пост народного комиссара здравоохранения, не считал создавшееся в начале боевых действий положение катастрофическим. Красноармейцев и командиров в условиях фронтовой полосы от обморожений спасали, по мнению Г. А. Мите́рёва, теплая одежда и обувь. А также спирт и водка, которые стали выдаваться с января 1940 года [13: 98]. Только 29 декабря 1939 года в Ставке Главного командования обсуждался вопрос об улучшении материального обеспечения войск, и лишь после этого заседания был сделан заказ секретарю Новосибирского обкома на изготовление 150–200 тысяч шапок-ушанок [19: 230]. В войска они поступили к началу февральского наступления, однако многие бойцы действующей армии не получили их до конца войны, продолжая носить буденовки, не спасавшие от холода.

Массовый выпуск зимнего обмундирования ленинградскими предприятиями обеспечивал в значительной степени те армии, которые действовали на Карельском перешейке. Снабжение северных армий было сопряжено с большими трудностями. Для обогрева раненых большей

часто применялись химические грелки, водка и изредка горячий чай. Основная часть обморожений приходилась на нижние конечности, особенно в области стопы, что являлось следствием плохого обеспечения военнослужащих теплой обувью. Валенки довольно часто промокали, но и они были не у всех, многие бойцы были обуты в ботинки. Рукавицами и перчатками войска практически не были обеспечены к началу войны. Снабжение ими осуществлялось в значительной степени за счет посылок, приходивших от советских граждан. Только ленинградцами в действующую армию было отправлено около двухсот тысяч единиц теплых вещей: валенок, свитеров, полуночников [8: 42].

Перебои с питанием также являлись фактором, предопределившим увеличение случаев обморожения. Негативным образом влияли на бойцов, прибывших из южных районов (например, из Киевского особого военного округа) и не адаптировавшихся к условиям боевых действий, особенности физико-географических условий Северо-Западного региона.

Основным средством транспортировки раненых с поля боя являлись носилки, однако их применение в условиях глубокого снежного покрова в широких масштабах было невозможным. Кроме того, это было сопряжено с большим риском как для раненого, так и для носильщиков. К началу боевых действий войска располагали лыжно-носилочными установками, количество которых было явно недостаточным. В период войны процесс их изготовления на местах стал уже массовым. При относительно легкой доступности использование лыжно-носилочных установок имело ряд негативных моментов: плохая маневренность в условиях лесной местности; низкая степень защищенности раненого от огня противника. Применение установок было оправдано лишь на ровной поверхности, особенно на пространствах замерзших водоемов. Лучшим средством вывоза раненых стала лодка-волокуша. Она имела целый ряд преимуществ, обусловивших более активное ее применение: устойчивость, высокая проходимость, надежная защита раненого. Лодка-волокуша использовалась также для доставки боеприпасов на передний край. Подавляющая часть указанных средств вывоза раненых имела трофейное происхождение, так как попытки создания собственных аналогов не увенчались успехом. Конструкция лодки-волокушки была настолько эффективной при вывозе раненых с поля боя, что это вызвало появление ряда модифицированных приспособлений [6: 50]. Имел место использование следующего способа: плащ-палатка связывалась по углам, на дно

наливалась вода, которая быстро застывала на морозе, превращая плащ в импровизированную лодку [17: 8]. В период Советско-финляндской войны отмечались случаи транспортировки раненых и больных на собачьих и оленевых упряжках, однако широкого распространения этот вид санитарной эвакуации не получил. Необходимость оборудования гужевого транспорта для работы в соответствующих физико-географических условиях стала причиной ограничения данных перевозок. Несмотря на это, использование гужевого транспорта в войсковом районе было наиболее массовым. Автотранспорт также нуждался в утеплении, однако эти работы были проведены только в конце декабря 1939 года. Снежные заносы и большие пробки на основных магистралях в целом снижали эффективность работы автомобильного санитарного транспорта, который наиболее активно использовался для связи на отдельных этапах эвакуации, а также для доставки раненых и больных в лечебные учреждения крупных населенных пунктов. Пробки преодолевались легче там, где пользовались конным транспортом для эвакуации раненых, и сложнее там, где был автомобильный транспорт, проходимость которого по бездорожью и глубокому снегу оставалась низкой. К некоторым формам хирургического вмешательства приходилось прибегать там, где пробки мешали транспортировке раненых [19: 342].

ВЫВОДЫ

Исход советско-финляндского военного конфликта предоставил возможность объективно оценить систему материально-технического обеспечения войск РККА в соответствии с уровнем их боевой готовности, что позволило обозначить наиболее важные направления совершенствования системы обеспечения армии. Наиболее значительными оказались потери в боевой технике, преимущественно в танках, бронемашинах и авиации. Бронетанковые части действующей армии понесли большие потери в основном из-за слабого бронирования боевых машин и крайне плохого их технического состояния. Например, только 20-я танковая бригада с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года потеряла 527 танков, но так как они по нескольку раз восстанавливались, то безвозвратные потери этого соединения составили всего 32 единицы [8: 44]. Еще до начала прорыва линии Маннергейма наши танковые части потеряли 1110 единиц бронетехники. Общие потери бронетанковой техники за все время войны составили 3550 единиц, из них 676 – безвозвратные потери [7]. Такой же затратный подход

к использованию боевой техники наблюдался и в отношении авиации. Число утраченных самолетов до сих пор окончательно не установлено. Так, в докладе наркому обороны К. Е. Ворошилову о действиях ВВС в войне с Финляндией начальник главного управления ВВС комкор Я. В. Смушкевич говорил о 494 выведенных из строя самолетах (15 % от всего состава действующей авиации к концу войны). Причем боевые потери составили 261 самолет (53 %), небоевые – 233 (47 %). Однако, по сведениям оперативного управления Генштаба Красной армии, наша авиация потеряла 514 самолетов. По последним данным, численность потерь авиации достигла 579 самолетов, но, видимо, и эта цифра не окончательная. В то

же время потери финской авиации составили 233 самолета [16: 190]. Именно такие недостатки в вопросах материально-технического обеспечения войск РККА выявила Советско-финляндская война 1939–1940 годов.

Таковы основные итоги неудовлетворительного состояния материально-технического обеспечения РККА в период Советско-финляндской войны. Слабый уровень материально-технического обеспечения войск РККА, тактическая неэффективность и наличие фундаментальных проблем снабжения свидетельствовали о низкой боевой подготовленности Красной армии, что в значительной мере оказало влияние на ее потери в живой силе и технике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ндронников В. М., Буриков П. Д., Гуркин В. В. и др. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. 416 с.
2. Б арышников В. Н. Экономика и социально-политическая обстановка в СССР // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1998. С. 215–227.
3. Б арышников Н. И., Варгин Н. Ф., Винницкий Л. Г. и др. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. 3-е изд., испр. и доп. М., 1988. 446 с.
4. В ясоцкий В. К., Георгиевский А. С., Миловский М. П. Тыл Советской армии. М., 1968. 320 с.
5. Д онгаров А. Г. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 153–171.
6. Драйгал И. М. Вещевое обеспечение Красной Армии в годы советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. № 10-1. С. 49–50.
7. Дятлов С. А., Селищева Т. А. Оборонно-промышленный комплекс России как основа инновационного развития страны // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2009. № 4. С. 6–20.
8. Жуков С. А. Снабжение РККА боеприпасами при подготовке и в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 40–47.
9. История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. 507 с.
10. История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. / И. А. Гладков (отв. ред.). М., 1978. 567 с.
11. К илин Ю. М. Карелия в политике Советского государства: 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.
12. Л евашко В. О. Некоторые проблемы повседневной жизни начальствующего состава Краснознаменного Балтийского флота в преддверии Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 61–68.
13. М ошкин А. Н., В аляев Я. В. Проблемы санитарно-гигиенической службы российской армии в годы Первой мировой войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. № 8 (179). С. 95–100.
14. П остников А. Г. Особенности боевого применения артиллерии большой и особой мощности в советско-финляндской войне // История в подробностях. 2015. № 2. С. 24–31.
15. Развитие тыла Советских Вооруженных Сил, 1918–1988 / И. М. Голушки, В. А. Балдин, В. И. Бородулин и др. М., 1989. 311 с.
16. Р упасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб., 2016. 240 с.
17. С виридов В. А. Организация материального снабжения Красной армии накануне и в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: исторический опыт // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: Военно-научный журнал. 2017. № 1 (41). С. 5–8.
18. Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. 516 с.
19. Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. СПб., 2002. 532 с.
20. Я лозина Е. А. Финляндская война Сталина 1939–1940 гг. (по материалам эмигрантской периодической печати) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2015. № 3. С. 10–15.

Alexander P. Martysevich, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
qmap55@mail.ru

SOVIET-FINNISH WAR: MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED ARMY DURING MILITARY ACTIONS

The Soviet-Finnish war of 1939–1940 became a tragic page in the history not only of our country, but also of neighboring Finland. This military conflict became an integral part of the Second World War history. Its outcome was influenced by several important factors. One of the most important ones was the issue of logistics of the Red Army troops during the hostilities. It was particularly pressing in the Northern Ladoga area. During the war, it was in this area that the 18th and the 168th rifle divisions, as well as the 34th light tank brigade were surrounded. The novelty of the research arises from the fact that the issue of the troops logistics during the studied period has been poorly covered in special literature, which makes its study particular relevant for military history. The purpose of this article is to summarize the previously published materials and to identify the prospects for further study. The author makes a conclusion that the Soviet plans of military operations against Finland didn't take into account a combination of factors connected with supplying the Red Army units with everything that was needed. All this ultimately led to the disastrous consequences for the Red Army.

Keywords: Soviet-Finnish war, logistics, military operations, Red Army, Great Patriotic War

Cite this article as: Martysevich A. P. Soviet-Finnish War: material and technical support of the Workers' and Peasant's Red Army during military actions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.484

REFERENCES

1. Andronnikov V. M., Burikov P. D., Gurkin V. V., et al. The information has been declassified: Losses of the USSR Armed Forces in wars, combat operations and military conflicts: A statistical study. (G. F. Krivosheev, Ed.). Moscow, 1993. 416 p. (In Russ.)
2. Baryshnikov V. N. Economy and socio-political situation in the USSR. *The Winter War of 1939–1940*. Book 1. Political history. Moscow, 1998. P. 215–227. (In Russ.)
3. Baryshnikov N. I., Vargin N. F., Vinnitsky L. G., et al. History of the Order of Lenin of the Leningrad military district. Moscow, 1988. 446 p. (In Russ.)
4. Vysotsky V. K., Georgievsky A. S., Milovsky M. P., et al. The rear of the Soviet army. Moscow, 1968. 320 p. (In Russ.)
5. Dongarov A. G. The Soviet-Finnish war of 1939–1940. *Russia and the Contemporary World*. 2017. No 1 (94). P. 153–171. (In Russ.)
6. Draigal I. M. Clothing support of the Red Army during the Soviet-Finnish War of 1939–1940. *Current Issues of Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2016. No 10-1. P. 49–50. (In Russ.)
7. Dyatlov S. A., Selishcheva T. A. Military-industrial complex of Russia as a basis for innovative development of the country. *Herald of Omsk State University. Series: Economics*. 2009. No 4. P. 6–20. (In Russ.)
8. Zhukov S. A. Supplying the Red Army with ammunition during the preparation for the war and during the Soviet-Finnish War of 1939–1940. *Scientific Notes of Orel State University. Series: "Humanities and Social Sciences*. 2015. No 6 (69). P. 40–47. (In Russ.)
9. History of the Second World War, 1939–1945: In 12 vols. Vol. 3. The beginning of the war. Preparation of aggression against the USSR. Moscow, 1974. 507 p. (In Russ.)
10. History of the socialist economy of the USSR: In 7 vols. Vol. 5. Soviet economy on the eve and during the Great Patriotic War of 1938–1945. (I. A. Gladkov, Ed.). Moscow, 1978. 567 p. (In Russ.)
11. Klin Yu. M. Karelia in the policy of the Soviet state: 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
12. Levashko V. O. Some problems of the daily life of the commanding staff of the Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finnish War of 1939–1940. *History of Everyday Life*. 2017. No 2 (4). P. 61–68. (In Russ.)
13. Moshkin A. N., Valyaev Ya. V. Problems of sanitary and hygienic service of the Russian army during the First World War. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Politology*. 2014. No 8 (179). P. 95–100. (In Russ.)
14. Postnikov A. G. Specifics of operational use of large and special power artillery during the Soviet-Finnish War. *History in the Details*. 2015. No 2. P. 24–31. (In Russ.)
15. Development of the rear of the Soviet Armed Forces, 1918–1988. (I. M. Golushko, V. A. Baldin, V. I. Borodulin, et al.). Moscow, 1989. 311 p. (In Russ.)
16. Rupasov A. I., Chistikov A. N. The Soviet-Finnish border. 1918–1938. Essays on history. St. Petersburg, 2016. 240 p. (In Russ.)
17. Sviridov V. A. Organization of material supply of the Red Army on the eve and during the Soviet-Finnish War of 1939–1940: historical experience. *Scientific Bulletin of Volsky Military Institute of Material Support: Military Research Journal*. 2017. No 1 (41). P. 5–8. (In Russ.)
18. Soviet Armed Forces. The history of their build-up. Moscow, 1978. 516 p. (In Russ.)
19. Secrets and lessons of the Winter War of 1939–1940. St. Petersburg, 2002. 532 p. (In Russ.)
20. Yalozina E. A. Stalin's Finnish War of 1939–1940 (following emigrant periodical press). *Bulletin of Krasnodar State Institute of Culture*. 2015. No 3. P. 10–15. (In Russ.)

Received: 12 February, 2020

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ АНИСИМОВ

доктор исторических наук, профессор департамента истории

Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vbrevis@yandex.ru

ПЕТР ВЕЛИКИЙ О БОГЕ, БОЛЕЗНЯХ И МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДЕ

В контексте популярного в петровское время учения рационализма анализируются мировоззренческие представления Петра Великого о Боге, деле человеческой жизни, болезни и смерти. Цель статьи – показать, как формировалось отношение Петра к проблемам жизни и смерти, предназначения человека, веры в Бога, разум и могущество экспериментального знания. На этой основе автор исследует особенности образа жизни императора, склонного к неумеренному потреблению спиртного. Увлечение Петра лечением своих болезней с помощью минеральных вод напрямую связано с его глубокой верой во всесилие науки и экспериментального знания. Новизна статьи заключается в попытке реконструировать мировоззрение Петра Великого для понимания его менталитета. Актуальность состоит в новом подходе к пониманию мотивов конкретных действий царя. Делается вывод, что мировоззрение Петра формировалось под влиянием распространенных в европейской науке идей рационализма и повлиявших на него не лучших образцов менталитета европейского, в частности голландского, простонародья.

Ключевые слова: Петр Великий, минеральные целебные воды, Марциальные воды, рационализм, представления о Боге, жизни, смерти, болезнях, экспериментальные знания, пьянство

Для цитирования: Анисимов Е. В. Петр Великий о Боге, болезнях и минеральной воде // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485

Петр Великий был истинным сыном своего века: с одной стороны, христианином, причем глубоко верующим в Бога, а с другой – сторонником картезианства, опытного знания, эксперимента, который он увлеченно проделывал в равной степени над лежачим на анатомическом столе трупом и над подвластной ему Россией. Все это отражалось в своеобразии веры Петра. Он, как и многие просвещенные люди эпохи рационализма, значительных успехов техники, открытых эмпирического знания, стремился увязать веру в Бога и рациональные начала модного тогда мировосприятия. При этом, по мысли Петра, замысел Бога остается непостижим человеком и непознаваем человеческими науками. «Светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества Творца», – так вполне правдоподобно передает его мысли А. Нартов¹. Такой подход определял и общее отношение царя к жизни, смерти и судьбе. Ход человеческой жизни, по мысли Петра, предопределен божественным предначертанием, и нам неизвестен его конец, но при этом человек свободен в определении конкретной стратегии жизни, он вправе строить собственную жизнь и менять окружающий мир по законам, открытым наукой, отраженным в

книгах ученых-экспериментаторов. При этом он обязан действовать на основаниях рационализма, pragmatизма, ответственности и веры.

Несомненно, Петр любил жизнь во всех ее проявлениях, был по своей природе оптимистом, даже мечтателем, точнее – государственным мечтателем, ставившим перед собой высокую цель преобразовать Россию, довести своих подданных до «всебобщего счастья» посредством открытого веком рационализма рычага – упомянутого выше опытного знания в сочетании с каждодневным трудом и строгой дисциплиной. Все эти начала отливались в систему разнообразных «регулярных» учреждений и были детально прописаны в регламентах и уставах. Столь рациональное отношение к жизни сочеталось у Петра с вполне традиционным отношением к смерти, предполагало признание неизбежного, фатального, неотменяемого человеком акта ухода из мира по воле Всевышнего. К мысли о неотменяемости смерти и смирении перед волей Творца Петр возвращался не раз и наиболее пространно высказался об этом в мае 1711 года в письме императинскому царю Арчилу II, горевавшему о смерти в шведском плену сына, царевича Александра. Выражая сочувствие отцу, Петр писал:

«Но что же можем вам помочи в сем невозвратном уроне? Точно, яко мужу разумну, представляем во отраду три вещи, то есть великолодущие, рассуждение и терпение, ибо сия обида не от человека, которому б заплатить или отмстить можем, но от всемогущего Бога, которой сей непреходимый предел установил»².

Когда у него самого с Екатериной умирали дети (умерло минимум восемь человек), Петр успокаивал себя и жену словами:

«...что ж могу на то ответствовать, токмо со многострадальным Иовом: Господь даде, Господь и взять, яко же где ему такость и бысть буди имя Господне благословенно отныне и до века, прошу вас тако ж о сем разсуждение иметь»³.

Но была еще и прагматическая сторона восприятия Петром смерти. Она выражалась в его постоянном стремлении экспериментальным путем понять конкретные медицинские причины и обстоятельства смерти. Петр исходил из мысли, что смерть, конечно, определена волей Бога, но причины ее не мистические, а вполне физические, и их можно изучить. Это логично вытекало из концепции приоритета, непроходящей ценности опыта знания. Да и сам он не упускал возможности вскрыть тело покойного и детально рассмотреть его анатомию. Он делал вскрытие тел своей невестки кронпринцессы Шарлотты, а позже цариц Марфы Матвеевны и Прасковьи Федоровны, причем, как пишет В. Н. Татищев, при вскрытии тела царицы Марфы царю, помимо изучения причины смерти, было любопытно убедиться, что вдова царя Федора Алексеевича, умершего вскоре после свадьбы с Марфой в 1682 году, всю жизнь оставалась девственницей⁴.

По многим известным фактам из жизни Петра можно утверждать, что у него не было иллюзий относительно собственного конца. Он трезво и спокойно думал об этом, но с годами сознание неизбежности предела, определенного Господом, стало для Петра мощным стимулом для работы и творчества. Петр постоянно торопил окружающих, более всего ценя быстротекущее время («Фундамент всему что поспешайте, поспешайте: зело нужно», «...все готово и больше не могу писать только что время, время, время»⁵ – главный мотив множества его писем сподвижникам). Страстное желание успеть сделать как можно больше для России за кратковременное пребывание на Земле объясняет и ту поспешность, с которой Петр проводил реформы, и ту жестокость, с которой он обошелся с собственным сыном, ибо в столкновении с царевичем Алексеем он руководствовался мыслью о сохранении уже достигнутого тяжким трудом. «О тебе разсуждая, – писал он сыну в 1715 году, – ибо я есь человек

и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставилю?»⁶

Если отойти от рассмотрения общих представлений царя о человеческой судьбе и обратиться к повседневной жизни этого феноменального человека, занятого десятками важнейших государственных дел, то первое, что бросается в глаза, – это частые выпивки, порой безобразные, многодневные, а также постоянные болезни царя. Да, иностранцы, побывавшие в России в XVII веке, отмечали в своих записках повальное, особенно на праздники, пьянство в народной среде, но ничего подобного они никогда не писали, повествуя о жизни верхов, царского дворца. С Петром же в повседневность верхов вошло в обычай, стало нормой особое пристрастие к горячительному (особенно из числа крепких напитков – так называемого крепыша), причем пить без меры превратилось в род доблести для одних и обязательной повинности для других. Ни статус, ни состояние здоровья, ни возраст, ни пол не спасали от этой тяжкой повинности. Кажется, что ни один обычный обед или ужин, а то и завтрак Петра не обходился без водки (особенно царь любил анисовую, которую настаивали на семенах аниса, придававшего настойке белый, «молочный» цвет). Были и другие почитаемые царем крепкие напитки: неочищенная и издали напоминающая сивуху «грубая водка» (ею по указу Петра спаивали гулявших в Летнем саду гостей), «адски крепкая перцовка», токайское. Пиво же попросту заменяло воду, которая нередко была нечиста, и считалось, что лучше пить пиво, а не воду. Летопись пьяных заголовов царя кажется бесконечной. Кроме обычного застолья с выпивкой «для опетита», бесконечной вереницей шли праздники, «обмывания» (порой многодневные) спущенных на воду новых кораблей. Не пить при спуске корабля считалось грубым нарушением военно-морского ритуала. И тут уж спиртное лилось рекой, без меры, как и в других случаях. Юст Юль, датский дипломат, жестоко страдавший от петровских пьянок, писал: «...произошла здоровая выпивка; всякий раз, как посещаешь царя, выпивки эти представляют неизбежное бедствие» [6: 167]. По походным журналам Петра видно, как он часто празднует крещение детей своих подданных, а также посещает свадьбы, поминки, отмечает выпивкой дни рождения близких и даже малознакомых ему людей. Да и само существование знаменившего «Всепьянейшего собора» как многолетней постоянно действующей попойки (причем с активнейшим участием самодержца) говорит само

за себя. Откуда пошла эта мода, сделавшая Петра фактически пьяницей? Заметим, что по тем временам слово «пьяница» не имело негативной коннотации. Так, в ответе царю из Киева в мае 1704 года А. Д. Меников сообщал, что они с гостями шумно, с пальбой, отпраздновали Пасху: «И по той стрельбе, ведая, что и вы не пьяницы, доволно про ваше здравие подпили и ныне подливаем»⁷. Думаю, что главную роль в приучении царя к пьянству сыграло его голландское окружение, пребывание Петра в Голландии, его особенное пристрастие ко всему голландскому: языку, вещам, обычаям, традициям. Современные исследования культуры Голландии XVII века показывают, что в повседневности голландцев царил подлинный культ пьянства, о чем можно судить по многочисленным бытовым картинам малых голландцев. Пьяные загулы, шутовские застольные «битвы» с Бахусом или отечественным Ивашкой Хмельницким («А с Іваном бились весь день у Федара Матьвеевича [Апраксина], были зело шумны. Федор, ученик, изволил умереть маия в 7 день»⁸), столь характерные для Петра и его собутыльников, идут во многом от традиций Голландии, от безобразных загулов в тавернах и публичных домах Амстердама. Их устраивали моряки, вернувшиеся домой из смертельно опасных многомесячных морских походов в Батавию или на китовый промысел к берегам Гренландии, да и просто жители страны, в обыденной жизни жестко ограниченные традициями, суровой кальвинистской верой, тяжелым трудом. Иностранцы поражались чудовищным размерам кубков и фужеров голландцев, их склонности к неумеренному пьянству и дракам. Как писал английский посланник в Голландии Уильям Темпль, «в своей полной ограничений жизни этот народ имеет только одну радость и позволяет себе только одну роскошь – алкоголь» [4: 206–207]. Разве это сказано не о России? Разве не из Голландии к Петру пришел чудовищного размера Кубок Большого орла, которым Петр насилино потчевал гостей «адской крепкой первцовкой»? Эта связь загулов царя с безобразным голландским времяпрепровождением отражается даже в источниках. «Когда, – записал в свой дневник об одной из пьянок царя голштинский придворный Г. Ф. Берхгольц в 1723 году, – вино возымело свое действие, начались и голландские разгульные песни» [3: 114–115]. При этом нужно заметить, что Голландия не входила в зону разведения винограда и производства виноградных вин там не было. Голландцы «заряжалась» крепкими и особо крепкими напитками, прежде всего женевером – зерновым самогоном с добавлением

плодов можжевельника – напитком, валившим с ног самого крепкого моряка.

Теперь о связи пьянства и болезней. Во время застолья было принято поднимать обязательную чарку (и не одну) при тосте «За здравье!» или «Да здравствует!» в честь присутствующих и отсутствующих, приезжающих, отъезжающих и т. д. Более того, «непитие за здравие» или «питие не до дна», особенно если шла речь о царственных особых, воспринимались как «нежелание здравия» такой особе, интерпретировались как государственное преступление, и на таких отступников писали доносы в Тайную канцелярию [2: 76–79]. Разнудданное «шумство», скрупулезное «поражение от Ивашки», когда государственные деятели замертво валялись под столами, считались доблестью в окружении Петра. Естественно, что все эти излишества подрывали здоровье Петра, притом что жизнь царя вообще проходила в каждодневных заботах и колоссальном нервном напряжении. Известно, что в Полтавском сражении он не получил ни одной раны, но после сражения тяжело заболел от нервного напряжения. 13 августа 1709 года он писал И. А. Мусину-Пушкину: «Я от полтавской игрушки здесь с лишком две недели был болен, но ныне, слава Богу, оздравел и позафтрее поеду в Польшу»⁹. И такое случалось нередко. В сущности, это была жизнь на износ.

Не удивительно, что Петр, ведя столь неумеренный образ жизни, постоянно болел. Более того, отчетливо прослеживается тенденция: после очередной попойки, особенно продолжительной, состояние здоровья царя резко ухудшалось, он заболевал, начинал лечиться, принимать лекарства. Негативное воздействие алкоголя на здоровье Петр как будто осознавал (в одном из писем 1721 года он писал Екатерине: «...фрукты получил, а что сумневаёсся обо мне: слава Богу, здоров и не имел болезни, кроме обыкновенной с похмелья: истинно, верь тому»)¹⁰. Осознавалась им и его окружением и связь между пьянством и хроническими болезнями. Характерно письмо Г. И. Головкина в ответ на письмо Петра, в котором царь спрашивал о здоровье канцлера:

«В письме, государь, ваша милость напомянул о болезни моей подагры, бутто начало свое оная восприяла от излишества Венусовой утехи, о чём я подлинно доношу, что та болезнь случилась мне от многопьянства; у меня в ногах, у господина Мусина на лице, но тое болезнь, кроме отца нашего и пастыря (всепьянейшего патриарха Н. М. Зотова. – Е. А.), лечить некому»¹¹.

В окружении Петра была популярна мысль о естественности пьянства и о лечении его последствий тем же самым спиртным. Вся эта не-

затейливая философия несколько раз (не менее пяти) приводила царя почти к могиле: он впадал в тяжелейшее состояние, сановники и семья готовились к, казалось бы, неизбежному концу. Когда обострение болезни происходило в Петербурге, то его сподвижники ночевали в Зимнем дворце, ожидая смерти господина. Да и сам он отлично осознавал в такие моменты близость конца. В 1706 году из Польши, где он тяжело заболел, царь писал А. Д. Меншикову:

«Я tolko футоф за пять был до смерти: в самой Ильин день уже и людей не знал и не знаю (то есть был без сознания. – E. A.), как Бог паки велел жить: такая была жестокая фибра, от которой теперва еще вполы в себя не могу притить <...>»¹².

Любопытно, что Петр определял близость смерти по-морскому, в путах.

В письмах царь нередко описывает свое состояние во время болезни и после нее. Однако такие описания болезней мало о чем говорят, и определить, чем же он так часто болел, мы не сможем. Известно, что он особенно тяжело переносил верховую езду и езду в колесных экипажах. Сотрясения во время движения по тогдашним неровным дорогам были особенно мучительны для царя. Поэтому он предпочитал плавание на судах по рекам, порой весьма извилистым, что удлиняло поездки, но позволяло избежать болезненных ощущений. По суще Петр предпочитал экипажи на ремнях (так называемая качалка) или ехал в паланкине, запряженном лошадьми. Указанные особенности передвижения – явное свидетельство нездоровья Петра. В 1716 году, будучи в Гданьске, он получил консультативные заключения трех медицинских светил того времени. Были записаны жалобы Петра, которые сводились

«в основном к многократным поносам, периодической лихорадке, тяжести в эпигастрии, болях в области диафрагмы и подреберьях, пониженному аппетиту, тошноте, кровоточивости десен, плохому настроению» [7: 58].

Словом, у него был целый букет болезней. Современные врачи считают, что на протяжении ряда лет царь страдал от хронического гепатита, на который накладывались другие болезни – почек, мочеполовых органов. При этом нужно учитывать еще два обстоятельства. Первое – язык описаний болезней XVIII века остается для нас непрочитанным шифром, ведь в основе его лежит иная, чем ныне, концепция функционирования организма и происхождения болезней, что затрудняет перевод описаний и диагнозы врачей той эпохи на язык современной медицины. Врачи

в Данциге пришли к выводу, что царь страдал «ипохондией», «цингой», «изнурением тела», «меланхолией» и «застоем крови». Последнее в XVIII веке обычно диагностировали у всех больных. Вот, например, как описывается болезнь дочери Петра императрицы Елизаветы Петровны, умершей в 1761 году:

«Несомненно, что по мере удаления от молодости жидкости в организме становятся более густыми и медленными в своей циркуляции, особенно потому, что они имеют цинготный характер» (цит. по [1]).

Рекомендации докторов – покой, клизмы, кровопускание. «Отворение крови», или венесекция, было в те времена самым популярным методом лечения от всех болезней, и Петр многократно подвергался этой процедуре, причем не всегда удачно: как-то раз лекарь повредил нерв на руке. В основе этого способа лечения лежало учение прусского врача Эрнста Шталя – анимизм, согласно которому душа является причиной всех функций тела и их изменений. Душа в здоровом теле, утверждал знаменитый доктор, находится «в нормальном тонусе, то есть во взвешенном состоянии, которое при болезни нарушается». Вернуть душу в нормальный тонус можно было, по мнению врачей, с помощью кровопусканий, которые заменяли естественное кровотечение, ставшее из-за болезни якобы затрудненным, не позволяющим душе находиться во взвешенном состоянии. Как все это понять применительно к человеческому организму, неясно [1: 593]. Второе – мы знаем, что даже современная медицина, обладающая разветвленным аппаратом и методами исследования болезней, порой признает себя бессильной в понимании сути поразившего человека недуга. А тут идет речь о событиях трехсотлетней давности и о весьма примитивной медицине! Сохранилось письмо из Петербурга в русское посольство в Берлине, посланное в январе 1725 года, за несколько дней до смерти Петра. В нем содержалась просьба к лейб-медику прусского короля Эрнstu Шталю срочно приехать в Петербург к больному императору. Посол должен был Шталя

«уведомить, чтобы он взял с собой некоторые из своих собственных медикаментов, в особенности же те, которые могут быть полезны в следующих случаях, а именно: при слабости в почках и отсюда происходящего излияния семени или какой-либо другой материи; от задержки этой течи и возникающего от этого воспаления; от прекращения излияния мочи, что влечет за собой другие несчастные последствия».

Привлекает внимание следующая фраза:

«...это уведомление должно быть сделано господину лейб-медику не так, как если бы болезнь состояла в этом именно, а так, что могла быть другого рода, для того, чтобы лейб-медик руководствовался и своими собственными познаниями и благоразумием»¹³.

Иначе говоря, врачи, находившиеся при Петре, описывая симптомы, не были уверены в точности своего диагноза и заведомо предоставляли прусскому коллеге свободу действий. Шталь приехал в Петербург уже после смерти Петра и не сумел применить свои знания.

От своих болезней Петр постоянно принимал лекарства. Делал он это охотно, во всем доверяя докторам, чью профессию очень высоко ценил. Одни лекарства царь называет в письмах «тяжелыми»¹⁴, после которых он испытывает резкий упадок сил, не может от слабости даже выйти из комнаты, другие были «легкими», не приводящими к таким последствиям. Но ничего более определенного об этих снарядах мы сказать не можем, так как описание состава лекарств полностью отсутствует. Эти лекарства принимались курсами, рассчитанными на несколько дней и даже неделю, с запретом выходить на улицу и с ограничениями в выпивке.

Минеральная вода однозначно воспринималась царем как лекарство особого свойства. Почему она занимает такое большое место в жизни Петра? Следует обратить внимание на то, что это именно минеральная вода, не «святая», не заколдованная знахарями жидкость. Как и лекарства, которые в своих ретортах и колбах мешали ему аптекари, минеральная вода и лечение ею были для Петра символом превосходства науки, знаком победы экспериментального знания над суеверием. Известно, что Петр был человеком нового века, с удовольствием разоблачал «плачущие» иконы, лжепророков, не верил в чудеса, не ездил по святым для других источникам, не окунался в них, не пил воду из них, а ехал на водный курорт или близлежащий минеральный источник и следовал рекомендациям врачей, проходя так называемый курс, то есть курс лечения водой. Он твердо верил, что состав употребляемой им минеральной воды содержит те химические вещества, которые положительно влияют на его здоровье. Впервые он стал пить минеральную воду в 1696 году из источника на одном из тульских заводов, затем лечился на водных курортах в Западной Европе, пил воду под Петербургом, в Кипени, Полюстрово, в Тарутине под Москвой, да и в других местах, пока, наконец, не вышел на олонецкие марциальные воды и очень ими увлекся. И было за что: как правило, после прохождения курса лечения ему становилось зна-

чительно лучше, появлялся аппетит, он вновь активно включался в работу, прерванную болезнью. Однако через какое-то время, вследствие напряженной, нервной жизни и частых заголов, вновь наступало ухудшение, и он снова устремлялся к спасительному для него минеральному источнику в Карелии. Впрочем, касаясь восторженных петровских оценок эффекта марциальных источников, не следует абсолютизировать их достоинства. Если проанализировать состав воды многих посещаемых Петром минеральных источников, то можно легко заметить, что по химическому составу воды они отличались друг от друга, и порой очень сильно. Но, как видно из переписки царя, после курсов, пройденных им в Пирмонте, Спа, Карлсбаде, на Марциальных и иных водах, он чувствовал улучшение. Представляется, что дело вообще не в особой целебности той или иной минеральной воды, которую употреблял царь, а в его субъективном отношении к этой форме лечения. Во-первых, известно, что наука иногда бывает не только источником знаний, но и источником суеверий. Преувеличенная вера в могущество научного знания, в эффективность научных методов лечения и предложенных методик служила Петру, как и многим людям до сих пор, источником предубеждений, не менее сильных, чем вера в магию и святость. Петр был истинно верующим во всесилие науки. Недаром он, описывая достоинства марциальных вод, употребляя слова «чудесно», «исцеление», постоянно подчеркивал «силу», то есть универсальную эффективность действия этой воды на организм, что само по себе кажется весьма сомнительным. Известно, что сомнения насчет исключительных достоинств марциальных вод высказывались в прошлом, да и теперь. Однако царь был убежден, что вода эта излечивает людей от всех болезней, и поэтому настоятельно рекомендовал всем своим сподвижникам и родственникам, заболевшим разными хворями, непременно ехать на Марциальные воды. В 1719 году он с восторгом писал:

«Воды здешния не сравнительно лучше Пирмонских (Пирмонт. – Е. А.) и Шпаданских (Спа. – Е. А.) силою леченья и истинно не поверил бы, когда б сам не видал и пользуют чудесно всех нас»¹⁵.

23 февраля 1719 года он писал А. Д. Меншикову, узнав о его болезни:

«Я с сожалением видел цыбулку у Макарова о вашей болезни, что ко крепкому кашлю припала лихорадка, дай вам Боже от сего свободу <...> ежели я зарань ведал о сих водах, конечно, б советовал вам сюда ехать, и подлинно б ползу вы получили, ибо чудная дело явилось в сей воде – музыкант невески мой (паризи Прасковы Федоровны. – Е. А.) болен был грудью и кашель с кровью

был не по один год, и когда он сюды поехал, докторы говорили ему, чтоб не дерзал пить воды, понеже противно сей болезни, как то везде запрещают. Оной здесь, не сказать доктурам, тайно оною пил, отчево в другой день крофь итить перестала и груди от часу стали лехче, тогда он дохтурам о том объявили, чмому немерно дивовались, позволили ему полной кур держать, которой выдержав, оной весма исцелел и толст стал. Сие неслыханное дело всех нас удивило и разсуждают дохторы, что оттого не повредило, понеже в сей воде соли горазда мало и та не валатиль, как у прочих, но зело много железа, что никогда повредить не может»¹⁶.

Петр был убежден, что выработанная медицинской системой должна главенствовать в процессе исцеления водой с тем, чтобы не нанести пациенту вреда, да и не дискредитировать неумелым обращением с водой саму идею водолечения. Чтобы избежать этого, в марте 1719 году Петр сообщал В. И. Геннину, что им

«повелено дохтарам написать правила, как оныя воды употреблять, дабы неведением вместо пользы, паче траты здоровью своему, кто не принес и тем бы сей, от Бога дарованной дар, хулы от неразсуждения простых людей не воспринял»¹⁷.

Во-вторых, касательно эффекта лечения водой отметим, что недаром в рекламных брошюрах всех курортов обязательно сообщается об «общем оздоровлении» как одном из главных результатов лечения. Нужно иметь в виду, что Петр, оказавшись в карельской глупши, в тесном кругу приятных ему людей, хорошо проводил время, часто гулял, точил фигуры на токарном

станке, играл в трик-трак или бирюльки с женой и с приставленным к нему доктором, работал над чертежом нового корабля или моделью сооружения («А во время пития вод и отдыхания изволил трудиться в токарне за моделью Кронштадцкою и точил паникадило»¹⁸), словом, отдыхал. К тому же врачи при прохождении курса ограничивали употребление пациентом горячительных напитков – на одних курортах более строго, на других – отчасти (так было на Марциальных водах), но главное – эти недели жизни царя проходили в относительном покое, не сопровождались привычными в обычной обстановке нервными срывами, частыми попойками, тяжелыми переездами. На улучшение его самочувствия (если его действительно мучил хронический гепатит, как предполагают современные специалисты) могла влиять и принятая на водных курортах метода лечения минеральной водой. Она предполагала прогон через организм пациента больших масс минеральной воды. Это промывало организм, избавляя его от вредных солей и шлаков, способствовало общему улучшению состояния организма, возбуждало аппетит. В 1724 году, попив воды в Тарутино, он писал, что «воды <...> действуют изрядно, а особливо урину гонят не меньше аланецких, толко опетит не такой, аднакож есть»¹⁹. И в этом смысле уже не так важно, какую воду пил Петр, любая минеральная вода становилась для него полезной, продлевала ему жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом / Подгот. Л. Н. Майков. СПб., 1891. С. 90.

² Письма и бумаги Петра Великого (далее – ПБП). М., 1962. Т. 11. Вып. 1. № 4460. С. 240–241.

³ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИ). Ф. 270. Д. 84. Л. 67.

⁴ Татищев В. Н. История российская. М., 1900. Т. 7. С. 178.

⁵ ПБП. СПб., 1900. Т. 4. № 1086. С. 77; ПБП. СПб., 1889. Т. 2. № 506. С. 140.

⁶ Устрилов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 6. С. 346–348.

⁷ ПБП. Т. 4. № 1206. С. 226, 837–838.

⁸ ПБП. Т. 2. С. 537.

⁹ ПБП. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3381. С. 344.

¹⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. Ч. 1. С. 131–132.

¹¹ ПБП. Т. 4. С. 859–560.

¹² ПБП. СПб., 1912. Т. 6. № 1886. С. 35–36.

¹³ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.

¹⁴ ПБП. Пг., 1918. Т. 7. Вып. 1. № 2392. С. 175–176.

¹⁵ Берх В. Н. Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя. СПб., 1830. Ч. 3. С. 174–175.

¹⁶ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 127.

¹⁷ Там же. Л. 150.

¹⁸ Походный журнал Петра Великого. 1724 год. СПб., 1855. С. 4.

¹⁹ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107. Л. 149.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Афродита у власти: царствование Елизаветы Петровны. М.: АСТ, 2010. 606 с.

2. А нисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 1999. 720 с.
3. Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. Т. 2. 520 с.
4. Зумтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. М.: Молодая гвардия, 2001. 400 с.
5. Татищев В. Н. История российская / Вступ. ст. А. И. Андреева и др. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 7. 483 с.
6. Юль Ю. Записки датского посланника в России / Пер. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–396.
7. Яковлев Г. М., Аникин И. Л., Трохачев С. Ю. Материалы к истории болезни Петра Великого // Военно-медицинский журнал. 1990. № 12. С. 57–60.

Поступила в редакцию 02.03.2020

Evgeny V. Anisimov, Doctor of History, Higher School of Economics National Research University (Saint Petersburg Campus)
(St. Petersburg, Russian Federation)
vbrevis@yandex.ru

PETER THE GREAT ON GOD, DISEASE AND MINERAL WATER

The article analyzes Peter the Great's ideas about God, human destiny, disease and death in the context of the doctrine of rationalism so popular during Peter the Great's reign. The aim of the article is to show how his attitudes towards life and death issues, the fate of humans, faith in God, human mind and the power of experiential knowledge were shaped. The author analyzes the features of the Emperor's lifestyle, marked by excessive consumption of alcohol. Peter's passion for treating his diseases with mineral waters is directly related to his deep belief in the omnipotence of science and experiential knowledge. The novelty of the research lies in the effort to reconstruct Peter the Great's mindset in order to understand his mentality. The use of a new approach to comprehending the motives behind the Emperor's particular actions ensures the research relevance. The author makes a conclusion that Peter the Great's worldviews were influenced by the ideas of rationalism, widely accepted by European scientists at the time, as well as by the mentality of European (in particular, Dutch) common people, who could hardly give him the best examples to follow.

Keywords: Peter the Great, healing mineral waters, Marcial Waters, rationalism, perceptions of God, life, death and diseases, experiential knowledge, inebriety

Cite this article as: Anisimov E. V. Peter the Great on God, disease and mineral water. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485

REFERENCES

1. А нисимов Е. В. Aphrodite in power: the reign of Elizaveta Petrovna. Moscow, 2010. 606 p. (In Russ.)
2. А нисимов Е. В. The rack and the whip. Political intelligence and Russian society in XVIII century. Moscow, 1999. 720 p. (In Russ.)
3. Bergholtz F. V. Kammerjunker's diary. *The youth of the Empire*. Moscow, 2000. Vol. 2. 520 p. (In Russ.)
4. Zumthor P. Daily life in Rembrandt's Holland. Moscow, 2001. 400 p. (In Russ.)
5. Tatishchev V. N. Russian History. (A. I. Andreev, Foreword). Vol. 7. Moscow, Leningrad, 1968. 483 p. (In Russ.)
6. Juel J. Notes of the Danish Ambassador to Russia. (Yu. N. Shcherbachov, Transl.). *Laurels of Poltava*. Moscow, 2001. P. 9–396. (In Russ.)
7. Yakovlev G. M., Anikin I. L., Trokhachev S. Yu. Materials on the history of Peter the Great's illness. *Military Medical Journal*. 1990. No 12. P. 57–60. (In Russ.)

Received: 2 March, 2020

ИСКРА ШВАРЦ

PhD, профессор
 Институт истории Венского университета
 (Вена, Австрия)
iskra.schwarz@univie.ac.at

«ДЕСЯТНИК ИЗВОЛИЛ ЕЗДИТЬ В ТЕПЛИЦЫ» (О пребывании Петра I на курорте Баден под Веной летом 1698 года)

Впервые на русском языке публикуется статья, посвященная пребыванию Петра I на курорте Баден в окрестностях Вены летом 1698 года. Статья основана на документах из австрийских архивов, немецкоязычной периодике конца XVII века и работах австрийских и российских историков. Данная краткая история курорта Баден. Пребывание Петра I на курорте произошло в ходе пребывания Великого посольства в Вене и переговоров с австрийским императором Леопольдом I. Детально описана повседневная жизнь Великого посольства в Бадене, высказываются гипотезы о месте проживания Петра и его свиты, дана характеристика памятных мест Бадена, которые по традиции считаются связанными с Петром I. Сделан вывод о том, что знакомство Петра с целебными источниками Бадена сформировало у него интерес к бальнеологии, способствовало посещению других европейских курортов и созданию первого российского курорта «Марциальные воды».

Ключевые слова: Великое посольство, Петр I, Вена, Баден, Леопольд I, бальнеология, целебные источники, быт и повседневная жизнь, памятные места

Для цитирования: Шварц И. «Десятник изволил ездить в Теплицы» (О пребывании Петра I на курорте Баден под Веной летом 1698 года) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 86–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.486

Великое посольство приехало в Вену в конце июня 1698 года. Торжественный въезд в столицу империи состоялся 26 июня¹. Неделю спустя (2 июля) венская газета «Новый прибывший курьер» (*«Neu ankommen Currier»*) опубликовала официальное сообщение о составе посольства, в котором первоначально значилось 169 человек, а в понедельник, 30 июня, к ним присоединились еще 46 человек². Таким образом, общая численность посольства в Вене достигла 215 человек. Великих и полномочных послов поселили вместе с царем в новом дворце графа Кенигсегга в Гумпендорфе, недалеко от летней резиденции императора Леопольда I «Фаворита», а остальных членов посольства и волонтеров – в соседних домах, в той же загородной местности³.

Политической целью посольства было заручиться поддержкой Австрийской империи в борьбе против Османской империи в результате прямых встреч и разговоров с императором Леопольдом I, а также переговоров с императорскими советниками. Наряду с этим Петром I двигало и интеллектуальное любопытство. По натуре дерзкий, деятельный, целеустремленный, он хотел увидеть все, что могло быть полезным для России, сравнить с тем, что уже видел в других странах, узнать нечто новое, интересное. И здесь мы сталкиваемся с легендарной любознательностью Петра I, которая всегда проявлялась во время его путешествий по Европе.

Уже 29 июня состоялась первая встреча царя с императором Леопольдом I, а 3 июля император

пригласил Петра посмотреть вместе с ним оперу «Арсас, основатель империи Парфии» (*L'Arsace, fondatore dell'imperio de' Parti*) отца и сына Драги (Antonio Draghi и Carlo Domenico Draghi) [7], [18: 367], [20: 557, 847]. Опера была исполнена в честь тезоименитства императора, однако это был не только жест вежливости со стороны австрийского правителя, но и хорошо продуманный дипломатический акт, так как оба государя – и Леопольд I, и Петр I – родились 9 июня (30 мая по юлианскому календарю), таким образом, представление в летней резиденции императора «Фаворита» было и в честь Леопольда I, и в честь дня рождения Петра I.

Историки неоднократно отмечали насыщенность программы и неутомимость царя. Еще до приезда в Вену имперские советники получили информацию о том, что могло представлять интерес для молодого государя. В список входили фортификационные сооружения, арсенал, цейхгауз, верфь, библиотека, кунсткамера, монетные дворы, новые стройки, парки⁴. В программе пребывания были и поездки в столицу венгерского королевства – Пожонь (нем. Пресбург, слав. Братислава) и в австрийский город Баден, известный в русских источниках как Теплицы⁵.

Возникает вопрос: почему именно Баден? Город расположен в 26 км к югу от Вены на берегу реки Швехат, в красивой долине Венского леса (*Wienerwald*). Этот термальный регион славился еще в античности своими целебными минеральными источниками. Сегодня их только

в городе 14. Температура воды достигает 36 градусов, ее ключевым элементом является сульфат кальция. Водолечение успешно применялось при острых и хронических заболеваниях двигательного аппарата, для восстановления организма, а также при лечении «французской болезни» сифилиса и в борьбе с бесплодием. Имеются сведения о том, что венгерская королева Беатриса Арагонская провела осенью 1488 года две недели в Бадене. Супруга императора Фридриха III (1415–1493) Элеонора Португальская также любила отдыхать здесь [17: 31–32].

Во времена Римской империи поселок Баден назывался *vicus Aquae*, как это засвидетельствовано в перечне дорог и поселений Римской империи «*Itinerarium Antonini Augusti*» (ок. 300 года), но уже в средние века немецкое название *Padun (Baden)* заменило латинское *Aqua*. В первый раз название поселка *Padun* встречается в грамоте баварского короля Карломана в 869 году [15: 30]. Слово *Padun* происходит от глагола *bäden*, что в переводе означает «купаться». В 1480 году император Фридрих III даровал Бадену привилегии, статус города и герб [15: 70–72]. С тех пор до наших дней на официальном гербе города сохранилось изображение мужчины и женщины в купальной кадушке (рис. 1).

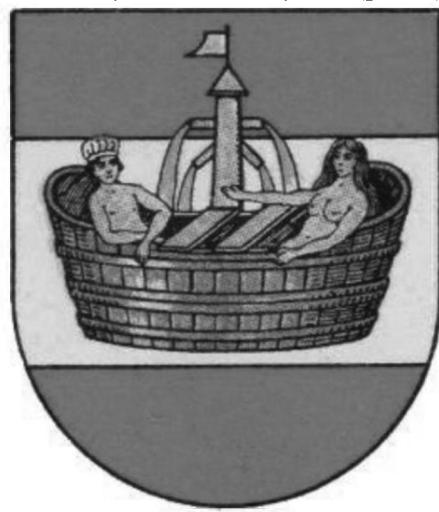

Рис. 1. Герб города Баден. В свободном доступе: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:AUT_Baden_COA.jpg

Fig. 1. Baden's coat of arms. Freely available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:AUT_Baden_COA.jpg

Бани и термальные источники Бадена на протяжении многих веков были в жизни и культуре повседневности города особенно популярными и играли важную роль. Как отмечалось в одной из знаменитых работ Ф. Броделя,

«бани, давнее наследие Рима, были правилом во всей средневековой Европе, как частные, так и весьма многочисленные общественные бани, с их ваннами, парильнями и лежаками для отдыха либо же с большими бассейнами, с их скученностью обнаженных тел, мужских

и женских вперемешку. Люди встречались здесь столь же естественно, как в церкви» [2: 351].

Бани и бассейны в Бадене были не только функциональными, но и социально значимыми объектами. Люди ходили сюда расслабиться, отдохнуть и пообщаться, они часами проводили время в бассейнах, и с этим были связаны не только процедуры по уходу за телом, но и возможность развлекаться. Плавающие столики с вином и угождениями предлагали отивающим выпить и поесть, но одновременно служили и для игры в азартные игры. Неслучайно город впоследствии, особенно в XIX и XX веках, будет известен своим казино.

Бани и бассейны были доступны представителям разных социальных слоев, а нравы и обычаи в термах – свободными. Мужчины и женщины раздевались в отдельных кабинах, а затем спускались в бассейн. Все купались вместе, независимо от социального статуса. Резкая критика проповедников, ярко обличавших бани как распадник бесстыдства и угрозу морали, не встретила понимания и поддержки у населения [2: 352]. Во времена контрреформации пришел запрет купаться нагим, но многократные опыты изменить правила пользования бань и бассейнов и разделить мужчин и женщин не увенчались успехом (рис. 2). С этим пришлось примириться и императорским врачам в XVII веке.

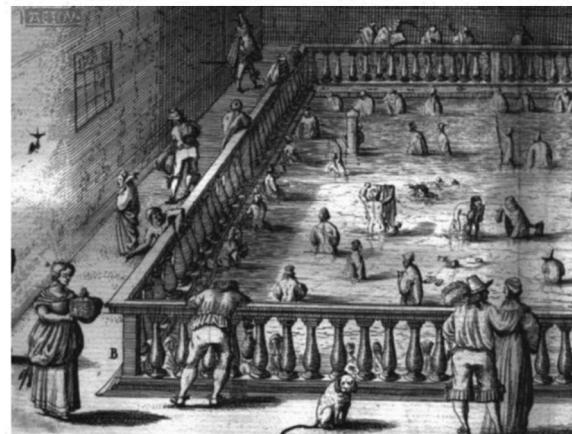

Рис. 2. «Ванны в Бадене под Веной». Гравюра Матиаса Мериана. 1649 год. В свободном доступе: https://austria-forum.org/af/Wissenssammlungen/Historische_Bilder/Das_Badner_Bad_bei_Wien

Fig. 2. “Baths in Baden near Vienna”. Woodcut print by Matthias Merian. 1649. Freely available at: https://austria-forum.org/af/Wissenssammlungen/Historische_Bilder/Das_Badner_Bad_bei_Wien

В бане можно было не только купаться и общаться, но и получать медицинские услуги. Здесь работали банщики-цирюльники⁶, которые стригли, брили, лечили и выполняли хирургические операции. Они делали массаж, вырывали больные зубы, производили кровопускание путем надреза подкожных вен, ставили стеклянные

банки (Schröpfen), что вплоть до XIX века считалось особенно полезным. Медицинские банки благодаря создаваемому в них вакууму усиливали кровообращение и способствовали более быстрому излечению воспалений, применялись они и при лечении пневмонии, невралгии, радикулита и других болезней [12: 76], [13] (рис. 3).

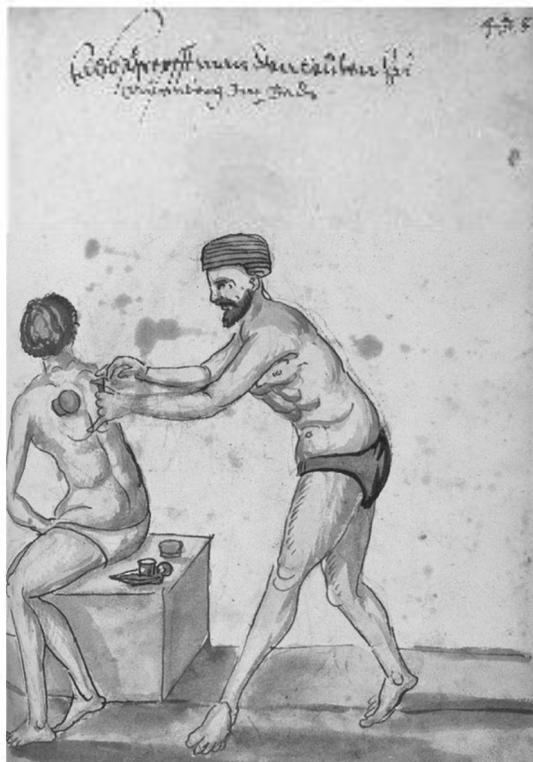

Рис. 3. «Банщик ставит банки». Акварель Сигмунда Хельдта. Около 1560–1580 годов. В свободном доступе: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sigmundt_Heldt_Ein_Bader_setzt_Schroepfkoepfe_an.jpg

Fig. 3. “A Bath Attendant Performing Cupping Treatment”. Watercolor by Sigmundt Heldt. Approx. 1560–1580. Freely available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sigmundt_Heldt_Ein_Bader_setzt_Schroepfkoepfe_an.jpg

В 1664 году император Леопольд I издал новый Указ для промыслов, который регулировал и права банщиков-хирургов. Их обязывали учиться в течение трех лет на медицинском факультете и только после сдачи практического экзамена приступать к работе. Банщики должны были быть женатыми и в течение года после назначения имели право получить гражданские права. Для провинциальных городов типа Бадена были особые клаузы, которые разрешали вдовам работать в этой сфере [16: 9].

В допетровской России у цирюльников также был особый статус, официально они включались в штат Аптекарского приказа и направлялись в воинские соединения наряду с докторами и аптекарями, а в петровские времена цирюльники стали низшим медицинским чином в армии. Так, в «Уставе воинском» (1716) приказывалось: «Надлежит быть при всякой дивизии одному

доктору и одному штап лекарю. А во всяком полку полевому лекарю. Також в каждой роте по цылюрику»⁷. Не случайно именно хирург Антоний Равинель (Ревенель), который до этого служил в военном госпитале в Петербурге, был отправлен в Марциальные воды исследовать состояние лечившихся олонецкими водами. Его наблюдения и результаты были опубликованы в феврале 1718 года [4].

Входила ли поездка в Баден в первоначальные планы царя или это была спонтанная идея, трудно сказать, но имя города под названием Теплицы было известно в Москве до пребывания там Петра. Оно упоминалось в дипломатической переписке с Австрией. Так, в начале мая 1696 года русский посланник Козьма Нефимонов, участвующий в переговорах о заключении нового трактата между участниками Священной лиги, сообщал из Вены, что нужно представить как можно скорее русские предложения о соединении «против Турка и Татар», так как его Цесарское величество собирается в мае «по обычаю, со всем двором из Вены выехать в городные потешные дворы, и будет жить переезжая в разных местах, мили по три и дале от Вены, а по принятія лекарства поедет до Теплиц», а вслед за ним туда поедут и думные люди⁸. Курорт Баден был излюбленным местом отдыха и его регулярно посещали как представители императорской семьи, так и знатные вельможи Венского двора, и об этом знали в Москве.

Могла быть и другая причина для этой поездки. Здесь, в церкви Святой Богородицы (Frauenkirche Maria di Glorreiche), перешел из лютеранства в католичество 1 июня 1697 года саксонский курфюрст Фридрих Август I, будущий польский король Август II [9: 48–54], [10: 87–88]. Это был хорошо продуманный политический шаг с целью усилить позиции курфюрста в предстоящих выборах на польский престол. Можно предположить, что патер Вольф, который принимал активное участие в подготовке перехода курфюрста в католичество, строил подобные планы и относительно русского царя. Как об этом писал М. М. Богословский,

«он вообще носился с мыслью о соединении церквей православной и католической... В пребывании царя в Вене он видел особенно благоприятный момент для осуществления занимавшей его идеи и поэтому приложил все старания к сближению с царем и к воздействию на него в желательном для себя смысле»⁹.

Но и в том, и в другом случае город Баден как цель поездки был выбран неслучайно для царя.

Итак, 3 июля (по григорианскому календарю 13 июля) в «Юрнале», походном журнале Великого посольства, мы находим короткую запись: «Десятник изволил ездить в Теплицы»¹⁰, а в «Расходной книге» Придворной казенной палаты – подробные расчеты об этой поездке:

«Июля в 3 д^ень на дорожные потребы для пути в Теплицы, дано валентером 100 золотых, взял те золотые Александр Меншиков... Июля в 4 д^ень ездили первой и второй посыпь в Теплицы, взяли на издержку 20 золотых... Июля в 5 д^ень дано в отпуск с великими послы до Теплиц на расход 15 золотых. Июля в 9 д^ень дано почтарем, которые великих послов везли до Теплиц и от Теплиц до Вены, 8 золотых... Июля в 10 д^ень ко второму великому послу взято 24 золотых, которые он издержал, будучи в Теплицах»¹¹.

Таким образом, общая сумма расходов на почтовые и пребывание послов в Бадене увеличилась на 167 золотых. Это была довольно большая сумма для того времени.

В Церемониальном протоколе венского двора от 14 июля также есть сообщение о том, что царь находится в Бадене, к нему поехали первый и второй послы и до пятницы, 18 июля, их не стоит ожидать:

Wie der Hoff Secretarius dies(en) auffsatz des Caeremonialis dem dritten Moskowitischen Legato Communiciert, Hat selbiger Vermelt: weil(en) Seine Beede herren mit gesante auff Baaden Verraist (woselbst sich auch der Czaar Befindet) und Vorm Freitag nicht zurückkommen würden, daß ged(achter) Hoff Secretarius ahm Samstag alß den 19.ten dieses wieder kommen mögte» (Как только гофсекретарь сообщил третьему московскому послу об этой части церемониала, то этот заявил: так как его двое Господ (великие послы. – И. Ш.) уехали в Баден (где сам царь находится) и до пятницы они не вернутся, то вопросный гофсекретарь может в субботу, 19-го, снова прийти. – Здесь и далее перевод Искры Шварц)¹².

О пребывании Петра в Бадене сообщал и посол Венеции Карло Рудзини из Вены. В письме к венецианскому дожу от 18 июля, ссылаясь на П. Б. Возницына, он уведомлял:

«...lo stesso terzo ambasciatore che dicendo venir in quell' hora dai bagni di Baden, dove si fermava tuttavia il Czar con gli altri ambasciatori» (...от самый третий посол сказал, что приехал из баденских бань, где царь остановился вместе с другими послами)¹³.

Из этого письма понятно, что кроме Петра и А. Д. Меншикова в Баден поехали и великие послы, но П. Б. Возницын в тот же день вернулся обратно, видимо, по приказу царя, чтобы вести переговоры с венецианским послом о предстоящем путешествии Петра в Венецию¹⁴.

Известия о пребывании царя в Бадене появились и в немецких газетах «Северный Меркурий» (Nordischer Mercurius) из Гамбурга, «Реляции / Известия Меркурия» (Mercuri Relation) из Мюнхена и «Почтовая газета» (Post- und Ordinar-Zeitung) из Лейпцига. Так, из газеты «Северный Меркурий» читатели могли узнать, что официальная аудиенция задерживается, так как еще не поступили ожидаемые подарки, поэтому русский царь уехал в Баден на несколько дней отдохнуть на местном курорте «wird einige Tage zu Baaden der Bad-Cur Bediennen», а когда вернется, его ожидает «curiöse Wirtschafft». Под этим называ-

нием понималось излюбленное увеселение – костюмированный бал [8: 82f], [14: 7].

В газетах «Реляции / Известия Меркурия» и «Почтовая газета» повторялась та же самая информация, которая поступила из Вены 16 июля [14: 89]. По всей вероятности, источник известий был один и тот же. Возможно, за этими новостями и их распространением стоял Венский двор.

Много лет спустя (в 1707 году) 11 июля в издании «Европейский театр» («Theatrum Europaeum») было ошибочно опубликовано описание этого знаменитого костюмированного бала «Wirthschaft», на котором Петр присутствовал одетым в костюм фрисландского крестьянина¹⁵, а далее шло сообщение о том, что русский царь уехал на следующий день, то есть 12 июля, в Баден купаться в банях и вернулся оттуда 17 июля:

«Folgendes Tages ist Er nach Baden gegangen / sich des Bades zu bedienen / von dannen Er 17.7 Julii wieder zurücke gekommen» (На следующий день он отправился в Баден / чтобы посетить бани / оттуда он вернулся 17 июля)¹⁶.

Сравнивая все доступные нам источники, можно заключить, что царь поехал в Баден вместе с А. Д. Меншиковым и иезуитом Вольфом фон Людингсгаузеном 12 или 13 июля, а 14 июля вслед за ним туда выехали великие послы. Это было короткое путешествие по Нижней Австрии, так как уже 16 июля Петр вернулся в Вену и в тот же день отправился с патером Вольфом и Францем Лефортом в Пресбург¹⁷.

Где жил Петр в Бадене? На этот вопрос не так легко дать ответ. Среди жителей города существует легенда, что Петр I поселился в гражданском доме на улице Фрауэнгассе, 8 (Frauengasse, 8) напротив монастыря Св. Августина [11: 11], [19: 103, 420f]. В этом доме сохранился до наших дней потолок с изображением орлов, и обитатели дома утверждают, что именно здесь жил русский царь. При дальнейших разысканиях выяснилось, что гипсовые орлы были не двуглавыми, а одноглавыми и датируются второй половиной XIX века. Отношение к Петру они не имели, но свидетельствуют о том, что память о пребывании русского царя во время Великого посольства в Бадене жива [6: 340].

По всей вероятности, русский царь жил вместе с Ф. Лефортом, патером Вольфом, А. Д. Меншиковым и вторым послом в уже упомянутом монастыре августинцев, где обычно останавливались император Леопольд I и его семья во время пребывания в городе. Здание находилось в историческом центре города, на ул. Фрауэнгассе, 3-5 (Frauengasse, 3-5). Монастырь имени Св. Августина (Augustinerkloster) и принадлежащая ему церковь Святой Богородицы (Frauenkirche Maria die Glorreiche) были основаны в XIII веке. Первое упоминание в документах встречается в 1285 году. Во время второй осады Вены в 1683

году османами Баден сильно пострадал, из-за недостатка денежных средств восстановление монастыря длилось много лет. Но уже с середины 1690-х годов императорская семья вновь стала приезжать сюда. Хроника города Бадена упоминает пребывание Леопольда I в монастыре 3 ноября 1696 года и охоту императора на медведя в те же дни [19: 100f]. Леопольд I славился тем, что был страстным охотником. Год спустя в Баден приехала «отдыхать на воды» и долгое время жила в монастыре вдова польского короля Яна Собеского Мария Казимира де Ла Гранж д'Аркье (1641-1716) [19: 100f]. Монастырский комплекс после восстановления и реконструкции был связан с находящимся по соседству бассейном Фрауэнбад (Frauenbad). К сожалению, у нас нет сведений о том, какие именно бассейны мог посетить Петр в Бадене, но, возможно, это был один из них. В 1821 году фасад бассейна был переустроен в стиле классицизма. Сейчас там находится выставочный зал современного искусства. В процессе секуляризации в 1811–1812 годах монастырь был упразднен, и только в 1867 году после реконструкции в помещение переехала новая, основанная в 1863 году реальная гимназия города.

Город Баден славился не только минеральными источниками, но и своими виноградниками. Видимо, не только во время посещения оперы в Вене, но и здесь, в Бадене, Петр мог наслаждаться австрийскими винами¹⁸. Сохранилось косвенное доказательство этому. Так, 6/16 июля он отправил из Бадена в Москву письмо полковнику Семеновского полка И. И. Чамберсу с глубоким поклоном офицерам и солдатам. До нас дошел ответ полковника, который разделил с товарищами свою великую радость от полученной вести от царя, и они «не по малому купку выпили» за здоровье и радости Петра¹⁹.

Что еще могло вызвать интерес царя во время пребывания в Бадене? Возможно, он поднялся на новую колокольню кафедрального собора

Св. Стефана, откуда открывался вид на город и окрестности. Он мог посетить и городской госпиталь (Bürgerspital) с принадлежащей ему мельницей и часовней Св. Анны, основанный в 1542 году. Это был не госпиталь в современном смысле, а дом для престарелых и инвалидов²⁰. Но все это только предположения, так как мы не располагаем документальными свидетельствами.

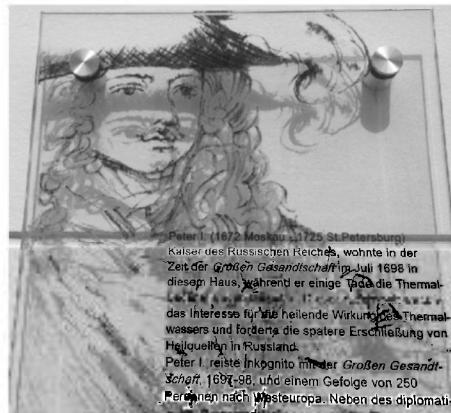

Рис. 4. Памятный знак о пребывании Петра I в Бадене. Фрагмент. Автор Минна Антова. Фото Искры Шварц

Fig. 4. Memorial sign dedicated to Peter the First's stay in Baden by Minna Antova. Fragment. Photo by Iskra Schwarcz

Какое значение имела эта поездка для Петра? В Бадене он мог впервые за время своих путешествий познакомиться с целебными свойствами минеральных источников и курортным делом. Учитывая, что Петр был энергичным, молодым, ведь ему было всего 26 лет, он вряд ли спокойно проводил время в бассейнах. Это не соответствовало его бурному темпераменту. Но с годами отношение к «отдыху на водах» кардинально изменилось, и пребывания на западноевропейских курортах «Карловы Вары» (Карлсбад), «Спа», «Пирмонт», «Аахен» и на первом российском курорте «Марианские воды» впоследствии станут легендарными. А все начиналось с отдыха в австрийском Бадене.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дата выезда дана по григорианскому календарю.

² Neu-an kommender Currier Auß Wienn: (2.7.1698), Num. M. M. DCC LXXXVII. Den 2. Julij / Anno [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brema.suub.uni-bremen.de/zeitungen17/periodical/pageview/1059678> (дата обращения 27.03.2020). 46 человек – это та часть посольства, которая приехала из Клеве вместе с А. Д. Меншиковым. См. об этом: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. [М.]: ОГИЗ, 1941. С. 478.

³ Ср. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 463.

⁴ HHStA-Wien. Ältere Zeremonialakten, Karton 18. Fol. 72.

⁵ О пребывании в Пожони / Пресбурге см.: [5]; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее ПДС). Т. 8. Памятники дипломатических сношений с Римской империей: с 1695 по 1699 год. СПб., 1867. Стлб. 108–109.

⁶ Слово цирюльник от лат. Chirurgus.

⁷ Законодательство Петра I / Отв. ред. А. А. Преображенский и Т. Е. Новицкая. М.: Юрид. лит., 1997. 880 с.

⁸ Памятники дипломатических сношений древней России... Стлб. 108–109.

Венский союзный договор был заключен 8 февраля 1697 года. Узнав о заключении договора, Петр I решил изменить маршрут Великого посольства и отправился не в Вену, как это планировалось раньше, а в Голландию. См.: HHStA-Wien, Russland I, Kerton 17, Konv. 1697, Fol. 50r.–55v. Ср.: [3].

- ⁹ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 494.
- ¹⁰ Устялов Н. В. История царствования Петра Великого. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швециею. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. Приложение IX. С. 612.
- ¹¹ [1: 3–62]. Цит. по: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 501, сноска 4.
- ¹² HHStA-Wien, HofzeremonieIdepartement, Zeremonialprotocoll. Bd. 5, 1692–1699. Fol. 432v. Ср. [21: 465].
- ¹³ Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. I (1693–1700). Юрьев, 1903. С. 429.
- ¹⁴ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 502.
- ¹⁵ Theatrum Europaeum. Bd. 15. [Frankfurt, Main], 1707. S. 470f. Бал состоялся 21 июля 1698 года. См. об этом: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 500.
- ¹⁶ Theatrum Europaeum... S. 475.
- ¹⁷ Подробно о поездке в Пресбург см.: [6: 83–93]. Нельзя согласиться с предложенной Хансом Хорником датировкой пребывания Петра в Бадене (12–17 июля), так как автор не учитывает поездку Петра в Пресбург. См.: [15: 5].
- ¹⁸ О том, какие вина Петр дегустировал во время постановки оперы, см.: [21: 429].
- ¹⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб.: Гос. тип., 1887. С. 740. Ср.: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии... С. 502.
- ²⁰ Дом сохранился до наших дней на улице Heiligenkreuzer Gasse, 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий: Сб. ст. / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 3–62.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XVXVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
3. Павленко Н. И. Лефорт. М.: РГ-Пресс, 2018. 288 с.
4. Пашков А. М. Церковь ап. Петра в Марциальных Водах // Свод Петровских памятников России и Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spp.lfond.spb.ru/russia/memorials/121> (дата обращения 12.03.2020).
5. Шварц И. О поездке Петра Великого в Пресбург // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. ст. / Отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 83–93.
6. Шварц И. Петровские памятники как объект культурного трансфера и культурного туризма // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм: Материалы VII Междунар. петровского конгресса. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 332–343.
7. Шварц И. Художественный образ Петра Первого в музыкальном творчестве западноевропейских композиторов // Образ Петра Великого в мировой культуре: Материалы XII Междунар. петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 года. СПб.: Европейский дом, 2020. (В печати).
8. Böhm A. Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 57. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 432 S.
9. Czok K. August der Starke und seine Zeit. Kurfürst von Sachsen, König in Polen, München: Piper, 2006. 208 S.
10. Günther E. Der Daumeneindruck Augsts des Starken. 16 königlich-sächsische Miniaturen. 2. Auflage. Hussen, 2007. 148 S.
11. Handl Ch. Handl G. Ein Stadtspaziergang in Bildern. Berndorf: Robert Ivancich, 2003. 55 S.
12. Horn S. Der praktische Unterricht im Medizinstudium vor den Reformen durch van Swieten // H. Gössing, S. Horn, Th. Aigner (Hgg.) Wiener Gespräche zur Sozialgeschichte der Medizin. Vorträge des internationalen Symposiums an der Universität Wien 9–11 November 1994. Wien: ERASMUSWien, 1996. S. 75–96.
13. Horn S. Sozialgeschichtliche Aspekte des Gesundheitswesens in der Eisenstraße in der frühen Neuzeit. Available at: <http://www.eisenstrasse.info/fileadmin/schatzsuche/binaries/826.pdf> (accessed 12.03.2020).
14. Hornyik H. Peter der Große von 12. Bis 17. Juli 1698 in Baden bei Wien // Katalogblätter des Rollettmuseums Baden. 104. Baden, 2019. 20 S.
15. Maurer R. Aquae-Padun-Baden. Eine Stadt an der Wiege Österreichs // Katalogblätter des Rollettmuseums Baden, 2. Baden, 1996. 87 S.
16. Maurer R. Baden, schröpfen, amputieren: Die Geschichte der Bäder in Baden bei Wien. Wien: Verlagshaus der Ärzte, 2004. 160 S.
17. Maurer R. Die Burg Baden: Ihre Herren – ihre Herrschaft // Katalogblätter des Rollettmuseums Baden, 61. Baden, 2006. 91 S.
18. Nöe A. Geschichte der italienischen Literatur in Österreich. Teil I: Von den Anfängen bis 1797. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2011. 728 S.
19. Rollett H. Beiträge zur Chronik der Stadt Baden bei Wien. Bd. 1. Baden bei Wien: Ferdinand Schütze, 1885. (Reprint. Baden, 2003. 660 S.)
20. Seifert H. Die Oper am Wiener Kaiserhof im 17. Jahrhundert // Wiener Veröffentlichungen zur Musikgeschichte. Bd. 25. Tutzing: H. Schneider, 1985. 966 S.
21. Schlöss E. Zar Peter der Grosse in Wien: Übertragung der Blätter 411 bis 452 der Ceremonialprotocolle 1698 (ZA Prot. 5) in die Schrift unserer Zeit wort- und zeilengetreu // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. № 51. Wien, 2004. S. 375–546.

Iskra Schwarcz, PhD, University of Vienna (Vienna, Austria)
iskra.schwarcz@univie.ac.at

“THE FOREMAN DEIGNED TO GO TO TEPLICE”
(Peter the First’s sojourn at Baden resort near Vienna in the summer of 1698)

This is the first article published in the Russian language that is dedicated to the stay of Peter the First at the resort of Baden in the vicinity of Vienna in the summer of 1698. The article is based on the documents from the Austrian archives, German-language periodicals of the late XVII century, and the works by Austrian and Russian historians. The article gives a brief history of the resort of Baden. The Tsar stayed at the resort during the stay of the Grand Embassy in Vienna and the negotiations with the Austrian Emperor Leopold the First. The article describes in detail the daily life of the Great Embassy in Baden, puts forward some hypotheses about Peter’s place of residence and his retinue, describes the memorable places of Baden, which are traditionally considered to be associated with Peter the First. It is concluded that Peter the First’s familiarity with the healing springs of Baden shaped his interest in balneology, contributed to visiting other European resorts and creating the first Russian resort of Marcial Waters.

Keywords: The Grand Embassy, Peter the First, Vienna, Baden, Leopold the First, balneology, healing springs, everyday life, places of memory

Cite this article as: Schwarcz I. “The foreman deigned to go to Teplice” (Peter the First’s sojourn at Baden resort near Vienna in the summer of 1698). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 86–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.486

REFERENCES

1. Baklanova N. A. The Great Embassy abroad in 1697–1698 (Its way of life according to the Embassy’s cash-books.) *Peter the Great: Collection of articles*. Moscow, Leningrad, 1947. P. 3–62. (In Russ.)
2. Brodell F. Material civilization, economy and capitalism. XVXVIII centuries. Vol. 1: Structure of everyday life: the possible and the impossible. Moscow, 1986. 624 p. (In Russ.)
3. Pavlenko N. I. Lefort. Moscow, 2017. 288 p. (In Russ.)
4. Pashkov A. M. Church of the Apostle Peter at Marcial Waters. *The list of Petrine monuments in Russia and in Europe*. Available at: <http://spp.lfond.spb.ru/russia/memorials/121> (accessed 12.03.2020). (In Russ.)
5. Schwarcz I. The trip of Peter the Great to Pressburg. *The Romanovs on the road. Travels and trips of the Tzar’s family members in Russia and abroad: Collection of articles*. (M. V. Leskinen, O. V. Khavanova, Eds.). Moscow, St. Petersburg, 2016. P. 83–93. (In Russ.)
6. Schwarcz I. Petrine monuments as objects of cultural transfer and cultural tourism. *Petrine monuments of Russia and Europe. Research, preservation, cultural tourism. Proceedings of the VII International Petrine Congress*. St. Petersburg, June 5–7, 2015. St. Petersburg, 2016. P. 332–343. (In Russ.)
7. Schwarcz I. The artistic image of Peter the First in musical works of Western European composers. *The image of Peter the Great in the world culture. Proceedings of the XII International Petrine Congress*. St. Petersburg, May 31 – June 1, 2019. St. Petersburg, 2020. (In print.) (In Russ.)
8. Blome A. Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte*. Bd. 57. Wiesbaden, 2000. 432 S.
9. Czok K. August der Starke und seine Zeit. Kurfürst von Sachsen, König in Polen, München, 2006. 208 S.
10. Günther E. Der Daumeneindruck Augusts des Starken. 16 königlich-sächsische Miniaturen. 2. Auflage. Husum, 2007. 148 S.
11. Handl Ch. Handl G. Ein Stadtspaziergang in Bildern. Berndorf, 2003. 55 S.
12. Horn S. Der praktische Unterricht im Medizinstudium vor den Reformen durch van Swieten. H. Gössing, S. Horn, Th. Aigner (Hgg.), *Wiener Gespräche zur Sozialgeschichte der Medizin. Vorträge des internationalen Symposiums an der Universität Wien 9–11 November 1994*. Wien, 1996. S. 75–96.
13. Horn S. Sozialgeschichtliche Aspekte des Gesundheitswesens in der Eisenstraße in der frühen Neuzeit. Available at: <http://www.eisenstrasse.info/fileadmin/schatszsuche/binaries/826.pdf> (accessed 12.03.2020).
14. Hornyik H. Peter der Große von 12. Bis 17. Juli 1698 in Baden bei Wien. *Katalogblätter des Rollettmuseums Baden*. 104. Baden, 2019. 20 S.
15. Maurer R. Aquae-Padun-Baden. Eine Stadt an der Wiege Österreichs. *Katalogblätter des Rollettmuseums Baden*, 2. Baden, 1996. 87 S.
16. Maurer R. Baden, schröpfen, amputieren: Die Geschichte der Bäder in Baden bei Wien. Wien, 2004. 160 S.
17. Maurer R. Die Burg Baden: Ihre Herren – ihre Herrschaft. *Katalogblätter des Rollettmuseums Baden*, 61. Baden, 2006. 91 S.
18. Noe A. Geschichte der italienischen Literatur in Österreich. Teil I: Von den Anfängen bis 1797. Wien, Köln, Weimar, 2011. 728 S.
19. Rollett H. Beiträge zur Chronik der Stadt Baden bei Wien. Bd. 1. Baden bei Wien, 1885. (Reprint. Baden, 2003. 660 S.)
20. Seifert H. Die Oper am Wiener Kaiserhof im 17. Jahrhundert. Wiener Veröffentlichungen zur Musikgeschichte. Bd. 25. Tutzing, 1985. 966 S.
21. Schloss E. Zar Peter der Grosse in Wien: Übertragung der Blätter 411 bis 452 der Ceremonialprotocolle 1698 (ZA Prot. 5) in die Schrift unserer Zeit wort- und zeilengetreu. *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*. № 51. Wien, 2004. S. 375–546.

Received: 15 April, 2020

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА МИНАЕВА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
отечественной истории

Северный (Арктический) федеральный университет име-
ни М. В. Ломоносова

(Архангельск, Российская Федерация)

t.minaeva@narfu.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПОРТА ЖЕЛЕЗА В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

В первой четверти XVIII века в России на основе развития металлургического производства происходило постепенное складывание основ организации экспорта его продукции в Западную Европу. Правительство страны должно было решить задачу выхода на европейский рынок с новым отечественным продуктом и преодолеть товарную конкуренцию со стороны более развитых в промышленном отношении государств. Для современной России проблема промышленного развития и расширения экспорта – одна из важнейших, поэтому изучение исторического опыта позволит избежать повторения ошибок, наглядно представит движущие силы экономических процессов и определит стратегические направления государственной политики. Целью статьи является исследование с помощью историко-системного подхода организации экспорта железа в эпоху Петра I. Научная новизна состоит в том, что это первая работа, в которой на основе анализа исторических источников и данных отечественной и зарубежной историографии комплексно рассматриваются элементы, составляющие основу организации экспорта черного металла в период правления Петра I. Несмотря на активное строительство казенных и частных металлургических заводов, правительство достаточно долгое время не задумывалось о мерах организации внешней торговли железом. Иностранные предприниматели, занимаясь производством и продажей металла, являясь торговыми агентами российского правительства, внесли важный вклад в продвижение российского металла на европейский рынок. Только в конце правления Петра I в государстве стала разрабатываться ценовая политика, учитывавшаяся потребности заграничных потребителей и появились протекционистские таможенные пошлины.

Ключевые слова: Петр I и его реформы, Россия в XVIII веке, производство железа, экспорт, организация внешней торговли, иностранное предпринимательство

Для цитирования: Минаева Т. С. Организация экспорта железа в России в эпоху Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 93–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.487

ВВЕДЕНИЕ

Черная металлургия начиная с XVIII века является одной из ведущих отраслей промышленности России, по показателям производства стала страна в 2019 году занимала 5-е место в мире. Металлопродукция уже на протяжении многих десятилетий была и остается в числе лидирующих товарных групп российского экспорта и одной из отраслей международной специализации России¹. Первые значительные мероприятия по превращению металлургии в экспортную отрасль хозяйства страны были предприняты при Петре I, но потребовались многочисленные реформы в области государственной политики и длительный период проб и ошибок для достижения высоких результатов. Актуальность изучения данной темы обусловлена необходимостью учета результатов исторического опыта в организации внешней торговли страны. Успешное развитие экономики и отдельных ее отраслей

зависит от возможности определить и проанализировать факторы, влияющие на ее состояние, учета этих факторов в выработке государственной политики, мониторинга изменений и своевременного реагирования на эти изменения как непосредственных производителей, так и государственных структур.

Не вызывает сомнения масштабная деятельность Петра I по преобразованию российской экономики, включая промышленность и внешнюю торговлю, но для оценки ее результатов необходимо изучение подробностей осуществления реформ.

В отечественной историографии проблема экспорта российского железа в первой четверти XVIII века специально не изучалась. В первой крупной работе С. Г. Струмилина, посвященной истории черной металлургии в СССР, был представлен обзор развития отрасли в XVIII веке начиная с 1725 года и указано, что низкие цены

позволили России постепенно увеличить экспорт черного металла в Великобританию [9: 227]. В дальнейшем в научной исторической литературе данная проблема практически не поднималась. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII века изучала Р. И. Козинцева, рассматривая преимущественно продукцию лесных промыслов [5]. А. В. Демкин в монографии о деятельности британского купечества в России проанализировал участие англичан в экспортной торговле, но в основном начиная с 1730-х годов [2]. Автор данной статьи в работе «Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы» уделяла внимание условиям возникновения и развитию конкуренции России и Швеции в Европе, в том числе в торговле металлом. В монографии был сделан вывод о формировании целенаправленной комплексной государственной политики поддержки экспорта в России со второй половины XVIII века [7]. В. В. Запарий, исследуя модернизацию уральских металлургических предприятий в петровский период, сделал вывод, что низкие цены и высокое качество товара, обеспеченное техническим и организационным преобразованием предприятий, позволило с 1724 года усилить экспорт уральского железа в европейские страны [3: 131]. В многотомном издании «Развитие экономики в России в XVI–XX вв.» авторы М. В. Конотопов и С. И. Сметанин опубликовали уточненные со времени выхода монографии С. Г. Струмилина статистические данные, представленные в отечественной научной литературе, о динамике объема производства, производственных затратах и ценах на продукцию черной металлургии, что может быть использовано для дальнейшего анализа внешней торговли России со странами Европы [6: 190–193].

Самым значительным зарубежным исследованием по экономике России XVIII века является труд американского ученого А. Кахана (A. Kahan) [14]. Как историк и экономист, А. Кахан дал всесторонний анализ внешней торговли России, ее взаимоотношений с основными торговыми партнерами, представил динамику российского экспорта наиболее значимых товаров, в том числе железа, и сделал вывод, что без внешнего спроса металлургия России вряд ли достигла высокого уровня.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА ЖЕЛЕЗА В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Статистические данные о внешней торговле России в конце XVII – начале XVIII века собирались центральными ведомствами крайне нерегулярно, поэтому найти их в архивах сложно,

в отдельных случаях приходится использовать сведения иностранных ученых, полученные ими из зарубежных архивов. Кроме того, указанные в документах количественные показатели иногда очень сильно отличаются друг от друга, что затрудняет анализ внешнеторговых операций. Вероятнее всего, начало экспорта железа из России связано с историей Архангельского порта и деятельностью голландских предпринимателей и партнеров по оптовой торговле Хайнриха Бутенанта и Вернера Муллера (Вахромея Меллера). Х. Бутенант в 1679–1681 годах построил возле Олонца железоделательный завод и в 1683 году отправил 6449 пудов железа в Архангельск, из которых более половины продал на экспорт [1: 169]. Следующие сведения относятся уже к периоду Северной войны, когда значительный внутренний спрос на металл, связанный с необходимостью изготовления оружия и боеприпасов, не позволял развивать экспорт. Россия в начале XVIII века еще только создавала крупную металлургическую промышленность на Урале, и экспорт осуществлялся, скорее всего, с частных заводов по инициативе голландских торговцев и заводчиков. В 1714 году 13 тонн железа поступило из России в Англию, груз предположительно был доставлен из Архангельска, так как в документах Зундской таможни сведений о нем нет [12: 35]. В 1715 году 47 тонн прутового железа отправили из Архангельска за границу голландцы Вернер и Петер Муллеры (Варфоломей и Петр Меллеры) с одного из своих заводов. С этого времени небольшие партии русского железа уже регулярно продаются за рубеж. Так, в 1716 году в Англию поступило 74 тонны российского железа, в 1717 году – 121 тонна, в 1718 году – 334 тонны, по другим источникам, за 1717–1719 годы из Архангельска ежегодно вывозилось в среднем по 580 тонн [8: 188], [14: 212].

Появление русского металла первоначально ничем не угрожало положению шведского железа на британском рынке, так как из всего объема импортируемого Великобританией железа шведское составляло 76 %, русское – всего 2 %. Швеция для увеличения доходов отрасли и борьбы с конкурентами старалась сохранять высокое качество своего металла [13: 686–687]. Все железо, которое шло на экспорт, взвешивалось в портах и контролировалось браковщиками. Но бракованным признавалось очень небольшое количество товара, так как производители старались поддерживать его качество. Каждый брюк, центр производства железа, имел свое клеймо, которое выступало в роли своеобразной торговой марки, и иностранные купцы и потребители быстро их запомнили.

По мере увеличения числа российских заводов и завершения военных действий в ходе Северной войны в России стали появляться излишки металла, которые можно было сбывать за границу. Дальнейшие успехи в развитии черной металлургии – формирование двух новых металлургических районов (Уральского и Олонецкого) и рост их производства – вызвали постепенное изменение структуры российского экспорта, связанное с регулярной продажей железа за границу (см. таблицу).

Экспорт российского железа в 1720-х годах
(в тоннах)³

Iron export from Russia in the 1720s
(in tons)

Год	Экспорт из балтийских портов через Эрэзунд	Экспорт в Англию
1720	249	
1721	121	
1722	690	34
1723	712	210
1724	1381	569
1725	906	148

Окончание Северной войны, увеличение выпуска продукции металлургическими заводами России, расширение масштабов внешней торговли Петербурга сыграли свою роль в подъеме российского экспорта, но одна из причин столь быстрого роста вывоза российского черного металла, особенно в Англию, несомненно, заключалась в принятом в 1724 году Швецией особом законе – Продуктилакате, который ограничил приход британских судов за шведским железом. В соответствии с новым законом ввоз импортных товаров разрешался только на шведских судах или на кораблях страны происхождения товара, что резко ограничило приход в страну английских и голландских судов⁴. Важным фактором, способствовавшим русскому экспорту, стало также разорение и сожжение 10 шведских металлургических центров в 1719 году русской армией, на их восстановление требовалось время и деньги, что сказывалось на рыночной цене шведского металла. Шведское железо стоило на английском рынке в 1720-х годах от 16,5 до 21 фунта стерлингов, в то время как русское – 10–15 фунтов стерлингов⁵. Более высокая цена шведского черного металла объяснялась также более высокой себестоимостью и более высоким качеством некоторых сортов полосного железа. Цена на железо варьировалась в зависимости от его сорта, но сохранилось слишком мало сведений в русских и шведских источниках, чтобы составить полное представление о разнице в ценах. Самым лучшим и, следовательно, самым дорогим в Швеции было эргрюндское железо, которое выплавля-

лось в окрестностях Даннemuры. Железная руда из Даннemuры отличалась необычно низким содержанием фосфора, что являлось показателем ее чистоты, и включала в себя марганец, который придавал готовому продукту повышенную жесткость. Именно этот сорт закупался Англией для сталелитейного производства в Шеффилде и Бирмингеме. Цены на такое железо, изготовленное, например, в Люфсте, могли быть в два раза выше, чем на обычное. Но данный сорт железа составлял меньшую долю шведского экспорта, около 10 % [15: 7]. Остальное железо различалось своим качеством и, соответственно, ценой. Уральское железо получали из руды, которая содержала примесь меди. В результате железо получалось «мягким», отличалось хорошей ковкостью. Когда для дальнейшей переработки не требовалась особая жесткость железа, предпочтение часто отдавалось русскому металлу.

Уральское железо с доставкой в центр оказывалось очень дешевым. Накануне Северной войны, когда металл еще не стал дефицитом, казна платила заводчикам за пуд полосового железа 60 копеек, рыночная цена шведского железа составляла тогда 90 копеек. Н. Демидов с 1702 года стал поставлять в казну железо с Урала по цене с доставкой 42–45 копеек. В 1714 году пуд казенного уральского железа обходился с доставкой в Москву и Санкт-Петербург в 20 копеек, где продавался уже по цене от 90 копеек до 1 рубля. В казну в это время демидовское железо сдавалось по 45 копеек [6: 185].

Растущие продажи черного металла из России за границу не сразу вызвали изменения политики правительства в отношении как производства, так и внешней торговли. В 1720 году на Урал был отправлен В. Н. Татищев. Берг-мануфактур-коллегия, не имея прямого указания от Петра или Сената об увеличении производства железа, ставила в 1720–1721 годах перед Татищевым ограниченную задачу – развивать главным образом медеплавильную промышленность [11: 138]. В. Н. Татищев, понимая важность увеличения производства меди, в то же время считал, что расширение объемов выплавки железа позволит быстрее принести прибыль казне. По его расчетам, которые впоследствии оказались совершенно верными, стоимость пуда железа могла обойтись казне в 15–20 копеек, местная же цена составляла 40 копеек. В Санкт-Петербурге железо можно было продать по традиционной цене – 60–65 копеек за пуд, а доставка его в столицу обходилась в 15–16 копеек. Несмотря на обещание государственной выгоды, решение Берг-мануфактур-коллегии от 18 марта 1721 года на предложение В. Н. Татищева было негативным:

«Железных заводов вновь до указу строить не велеть, а производить те, кои до сего времени только были, а паче ж производить ныне и стараться всеми мерами серебряныя, и медныя, и серныя и квасцовыя заводы, которых заводов в России нет, а железных везде довольно, также опасно в том месте железные заводы заводить, чтоб медных заводов дровами не оскудить»⁶.

Но уже 29 апреля 1722 года в инструкции В. И. Генину, отправленному на Урал, говорилось о необходимости расширить не только медеплавильное производство, но и железоделательное⁷. В ноябре 1723 года Берг-коллегия приняла решение: на «сибирских государственных заводах всякого железа... велеть как возможно заготавливать пред прежними годами со умножением». Коллегия выражала надежду, что с течением времени российское железо завоюет «добрую славу», а его экспорт будет приносить большую прибыль казне [11: 138]. В 1719–1723 годах железо стали покупать англичане и итальянцы, торгующие в Санкт-Петербурге, вначале небольшими партиями, осторожно, так как не имели представления о качестве товара. В 1719 году 10 тыс. пудов купил итальянец Д. Мариотти, в 1723-м – 3 тыс. пудов приобрели Д. Мариотти и Д. Бюстелли, столько же – Я. Смалл. Англичанин Г. Эванс закупил в 1722 году 40 тыс. пудов и дождался поставок с уральских заводов в течение двух лет [4: 264].

18 апреля 1724 года был издан сенатский указ, в котором предписывалось увеличить производство на сибирских казенных заводах железа для отправки на экспорт по образцам, присланным голландским торговым агентом И. П. Любсом (Яном Люпсом), чтобы получить возможность вывозить не только в голландские, но и в другие иностранные порты. И. П. Любс становился откупщиком с правом продажи казенного железа на экспорт. Также Берг-коллегии поручалось заключить договор с Никитой Демидовым, чтобы он «со своих заводов сколько он может поставить железа к отпуску заморскому, то все ставил бы в Санкт-Петербург»⁸. В соответствии с указом последовала новая инструкция В. И. Генину от 14 июня 1725 года, где среди его обязанностей числилось «для продажи и казенного отпуска за моря железо умножать и сколько возможно тицьшиься, чтоб делать по образцам Ивана Любса»⁹.

В 1721–1725 годах себестоимость казенного полосового уральского железа составляла от 13 до 17 копеек. С провозом в Москву и Санкт-Петербург оно стоило 22 копеек за пуд. Продавалось полосовое железо в столицах по 70 копеек, казна принимала железо от Демидова по 60 копеек. По расчетам администрации Демидова, пуд его железа с доставкой в Москву обходился в 25 копеек. Таким образом, торговля железом

приносила прибыль как казне, так и частному владельцу [6: 185–186].

Расширение производства железа и увеличение количества заводов поставили вопрос о надзоре за качеством товара. Вполне возможно, что наблюдение за деятельностью шведской Берг-коллегии и информация о клеймении шведского металла также повлияли на появление указа Петра I от 6 апреля 1722 года «О пробе железа, о клеймении оного и о не продаже без клейма»¹⁰. Указ сразу же был разослан по заводам. В нем устанавливались следующие виды проб и клейм:

«Первая проба: вкопать круглые столбы толщиной в диаметре по шести вершков в землю так далеко, чтоб оно неподвижно было, и выдолбить в них дыры величиною против полос, и в тое дыру то железо просунуть, и обвесь кругом того столба трижды, потом назад его от столба отвесь, и ежели не переломится, и знаку переломного не будет, то на нем сверх заводского клейма наклеймить № 1.

Вторая проба: взяв железные полосы бить о наковальню трижды, потом другим концом обратя такожды трижды от всей силы ударить, и которое выдержит, и знаку к перелому не будет, то каждое сверх заводского клейма заклеймить его № 2.

На последнее, которое тех проб не выдержит, ставить сверх заводских клейм № 3. А без клейм полосного железа отнюдь чтоб не продавали».

Таким образом, вводились три сорта полосового железа. Клеймение железа после проверки его качества, несомненно, должно было оказать влияние на рыночную цену товара и со временем на уровень спроса иностранных покупателей и их отношение к российскому товару. На развитие экспорта железа также был ориентирован Таможенный тариф 1724 года: чугун отпускался с 3 % пополнением с цены, а прутовое железо, пользовавшееся спросом как внутри страны, так и за ее пределами, облагалось умеренной пополниной 15 копеек с берковиц¹¹.

Существенную проблему для экспорта в 1720-х годах представляла доставка уральского железа к Балтике [10: 104–105]. Товар отправляли весной, когда реки были полноводны, от пристани Чусовой на небольших судах караванами по Каме, Волге и Вышневолоцкому каналу в Санкт-Петербург. Путь занимал 13–18 месяцев и действовал только в период навигации. Крушения судов, которые периодически случались, осложняли и еще больше задерживали доставку железа в столицу. С 1722 года Архангельск перестал участвовать в экспортежелеза, так как по распоряжению Петра I торговля беломорского порта ограничивалась товарами из районов, прилегающих к бассейну Северной Двины, при этом особо оговаривались поставки железа только к

Санкт-Петербургу¹², что ограничивало развитие внешнеторговых связей России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории экспорта российского железа в период правления Петра I показывает, что его организация складывалась постепенно, специально не разрабатывалась и не включалась в число обсуждаемых органами власти вопросов государственной политики. Начало торговли за границу черным металлом было положено голландскими предпринимателями. Голландцы, имевшие большой опыт в продаже российских товаров в Европе, осуществили первые поставки железа из Архангельска в Англию. Благодаря иностранцам как торговым агентам происходило приспособление российского экспорта под запросы иностранных покупателей, совершались экс-

портные операции из Санкт-Петербурга. Введение контроля качества товара и распределения железа по сортам появилось в результате царского указа, а не инициативы Берг-коллегии, так как объемы производства железа в то время еще не были столь значительны, чтобы Берг-коллегия самостоятельно обратила внимание на меры, направленные на увеличение сбыта. Данное нововведение можно рассматривать как следование европейским традициям организации металлургического производства. Мониторинг цен европейского рынка и выяснение потребностей заграничных потребителей, ценовая политика в отношении железа и протекционистские таможенные пошлины стали в конце правления Петра I основными проявлениями государственной политики, связанной с организацией экспорта российского железа, доказавшими впоследствии свою эффективность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Итоги внешней торговли России. Аналитика за 2019 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russtat.com/analytics/6556> (дата обращения 10.02.2020).
- ² Bunte R. och Jörberg L. Historia i siffror. Lund, 1990. S. 91.
- ³ Подсчитано по: [13: 3]; [14: 186, 212]. Данные не являются полными, так как неизвестны объемы экспорта железа в страны Балтийского моря, отсутствует информация о вывозе из Архангельского порта.
- ⁴ Kongliga förordningar. Kongl. Maj:ts förordning angående De Fremmandes Fahrt på Sverige och Finland 10.11.1724. Sthlm, 1724.
- ⁵ Подсчитано по: [2: 77]; [9: 225–227]; Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: Сборник документов. М.: Институт российской истории, 1994. С. 66; [13].
- ⁶ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 48–48 об.
- ⁷ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. IV. С. 86.
- ⁸ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 7. № 4491. С. 276–277.
- ⁹ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В. И. Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. V. С. 141.
- ¹⁰ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 6. № 3952. С. 645.
- ¹¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 45. Книга тарифов: тарифы по европейской торговле (1724–1775). С. 28.
- ¹² Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. М., 1785. Т. IV. Кн. 1. С. 378–379.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Велувенкамп Я. В. Архангельск: нидерландские предприниматели в России, 1550–1785. М.: Ростспэн, 2006. 311 с.
2. Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. М.: ИРИ, 1998. 249 с.
3. Запарий В. В. Петровская модернизация и металлургия Урала (1700–1725) // Историко-экономические исследования. 2016. № 1. Т. 17. С. 95–140.
4. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: Россспэн, 1996. 346 с.
5. Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 91. М.: Наука, 1973. С. 267–337.
6. Конотопов М. В., Сметанин С. И. Развитие экономики в России в XVI–XX вв. Т. 2. Развитие промышленности в крепостной России. СПб.: Алетейя, 2018. 398 с.
7. Минаева Т. С. Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск: Поморский университет, 2009. 221 с.
8. Репин Н. Н. Изменение объема и структуры экспорта Архангельского и Петербургского портов в первой половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1983. С. 174–192.
9. Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М.: АН СССР, 1954. 534 с.
10. Уланов К. А. Казенные караваны Уральских заводов первой трети XVIII века // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 104–108.
11. Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки. Т. 97. М.: Наука, 1976. С. 124–199.

12. Attman A. Ryssland och Europa. En handelshistorisk översikt. Göteborg, 1973. 79 s.
13. Heckscher E. F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. D. 2. B. 2. Sthlm, 1949. 894 s.
14. Kahn A. The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago & London, 1985. 399 p.
15. Rydberg S. Dannemora genom 500 år. Fagersta bruk, 1981. 22 s.

Поступила в редакцию 06.04.2020

Tat'iana S. Minaeva, Doctor of History, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
t.minaeva@narfu.ru

IRON EXPORT ORGANIZATION IN RUSSIA DURING THE REIGN OF PETER THE GREAT

The foundation for the organization of exporting iron to Western Europe following the development of metallurgical production in Russia was gradually laid during the first quarter of the XVIII century. The government of the country had to solve the problem of entering the European market with a new domestic product and overcome product competition from more industrially developed countries. For modern Russia, the problem of industrial development and export expansion is one of the most important ones, so the study of historical experience will help us to avoid repeating mistakes, will clearly represent the driving forces of economic processes, and will enable us determine the strategic directions of the state policy. The purpose of the article is to study the organization of iron exports during the reign of Peter the Great using a systematic historical method. The scientific novelty arises from the fact that this is the first work in which the analysis of historical sources and data from domestic and foreign historiography is used for a comprehensive study of the elements that formed the basis for organizing the export of ferrous metal during the reign of Peter the Great. Despite the active construction of state-owned and private steel plants, the government for a long time did not think about measures to organize foreign iron trade. Foreign entrepreneurs engaged in the production and sale of metal served as trade agents of the Russian government and made an important contribution to the promotion of Russian metal on the European market. It was only at the end of Peter the Great's reign that pricing policies were developed, the needs of foreign consumers were taken into account, and protectionist customs duties were introduced.

Keywords: Peter the Great and his reforms, Russia in the XVIII century, iron production, export, foreign trade organization, foreign entrepreneurship

Cite this article as: Minaeva T. S. Iron export organization in Russia during the reign of Peter the Great. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 93–98. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.487

REFERENCES

1. Veluwenkamp J. W. Archangelsk: Dutch entrepreneurs in Russia, 1550–1785. Moscow, 2006. 311 p. (In Russ.)
2. Demkin A. V. British merchants in Russia of the XVIII century. Moscow, 1998. 249 p. (In Russ.)
3. Zapariy V. V. The modernization of Peter I and Ural metallurgy 1700–1725. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2016. No 1. Vol. 17. P. 95–140. (In Russ.)
4. Zaharov V. N. Western European merchants in Russia. Peter the Great's epoch. Moscow, 1996. 346 p. (In Russ.)
5. Kozintseva R. I. Participation of the Treasury in the foreign trade of Russia during the first quarter of the XVIII century. *Historical Notes*. Vol. 91. Moscow, 1973. P. 267–337. (In Russ.)
6. Konotopov M. V., Smetanin S. I. Economic development in Russia between the XVI and the XX centuries. Vol. 2. The development of industry during the era of serfdom in Russia. St. Petersburg, 2018. 398 p. (In Russ.)
7. Minaeva T. S. Russia and Sweden in the XVIII century: the history of customs policy and customs system. Arkhangelsk, 2009. 221 p. (In Russ.)
8. Repin N. N. Change in the volume and structure of exports of Arkhangelsk and St. Petersburg ports in the first half of the XVIII century. *Industry and trade in Russia in the XVII–XVIII centuries*. Moscow, 1983. P. 174–192. (In Russ.)
9. Strumilin S. G. History of ferrous metallurgy in the USSR. Vol. 1. Moscow, 1954. 534 p. (In Russ.)
10. Ulanov K. A. State caravans of Ural factories in the first third of the XVIII century. *Proceeding of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2019. No 3. P. 104–108. (In Russ.)
11. Yukht A. I. Activities of V. N. Tatishchev in the Urals in 1720–1722. *Historical Notes*. Vol. 97. Moscow, 1976. P. 124–199. (In Russ.)
12. Attman A. Ryssland och Europa. En handelshistorisk översikt. Göteborg, 1973. 79 s.
13. Heckscher E. F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. D. 2. B. 2. Sthlm, 1949. 894 s.
14. Kahn A. The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago & London, 1985. 399 p.
15. Rydberg S. Dannemora genom 500 år. Fagersta bruk, 1981. 22 s.

Received: 6 April, 2020

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*pashkov@mail.petrsu.ru*

ПЕТРОВСКИЙ КУРОРТ «МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ*

Статья посвящена восприятию петровского курорта «Марциальные воды» современниками-иностраницами в 1718–1724 годах на примере сочинения Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия» и «Дневника» Ф. В. Берхгольца. Цель исследования – выявить информацию, относящуюся к Марциальным водам в этих двух сочинениях, и показать особенности данной информации по сравнению с русскоязычными источниками (указы и «Походный журнал» Петра I, публикации в газете «Ведомости», сочинение Феофана Прокоповича «О смерти Петра Великого» и др.). Сделан вывод, что русскоязычные источники носили, за исключением «Походного журнала», официальный характер, то есть давали директивную и пропагандистскую информацию о курорте, а в сочинениях современников-иностраницев есть множество деталей повседневной жизни и быта, позволяющих воссоздать атмосферу эпохи. На основе этих данных можно изучать историю быта, повседневной жизни и менталитета царского двора и правящей элиты России, выявлять детали биографий и взаимоотношений деятелей из окружения Петра I в позднепетровскую эпоху. Актуальность темы обусловлена усилением интереса к проблеме модернизации страны на примере одной из наиболее значительных попыток такой модернизации – Петровским реформам и переосмыслинию значения иностранных нарративных источников, посвященных этой эпохе. Новизна статьи заключается в попытке осмыслить поездки Петра I на Марциальные воды с позиций истории повседневности, истории ментальности и микроистории.

Ключевые слова: Петр I, Марциальные воды, Ф. Х. Вебер, Ф. В. Берхгольц, придворные шуты

Для цитирования: Пашков А. М. Петровский курорт «Марциальные воды» в восприятии современников-иностраницев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.488

ВВЕДЕНИЕ

Одним из знаковых мест историко-культурного наследия, связанных с пребыванием Петра I в Карелии, являются Марциальные воды, точнее – целебные источники, церковь апостола Петра, построенная в 1721 году, и музей Марциальных вод в домике смотрителя, сооруженный в 1832 году. Современники часто просто называли их водами «на Олонце» или «колонецкими водами».

Петр I ездил на курорт «Марциальные воды» четыре раза (в 1719, 1720, 1722 и 1724 годах) и провел там не менее 70 дней. Самые ранние источники, содержащие информацию о пребывании царя на этом курорте, стали появляться уже при его жизни и в первые годы после его кончины. Уже в 1718 году появилось объявление о пользе лечения марциальными водами на Олонце под заголовком «Подлинные дознания о действии марциальная кончезерских воды разными человеками, изыскано хирургием Ревелином, 1718 году,

в месяце генваре. Печатано в Санктпитебурже 1718, февраля 28 дня». Там были приведены десять случаев исцеления разных лиц, пользовавшихся теми водами¹. Его упоминает биограф Петра I И. И. Голиков, который, вероятно, был знаком с этим текстом:

«Его же Величества повелением в то же время издано в народе о полезном действии в разных болезнях, открывшихся в Олонце при Кончезерских заведенных им железных заводах Марциальных вод, свидетельство хирурга Ревелина о исцелявшихся оними водами»².

Оригинал объявления не сохранился, но оно было перепечатано в сборнике указов Петра I за 1714–1719 годы³. Этот сборник был широко распространен, поскольку в 1719 году вышел тиражом 1200 экз.⁴, а в 1724 году был переиздан⁵.

Другим источником сведений для населения о существовании курорта «Марциальные воды» стали указы Петра I. Первый указ «Объявление о лечительных водах, сысканных на Олонце, а

от каких болезней, и как при том употреблении поступать, тому дохтурское определение, также и указ Его царского величества на оныя дохтурские правила, и оное все следует ниже сего» [2: 255] содержал указание на место и время издания: «печатано в Санктпитеурхе, 1719 году, марта в 20 день». Этот указ содержал «Правилы дохтурские, как при оных водах поступать». Сам указ, а также пункт 13 правил были написаны самим Петром I, а остальной текст правлен им. По данным В. Н. Перетца, описание марциальных вод было составлено лейб-медиком Лаврентием Блюментростом и переведено на русский язык Иваном Паусе⁶.

Одновременно с брошюкой, содержавшей текст указа от 20 марта на 4 страницах размером набора 237 x 148, он был опубликован в виде объявления на одной стороне листа размером набора 363 x 284 и с пометой в конце текста «Печатано в Санктпитеурхе, 1719 году. Марта в 20 день» [2: 255]. Показательно, что после того, как брошюра с указом от 20 марта была получена в Москве, там ее перепечатали. В конце московского издания имеется помета: «Получено из Санктпитеурхе, 1719 апреля в 5. А напечатано в Москве того же Апреля в 6 день» [3: 32]. Все это было сделано для широкого ознакомления населения с открывшимся курортом.

Второй указ от 10 мая 1720 года «О Марциальных водах» тоже был опубликован сначала, вероятно, в виде отдельных листов или брошюр, а затем перепечатан в сборнике указов Петра за 1719–1720 годы⁷. Впоследствии оба указа были перепечатаны в «Полном собрании законов Российской империи»⁸.

Информация о Марциальных водах появлялась и на страницах газеты «Ведомости». Так, в номере за 1 июля 1719 года сообщалось:

«В 30 день июня царица Параскевия Федоровна отсюду путь восприять изволила к новообретенным Марциальным Олонецким водам, и другие многие знатные особы, также и Его Светлость Князь Меншиков вскоре туда поедет»⁹.

В номере от 19 марта 1720 года сообщалось о начатии царем Петром с 5 марта лечения целильными водами «с счастливым сукцессом» и о возвращении из Олонецка графа А. И. Мусина-Пушкина, который при помощи тех вод «получил облегчение в своей болезни»¹⁰.

Законодательные акты и публикации в «Ведомостях», посвященные лечению на Марциальных водах, а также брошюра доктора Равинеля способствовали распространению в России сведений о курорте «Марциальные воды». Следует отметить, что все тексты официального происхожде-

ния отличались директивной направленностью или пропагандой достоинств Марциальных вод при лечении различных болезней.

Еще одним источником информации об этом курорте были побывавшие там люди из царской свиты, знатные особы, их слуги и др. Так, походный журнал Петра I сообщает, что во время его приезда на воды в 1720 году 12 марта вместе с царем «за одним столом ели всех чинов 60 персон всех»¹¹.

После смерти Петра I один из его ближайших сподвижников архиепископ Феофан Прокопович опубликовал в 1727 году небольшую брошюру «О смерти Петра Великого, императора всероссийского»¹². Описание болезни царя он начинает с конца 1723 года и описывает последний приезд Петра на Марциальные воды в начале 1724 года:

«Болезнь, которую Петр Великий, бессмертне жить достойный, умучен преставися, была от водяного запора, с жестоким удрученiem и понуждением частым. Еще в конце прошлого 1723 года так недомогать начал; и желая досады оной избыть, к Марциальным водам на Олонец (куда и прежде сего случая приезжал), в надходящее время весеннее 1724 года восприять путь изволил. Но не было столько силы в врачебных водах, сколько требовала лютость болезни его. Мало бо нечто от оной немощи полегче, а не весьма освобожденная себя быть признавал монарх»¹³.

Таким образом, по мнению Феофана Прокоповича, последняя поездка Петра I на Марциальные воды в 1724 году не принесла ему облегчения. Обстоятельства последней поездки царя изложены велеречиво, но сухо, без излишних деталей.

«ПРЕОБРАЖЕННАЯ РОССИЯ» ФРИДРИХА ХРИСТИАНА ВЕБЕРА

Наиболее подробную информацию о пребывании Петра I на Марциальных водах дают сочинения иностранцев, живших в России в Петровскую эпоху. Одним из наиболее информативных иностранных сочинений о России в годы правления Петра I можно считать книгу Фридриха Христиана Вебера «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия»). Ф. Х. Вебер (ум. в 1739 году) был направлен ганноверским курфюрстом Георгом в качестве своего представителя при дворе Петра I в конце 1713 года и в феврале 1714 года прибыл в Петербург. Но в августе 1714 года курфюрст Георг стал королем Англии, а Ф. Х. Вебер был назначен представителем Англии в России. За несколько лет пребывания в России он обзавелся обширными связями и знакомствами, совершая поездки по стране и имел возможность вблизи наблюдать Петра I, его окружение и получать из своих источников ценную информацию о положении дел в России. В январе 1717 года он

выехал за границу, но в декабре этого же года вернулся в Россию, оставался там до октября 1719 года, а затем окончательно ее покинул. Оказавшись в Западной Европе, Ф. Х. Вебер вскоре решил написать книгу о России. Первая часть книги «Das Veränderte Russland» («Преображенная Россия»), основанная на личных наблюдениях и дневниковых записях и охватывавшая события до 1720 года, вышла в 1721 году, затем была переиздана в 1729 году (оба издания вышли в Ганновере), третье издание вышло в 1738 году во Франкфурте и четвертое – в Лейпциге в 1744 году. В 1739 году Ф. Х. Вебер издал в Ганновере вторую часть своей книги, охватывавшую последние годы правления и смерть Петра Великого. В 1740 году посмертно была издана третья часть книги, посвященная описанию правления Екатерины I и Петра II. Вторая и третья части были написаны по опубликованным, преимущественно российским источникам¹⁴. Сразу после первого немецкого издания появились его переводы на английский (в 1722 и 1723 годах¹⁵) и французский (в 1725¹⁶ и 1737 годах) языки. Американский историк Харри Нерхуд характеризует работу Ф. Х. Вебера как содержательный и заслуживающий доверия рассказ о петровской России [8: 24]. На русском языке сочинение Ф. Х. Вебера было опубликовано в 1872 году в журнале «Русский архив»¹⁷. Новейший русский перевод этого труда вышел в 2011 году [4].

О Марциальных водах Ф. Х. Вебер пишет в своей книге несколько раз. Впервые он упоминает об открытии этого источника в записи от февраля 1718 года, хотя в этом отрывке приведены сведения и за более позднее время, когда Петра I посетил курорт в начале 1719 года:

«Около этого времени в Олонце открыт был целебный источник или колодезь, и послан туда медик для исследования свойств воды, которую он должен был давать пить больным людям. Так как вода эта помогла находившимся там больным, а позднее и многим другим и даже самому царю, то источник Олонецкий вошел в такую славу, что в настоящее время он сделался почти универсальным лечебным средством в России, и к нему стекаются больные из всех концов и мест России. Целебное свойство воды главным образом состоит в том, что она очищает желудок и возбуждает аппетит; осадок в воде представляет красноватую землю, на вид очень похож на Португальский никотиновый табак, и я видел образчики этой земли, по которым оказалось, что железо в этой минеральной воде составляет почти треть ее основных начал. Источник этот или колодезь находится на восемь миль далее на север от Олонецких рудокопен. Так как при пользовании этими водами необходим сильный мокцион, а по причине снегу и другим неудобствам холодного климата иметь его там невозможно, то Его Величество приказал устроить билиард и токарный станок, на которых во время своего пребывания он ежедневно и упражняет свой организм»¹⁸.

Помимо медицинского аспекта существования курорта в Марциальных водах Ф. Х. Вебер обращает внимание и на его социальный аспект:

«Некоторые остроумные люди, угадывающие тайные намерения царя, рассказывают, что своим примером он старается только указать подданным дорогу в Олонец; ибо, бывши в Пирмонте, Карлсбаде и в Спа, он заметил, что многие знатные люди посещают эти воды только для развлечения, тем способствуя процветанию и обогащению вод. А так как рабочий народ в городке Олонце не имеет почти ничего, кроме царского жалованья, а с другой стороны множество плохого орудия тамошнего изделия, шпаг и прочего, остается ежегодно непроданным, то сказанные люди и полагают, что открытием целебных вод царь желал только привлечь в Олонец своих подданных (которые и без того охотно прибегают к простым естественным средствам и имеют прирожденное отвращение к аптекам) и тем привести в лучшее состояние торговлю оружиями тамошнего артиллерийского управления, состоящего в ведении генерал-майора Геннигса¹⁹, и самое место сделать более зажиточным»²⁰.

В записи от февраля 1719 года Ф. Х. Вебер кратко сообщает о первой поездке Петра на Марциальные воды:

«В начале Февраля Его Царское Величество отправился на Олонецкие лечебные воды в сопровождении Ея величества царицы и вдовствующей герцогини Курляндской»²¹.

Таким образом, Петра в первую поездку на Марциальные воды сопровождали его жена Екатерина Алексеевна и племянница Анна Иоанновна, вдова курляндского герцога Фридриха Вильгельма (1692–1711) и будущая российская императрица. Это известие Ф. Х. Вебера тем более ценно, что в «Походном журнале» Петра I за 1719 год о поездке Анны Иоанновны на Марциальные воды ничего не сказано²².

Последнее упоминание о Марциальных водах в труде Ф. Х. Вебера тоже относится к февралю 1719 года и связано с придворным царским шутом Яном Лакостой (д'Акостой):

«Титульный граф и перемониймейстер увеселений, Ла-Коста (La Costa), португалец, забавным поведением своим на Олонецких лечебных водах, на которых он по неволе должен был держать добрую диету, так сумел услужить царю, что Его Величество обнадежил его сделать и объявить его вскоре королем Самоедов, должность, которая всегда сопряжена с званием советника увеселений»²³.

Это свидетельство позволяет считать шута Я. Лакосту одним из членов царской свиты, сопровождавшей Петра I в 1719 году на Марциальные воды.

В целом сочинение Ф. Х. Вебера содержит достаточно развернутое описание как бальнео-

логического, так и социального значения Марциальных вод для России.

«ДНЕВНИК» ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА БЕРХГОЛЬЦА

Наиболее подробным и детальным описанием быта и повседневной жизни царского двора в последние годы жизни Петра I являются записки камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца (1699–1765). Он был сыном голштинского²⁴ дворянина и генерал-лейтенанта русской службы и до 1714 года жил в России. Вернувшись в Германию, Ф. В. Берхгольц стал придворным голштинского герцога Карла Фридриха, который приехал в июне 1721 года в Россию, чтобы посвататься к старшей дочери Петра I Анне Петровне (свадьба состоялась в мае 1725 года). В России Ф. В. Берхгольц прожил шесть лет и в июле 1727 года вернулся в Германию.

Во время своего пребывания в России в 1721–1725 годах Ф. В. Берхгольц вел подробный дневник. Узнав об этом, немецкий ученый Антон Фридрих Бюшинг (1724–1793) стал просить его разрешить публикацию этого «Дневника» в своем журнале «Magazin für die neue Historie und Geographie» («Журнал новой истории и географии»). Ф. В. Берхгольц дал уклончивый ответ, но после его смерти наследники передали рукопись А. Ф. Бюшингу, который и опубликовал ее с небольшими сокращениями в своем журнале (Th. 19–22. Halle, 1785–1788).

Первый полный русский перевод «Дневника» Ф. В. Берхгольца был сделан И. Ф. Аммоном и опубликован в 1857–1860 годах²⁵, после этого вышли еще два дореволюционных издания²⁶. В 2019 году вышло новейшее издание «Дневника» Ф. В. Берхгольца [5].

Историк Н. Г. Устрялов так оценивал этот «Дневник»:

«<Ф. В. Берхгольц> ... В протяжении пяти лет (с 13 апреля 1721 по 30 сентября 1725) ежедневно записывал для себя все замечательное, что случилось ему видеть или слышать в Петербурге и в Москве с такою отчетливостью, с такою откровенностью и точностию, что пред глазами читателя раскрывается самая живая, самая одушевленная картина последних лет царствования Петра Великого. Никакое историческое художественное изложение не может дать столь верной идеи о тогдашнем времени, как простой безыскусственный, с тем вместе до мелочей отчетливый рассказ Берхгольца. Дневник его, спасенный от вероятной гибели славным Бюшингом, превосходит все, что ни писали иноземцы о Петре Великом»²⁷.

Не удивительно, что в «Дневнике» Ф. В. Берхгольца содержится довольно много упоминаний о поездках Петра I на Марциальные воды, особен-

но о поездке 1722 года. Первое подробное упоминание о ней содержится в записи от 6 февраля 1722 года:

«...его величество <Петр I> завел речь об Олонецком источнике, который очень хвалил. При рассказе его о том, как он открыт и какие от него были чудесные исцеления, тайный советник Бассевич²⁸ сказал, что желал бы также съездить туда и полечиться. Государь начал этому смеяться и, взяв его за щеки, примолвил: “Ey, jí heft gar rode un dicke Basken, urg de Reise tho don, nodig tho haffen” (“Э, у тебя щеки слишком красны и толсты, чтоб туда ехать”); но когда тайный советник сказал ему на ухо, для чего желал бы попользоваться источником, он отвечал: “ну, это дело другое”»²⁹.

Данный эпизод свидетельствует о том, что иностранные дипломаты стремились попасть в Марциальные воды, куда в период царских поездок перемещался и центр политической жизни России, но натыкались на неизменный отказ царя. У нас нет данных о том, что кто-либо из иностранцев побывал в Марциальных водах вместе с Петром I.

Второе упоминание относится к 7 марта 1722 года:

«После обеда у нас был артиллерийский полковник Витвер³⁰, приехавший день перед тем курьером из Олонца... Этот полковник Витвер привез его высочеству <голштинскому герцогу Карлу-Фридриху> поклон от их величеств императора и императрицы. На вопросы герцога о здоровье государя и государыни, о том, хорошо ли идет их лечение и когда они обрадуют нас своим возвращением, он отвечал, что они здоровы, что лечение идет прекрасно, почему их величества скоро оставят Олонец и непременно будут здесь в начале следующей недели»³¹.

Этот эпизод показывает, что в период пребывания в Марциальных водах Петр I не переставал активно заниматься государственными делами, обсуждать со своими приближенными различные проблемы, принимать и отправлять курьеров и т. д. При этом из Марциальных вод царь Петр присыпал достаточно серьезные документы, поскольку их доставку доверяли полковнику.

Следующий эпизод позволяет понять одно темное место в «Походном журнале» Петра I от 23 февраля 1722 года: «Их величествы были... взрезывали Стефану Медведю»³². Запись в «Дневнике» Ф. В. Берхгольца от 7 марта 1722 года позволяет расшифровать это известие:

«Полковник <Витвер> привез также известие, что знаменитый витавший³³, тот самый, который на последнем маскараде ездил на медведях и сам был зашип в медвежью шкуру, в Олонце упал с лестницы, переломил себе три ребра и через девять или десять дней умер. Это несчастье очень, говорят, огорчило императора, который весьма дорожил покойным, будучи хорошо уверен в его преданности. Он был собственно кнут-майстером (старшим палачом), лично распоряжавшимся при допро-

сах и пытках государственных преступников, и в то же время чем-то вроде придворного полу-шута или, лучше сказать, придворного забавника (*Lustigmacher*); имел также, как я уже говорил, в Петербурге особую должность при замерзании и вскрытии реки»³⁴.

В «Дневнике» Ф. В. Берхгольца этот персонаж появляется несколько раз.

На основе «Походного журнала» Петра I и сведений из «Дневника» Ф. В. Берхгольца историк С. Ф. Платонов описал эту колоритную фигуру из окружения царя Петра:

«Некоторые члены “всесштейшего собора” были в особом приближении у Петра и пользовались его неизменным расположением. Таков был, например, типичный в своем шутовском роде, для нас мало постижимый человек, по имени Стефан, по прозвищу Медведь, исполнивший в “соборе” роль “посошника” князь-папы, носивший папин посох даже по городу, как “машину, сделанную в виде колбасы”. Его кличка в составе собора была “Вытации”, и именно под этой кличкой (“Vittaschy”, “witaschy”) он стал известен иностранцам, считавшим его и шутом, и “кнутмейстером” (палачом). Он постоянно пребывал при царе, иногда даже посещавшем его дом, постоянно играл с царем в шахматы, сопровождал царя в заграничных поездках и, по-видимому, ездил с ним в Париж. Когда он, будучи с Петром в 1722 году в Олонце, упал с лестницы, сломал себе ребра и умер, то Петр участвовал в его вскрытии или, как тогда выражались, “смотрел анатомии”… В лице Степана Медведя соединялись обязанности шута и палача, как в лице самого Петра уживались наклонности к веселому юмору и мрачной жестокости»³⁵.

Следующее упоминание о пребывании царя Петра на Марциальных водах зафиксировано в «Дневнике» Ф. В. Берхгольца в записи от 13 марта 1722 года. В ночь с 12 на 13 марта Петр I вернулся в Москву. Узнав об этом, герцог Карл-Фридрих поехал поздравить его с приездом. Ф. В. Берхгольц пишет:

«Император тотчас вышел, принял его высочество весьма милостиво и много разговаривал с ним о лечении и о чудесном действии Олонецкого источника на всякого рода больных. Его высочество нашел его очень бодрым и здоровым…»³⁶

Таким образом, можно считать, что поездки на Марциальные воды оказывали благотворное воздействие если не на состояние здоровья, то на самочувствие Петра.

Затем упоминания о Марциальных водах исчезают в «Дневнике» Ф. В. Берхгольца почти на два года. Только в записи от 17 декабря 1723 года автор сообщает: «Негелейн³⁷ слышал сегодня, что император намерен в половине февраля отправиться сперва к Олонецким минеральным водам и потом уже на коронацию императрицы в Москву»³⁸.

Таким образом, данная поездка в Марциальные воды была спланирована заранее, что-

бы отдохнуть перед ответственным мероприятием – коронацией Екатерины. Это было связано с ухудшением состояния здоровья Петра. Ф. В. Берхгольц писал 23 ноября, что император «чувствовал себя нездоровым и уже целую неделю не выходил из комнаты»³⁹.

Однако поездка Петра на Марциальные воды в начале 1724 года не принесла серьезного улучшения его здоровью. В Москве он узнает о существовании какого-то источника на Угодском заводе В. В. Меллера в Малоярославецком уезде, отправляется туда и 4 июня начинает пить воду, от которой, как ему кажется, получает облегчение, а 12 июня возвращается в Москву [1]. В «Дневнике» (запись от 3 июня) Ф. В. Берхгольца эти события отражаются так:

«Император отправился в этот день с небольшою свитою на железные заводы обоих Мюллеров, где, говорят, открыли превосходный минеральный источник, который будто бы оказался лучше олонецкого. Его величество именно затем и поехал туда, чтобы попробовать эту воду. Железные заводы Мюллеров находятся в 90 верстах от Москвы, и место это называется Уголкой (Ugolka), по имени протекающей там небольшой речки»⁴⁰ (имеется в виду Угодский молотовой (железоделательный) завод в Малоярославецком уезде, на реке Угодке [7: 306–307]).

Но положительный эффект от питья угодских вод был недолгим. В конце августа Петр I тяжело заболел и с 23 августа перестал появляться на публике. 12 сентября Ф. В. Берхгольц записал: «Его величество император все еще не оправился совершенно от болезни, почему лейб-медик продолжает постоянно почевать при дворе»⁴¹.

В «Дневнике» от 17 сентября изложен разговор автора с камергером П. Ф. Балком⁴²:

«Когда речь у нас зашла об олонецких водах, камергер сказал, что они удивительно были бы полезны государю, если б он только при употреблении их щадил себя и соблюдал надлежащую диету в пище; но что для него это дело почти невозможное, потому что он решительно не может обойтись без холодного кушанья в особенности и некоторых других вещей. Его величество будто бы еще вчера говорил, что зимою непременно поедет опять в Олонец и будет пользоваться тамошними водами. Балк рассказывал нам о разных случаях, показавших необыкновенное действие этих вод»⁴³.

Итак, несмотря на ухудшение состояния здоровья, в последние месяцы жизни Петр I не разочаровался в Марциальных водах и даже собирался вновь посетить их зимой 1725 года.

«Дневник» Ф. В. Берхгольца содержит множество бытовых деталей поездок Петра I на Марциальные воды, что позволяет изучать это явление с точки зрения микроистории, истории быта и повседневности и истории ментальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помимо Ф. Х. Вебера и Ф. В. Берхгольца о Марциальных водах писали и другие иностранные авторы, но их сообщения имеют отрывочный характер. Так, голштинец Г. Ф. Бассевич, который так и не получил разрешения у Петра I побывать на Марциальных водах, упоминает их в своих записках только однажды и крайне неточно:

«...Олонец, построенный между двумя озерами – Ладожским и Онежским, известный своими минеральными водами, прославленными самим императором, который ежегодно пользовался ими, Олонец, говорю я, имел богатый чугунный родник и отличный оружейный завод...»⁴⁴

Сочинения Ф. Х. Вебера и Ф. В. Берхгольца содержат обильный фактический материал о пребывании Петра I на Марциальных водах,

который существенно дополняет имеющиеся российские источники и позволяет лучше понять, какое место этот курорт занимал в жизни Петра I и его окружения. Если русскоязычные источники (указы Петра I, публикации в газете «Ведомости», публицистическое сочинение Феофана Прокоповича «О смерти Петра Великого» и др.) носили официальный характер (за исключением «Походного журнала») и давали официальную информацию о курорте, то в сочинениях иностранцев есть множество историко-бытовых деталей, позволяющих воссоздать дух времени. На основе этих данных можно изучать историю быта, повседневной жизни и менталитета царского двора, историю морали и нравов правящей верхушки России, выявлять детали биографий и взаимоотношений деятелей из окружения Петра I позднепетровской эпохи.

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. С. 441; [2: 227–228], [6: 41].
- ² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Ч. 6. М., 1788. С. 54.
- ³ Копии его царского величества указов. Публикованных от 1714 года, с марта 17 дня. По нынешний 1719 год. СПб., 1719. С. 159–163.
- ⁴ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 453.
- ⁵ Копии его императорского величества указов, состоявшихся с 1714 по 1719 год. Публикованных и в прежних Санктпетербургской типографии двух выходов в книжках напечатанных: Ныне со приобщением к ним собранных в Сенате, состоявшихся указов же, надлежащих впредь к действию и ведению. СПб., 1724. [2], 308, 5 с.
- ⁶ Перетц В. Н. Скитальческая жизнь И. В. Пауса и его переводы // Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. Из истории русской поэзии XVIII века. СПб., 1902. С. 229.
- ⁷ Копии его царского величества указов состоявшихся. В 1719, и в 1720 годах. В Санктпетербурже, в Правительствующем Сенате, собраны и напечатаны июня в 28 день, 1721 году. СПб., 1721. С. 83–95, 288–290.
- ⁸ О целительных водах, отысканных на Олонце. Именной <указ Петра I> от 20 марта 1719 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3338. С. 684–686; О действии Марциальных вод в Олонце. Именной <указ>, объявленный из Сената от 10 мая 1720 года // Там же. Собр. 1-е. Т. 6 (1720–1722). СПб., 1830. № 3579. С. 191.
- ⁹ Ведомости времени Петра Великого. В память двухсотлетия первой русской газеты. Вып. 2. 1708–1719 гг. М., 1906. С. 261.
- ¹⁰ Пекарский П. П. Указ. соч. С. 492.
- ¹¹ Походный журнал 1720 года. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 11.
- ¹² Феофан (Прокопович). О смерти Петра Великого, императора всероссийского. Краткая повесть. СПб., 1727. 21 с. (в конце текста: Печатано в Санктпетербургской Типографии, 1727 года, Августа 11 дня); см. также: Феофан (Прокопович). Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1819. 39 с.; Феофан (Прокопович). Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и... государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.
- ¹³ Феофан (Прокопович). Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского. С. 3–4.
- ¹⁴ Биографические сведения о Ф. Х. Вебере и характеристику его книги «Преображенная Россия» см.: Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер: Материалы для источниковедения истории Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения. 1881. Ч. 213. Январь. Отд. 2. С. 46–78.
- ¹⁵ Weber F. Ch. The present state of Russia. Being an account of the country, both civil and ecclesiastical... from the year 1714, to 1729. London: Taylor, 1723. Vol. 1. 353 p.

- ¹⁶ Weber F. Ch. Nouveaux memoires sur l'état present de la Grande Russie ou Moscovie. Paris: Chez Pissot, Libraire, Quay des Augustins a la descente du Pont Neuf a la Croix d'Or, 1725. Vol. 1–2. 426 p.
- ¹⁷ Вебер Ф. Х. Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях / Пер., предисл. и примеч. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. № 6. С. 1057–1168; № 7–8. С. 1334–1457; № 9. С. 1613–1704.
- ¹⁸ Вебер Ф. Х. Указ. соч. // Русский архив. 1872. № 7–8. С. 1439–1440.
- ¹⁹ Имеется в виду Виллиам Иванович Геннин (1676–1750) – начальник Олонецких Петровских заводов в 1713–1722 годах.
- ²⁰ Там же. С. 1440.
- ²¹ Вебер Ф. Х. Указ. соч. // Русский архив. 1872. № 9. С. 1646.
- ²² Походный журнал 1719 года. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 113.
- ²³ Вебер Ф. Х. Указ. соч. // Русский архив. 1872. № 9. С. 1652.
- ²⁴ Гольштина (Гольштейн) – историческая область на севере Германии, на границе с Данией.
- ²⁵ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год / Пер. И. Ф. Амона. Ч. 1. М.: А. И. Кошелев, 1857. 271 с.; Ч. 2. М.: А. И. Кошелев, 1858. 358 с.; Ч. 3. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1862. 292 с.; Б. м.: Б. и., 1862. 242 с.
- ²⁶ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год / Перевод и предисл. И. Ф. Амона. Изд. 2-е. Ч. 1. М.: Б. и., 275 с.; Ч. 2. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1860. 357 с.; Ч. 3. Б. м.: б. г., 1860. 292 с.; Ч. 4. 3. Б. м.: Б. г., 1862. 242 с.; Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца / Пер. И. Ф. Амона. Новое, 3-е изд. с доп. примеч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1902. 189 с.; Ч. 2. М.: Университетская тип., 1902. 247 с.; Ч. 3. М.: Университетская тип., 1903. 199 с.; Ч. 4. М.: Университетская тип., 1903. 148 с.
- ²⁷ Устрилов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1. СПб.: Тип. II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1856. С. LXXIII.
- ²⁸ Бассевич Геннинг-Фридрих (1680–1749), граф, тайный советник, с 1719 года – президент тайного совета голштинского герцога Карла-Фридриха и фактический глава его правительства, неоднократно бывал в России в 1714–1727 годах, представляя интересы голштинского герцога.
- ²⁹ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 2. 1722-й год. Новое издание с дополнительными примечаниями. М., 1902. С. 58.
- ³⁰ Витвер Матвей Матвеевич (Mattheus Wittver) (1681–1741) – немец, на русской службе с 1697 года, артиллерист, военный инженер, фейерверкер, полковник артиллерии (по другим документам – полковник от фортификации), в 1720-е годы участвовал в постройке Ладожского канала, с мая 1727 года – генерал-майор, автор трех чертежей Петровских заводов, созданных в 1720-е годы (РГАДА. Ф. 192. Картографический отдел МИД. Карты Олонецкой губернии. Оп. 1. Д. 2. Ч. 3).
- ³¹ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 2. 1722-й год. С. 96.
- ³² Походный журнал 1722 года. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 28.
- ³³ Виташий – так Ф. В. Берхольца называет прозвище этого человека – Вытащи.
- ³⁴ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 2. 1722-й год. С. 97.
- ³⁵ Платонов С. Ф. Петр Великий. Личность и деятельность. Л.: Время, 1926. С. 85–86.
- ³⁶ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 2. 1722-й год. С. 105.
- ³⁷ Негелейн (Negelein) Иоахим – тайный советник (камеррат) голштинского герцога.
- ³⁸ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 2. 1723-й год. М., 1903. С. 184.
- ³⁹ Там же. С. 177.
- ⁴⁰ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 4. 1724-й и 1725-й годы. М., 1903. С. 47–48.
- ⁴¹ Там же. С. 65.
- ⁴² Балк (Балк-Полев) Павел Федорович (1690–1743) – камергер при дворе Петра I с мая 1724 года.
- ⁴³ Берхольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца. 1721–1725. Ч. 4. 1724-й и 1725-й годы. М., 1903. С. 65–66.
- ⁴⁴ Бассевич Г. Ф. Записки о Петре Великом голштинского министра графа Бассевича / Пер. и примеч. И. Ф. Амона // Русский архив. 1865. Вып. 5–6. С. 599.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н и с и м о в Е . В . Биохроника Петра I (1672–1725 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (дата обращения 26.02.2020).
2. Б ы к о в а Т . А ., Г у р е в и ч М . М . Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 625 с.
3. Б ы к о в а Т . А ., Г у р е в и ч М . М ., К о з и н ц е в а Р . И . Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л.: Изд. отдел Библиотеки Академии наук СССР, 1972. 272 с.
4. В е б е р Ф . Х . Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. и comment. Д. В. Соловьева. СПб.: Искусство-СПБ, 2011. 304 с.
5. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхольца. 1721–1726. М.: Кучково поле, 2019. 744 с.
6. К а п у с т а Л . И . Первый российский курорт Марциальные воды. Петрозаводск: Периодика, 2019. 128 с.

7. Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 701 с.
8. Nerhood H. W. To Russia and return. An annotated bibliography of travellers' English-language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus: Ohio State University press, 1968. 375 p.

Поступила в редакцию 28.02.2020

Aleksandr M. Pashkov, Doctor of History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
pashkov@petrsu.ru

PETRINE MARCIAL WATERS RESORT IN THE PERCEPTION OF FOREIGN CONTEMPORARIES*

The article deals with the perception of the Petrine Marcial Waters resort by foreign contemporaries in 1718–1724 using the work *Transfigured Russia* by Friedrich Christian Weber and *Kammerjunker Friedrich Wilhelm von Bergholtz's Diary* as examples. The purpose of the research is to identify information related to Marcial Waters resort in these two narratives and to demonstrate the specific features of this information as compared to Russian-language sources, such as the decrees and *Pokhodny Zhurnal (The Expedition Logbook)* of Peter the First, publications in *Vedomosti* newspaper, Theophanes Prokopovich's work *The Death of Peter the Great*, etc. The author makes a conclusion that Russian-language sources, with the exception of *Pokhodny Zhurnal*, were of official nature, and therefore provided directive and propagandistic information about the resort, while in the works of foreign contemporaries we can find many details of the daily life, which helps to recreate the atmosphere of the era. Using this data we can study the history of the daily life, mores and mentality of the Tzar's court and Russian ruling elite, reveal the details of biographies and relationships between the members of Peter the First's entourage in the late Petrine era. The relevance of the topic is due to an increased interest in the problem of the country modernization through the example of one of the most significant attempts of such modernization – the Petrine reforms, as well as in rethinking of the meaning of foreign narrative sources dedicated to this era. The novelty of the article is an attempt to understand the trips of Peter I to the Marcial Waters resort from the perspective of the history of daily life, the history of mentality, and microhistory.

Keywords: Peter the First, Marcial Waters, Friedrich Christian Weber, Friedrich Wilhelm von Bergholtz, court jesters

*The article was written as part of the project "Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia" under the Russian Foundation for Basic Research grant "Peter the Great's epoch in the history of Russia: a modern scholarly view" for 2020–2022, project No 20-09-42034.

Cite this article as: Pashkov A. M. Petrine Marcial Waters resort in the perception of foreign contemporaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.488

REFERENCES

1. Anisimov E. V. Biochronicles of Peter I (1672–1725). Available at: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/> (accessed 26.02.2020). (In Russ.)
2. Bykova T. A., Gurevich M. M. Description of printed secular publications. 1708 – January of 1725. Moscow, Leningrad, 1955. 625 p. (In Russ.)
3. Bykova T. A., Gurevich M. M., Kozintseva R. I. Description of publications printed under Peter I. Union catalogue with supplements and annexes. Leningrad, 1972. 272 p. (In Russ.)
4. Weber C. F. Transfigured Russia. New notes on the current status of Moscow. (D. V. Solov'ev, Transl., Comments). St. Petersburg, 2011. 304 p. (In Russ.).
5. Kammerjunker Friedrich Wilhelm von Bergholtz's diary. 1721–1726. Moscow, 2019. 744 p. (In Russ.)
6. Kapusta L. I. The first Russian resort Marcial Waters. Petrozavodsk, 2019. 128 p. (In Russ.)
7. Sukhareva O. V. Who was who in Russia from Peter I to Paul I. Moscow, 2005. 701 p. (In Russ.)
8. Nerhood H. W. To Russia and return. An annotated bibliography of travellers' English-language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus, 1968. 375 p.

Received: 28 February, 2020

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

n.samoylov@spbu.ru

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ИДЕОЛОГИЯ РЕФОРМАТОРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА*

Рассмотрение возникновения образа Петра Великого в Китае, процесса его социокультурной презентации и адаптации, а также выявление причин использования ярких примеров деятельности этого российского императора и осуществленных им преобразований для обоснования необходимости реформ в империи Цин в конце XIX века являются целью данного исследования. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения особенностей формирования и развития взаимных образов России и Китая на различных этапах истории в связи с тем, что они могут оказывать воздействие на двусторонние отношения. Петр Великий и его реформы оказались очень притягательны для китайских мыслителей. Первые оценочные высказывания о нем появились в Китае в середине XIX века. Это были отрывочные сведения, в основном почерпнутые из западных источников, однако весьма позитивные. При этом Петр I представлялся китайским авторам фигурой экзотической. В то же время личность и масштаб его деятельности казались им очень привлекательными. Мощь России, достигнутая к XIX веку, по их мнению, была предопределена реформами Петра. Особо отмечалось то, что Петр активно призывал заимствовать иностранный опыт. Наиболее внимание личности Петра Великого и его реформам уделил выдающийся китайский реформатор Кан Юэй, для него Петр был символом очень успешных преобразований, которым нужно было учиться и следовать. При этом, по его мнению, Петр I действовал в соответствии с волей Неба, не нарушая гармонии, в этом и заключалась причина его успехов. Образ царя-реформатора, мудрого правителя огромной страны закрепился за Петром I надолго.

Ключевые слова: Петр Великий, Китай, реформаторское движение, Кан Юэй, историческая имагология

Для цитирования: Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время появляется все больше исследований в области исторической имагологии, в ходе которых ученые начинают обращаться к изучению так называемых имагем. Малгожата Швидерска, вводя данное понятие, определяет имагемы как

«элементы определенной национальной культуры, которые проявляются в тексте, например имена художников, философов, писателей, политиков и других представителей определенной нации или этнической группы» [8].

Если посмотреть на этот вопрос более широко, то можно отчетливо увидеть, что в процессе восприятия иной культуры в массовом сознании фокусируются определенные имена исторических личностей, которые ассоциируются с прошлым или настоящим того или иного народа, становясь неотъемлемой частью его восприятия.

Так, например, при упоминании Франции в памяти всегда всплывает имя Наполеона, а при упоминании Китая – имена Конфуция, Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина. Если говорить о России, то таким образом-символом, своего рода имагемой стала фигура Петра Великого. Это характерно в том числе и для стран Восточной Азии (Китая, Японии, Кореи). Изучение истории появления образа Петра I в Китае, рассмотрение процесса его социокультурной презентации и адаптации, а также выявление причин использования образа российского императора и осуществленных им преобразований для идеологического обоснования необходимости проведения реформ в империи Цин в конце XIX века являются целью данного исследования.

До настоящего времени рассматриваемая тема лишь косвенно привлекала внимание считаного числа исследователей. Отдельные замечания по

этому поводу содержатся в работах С. Л. Тихвинского [3], [4] и Дона Прайса [5].

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ

Первые работы, посвященные России и содержавшие описания ее географического положения, а также краткие сведения об истории и современной жизни ее населения, стали появляться в Китае лишь в XIX веке. Информация о России попадала к китайским авторам в основном из западных источников (переводов европейских работ на китайский язык, выполненных миссионерами, или непосредственно из книг и статей на европейских языках), поэтому очень часто эти сведения оказывались неточными, искаженными или же преподносились весьма тенденциозно. Известный китайский государственный деятель Линь Цзэсюй (1785–1850), прославившийся тем, что, будучи назначен специальным императорским эmissаром, активно боролся с британской торговлей опiumом в провинции Гуандун, с энтузиазмом собирая сведения о зарубежных странах. Он также известен тем, что одним из первых в Китае заговорил о необходимости учиться у «иностранных варваров» и предложил заимствовать научные и технические достижения других стран.

Россия, как самое крупное из соседних с Китаем государств, постоянно интересовала Линь Цзэсюя. Во время пребывания в Гуандуне в 1839–1841 годах он написал сочинение «Элосыго цзияо» («Основные сведения о России») [1], которое в качестве специального раздела было включено в работу «Сы чжоу чжи» («Описание четырех материков»). Этот труд о России не мог не вызвать интереса у других китайских авторов. Видный ученый Вэй Юань, внеся некоторые исправления и дополнения, включил его в свой трактат «Хайго тучжи» («Описание заморских стран с картами»). Заслуга Линь Цзэсюя состояла в том, что он сумел познакомить читателей с историей России (хотя и изложенной с большим количеством неточностей) и с административным делением Российской империи, кратко описав основные губернии. Именно в этом сочинении были впервые приведены факты из биографии Петра Великого, которого автор именует Бида-ван и Бида Эли (Петр Алексеевич), и дана характеристика его деятельности:

«В начале противоборства с разными странами Европы люди (России) были по-прежнему необразованными (и) дикими, (они) не были знакомы с техническими достижениями Запада до тех пор, пока царь Петр, умный и талантливый, не покинул столицу своего государства, отправился сотоварищи в Яньшидалань (Амстердам) и другие места на судоверфи, в арсеналы изучать технические ремесла. Вернувшись домой, передал (при-

обретенные) знания. В том, как изготавливать огневые средства, строить боевые корабли, даже превзошли другие страны. Были обучены и тренированы войска. Дисциплина (в войсках) до настоящего времени исключительно строгая» [1: 13].

Из этого фрагмента отчетливо видно, что Линь Цзэсюй связывал истоки могущества Российской империи в первую очередь с теми преобразованиями, которые проводил Петр I.

Еще одним источником сведений о России в Китае в то время были географические сочинения, написанные китайскими авторами. В 1848 году увидел свет труд видного китайского государственного деятеля, губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзиюя (1795–1873) «Инхуань чжилюэ» («Краткое описание морей и суши») [9]. Автору удалось привлечь довольно большое количество западных работ и благодаря использованию этих материалов уточнить и исправить данные китайских источников. Существенное место было уделено географии и истории России. Сюй Цзиюй удивил читателей тем, что Россия – это крупнейшее государство в мире, расположенное в Европе, Азии и Америке, перечислил отдельные города и местности и дал их описание. По силе и военной мощи Россия, по мнению Сюй Цзиюя, могла сравниться с Британией, однако ее мощь, как он утверждал, была сосредоточена на Западе, а не на Востоке. Из государственных деятелей России наибольшее внимание Сюй Цзиюй привлек Петр Великий. Начало его правления было описано автором в традиционном конфуцианском духе:

«Народ, пребывая в страхе из-за царившего в стране хаоса, лелеял надежду на появление добродетельного правителя, который сумел бы умиротворить страну» [9].

Именно таким государем смог стать Петр. Сюй Цзиюй подробно описывал, как царь лично учил солдат и занимался ремеслами, как он строил новую столицу. В заключение автор делает вывод о том, что «нынешняя мощь России берет свое начало с Петра» [9].

Однако, даже несмотря на появление упомянутых выше трудов, представления китайцев о России в середине XIX века были весьма далеки от реальности, а во внутренних районах Китая не знали практически ничего. В этом отношении весьма показательно то, какие «сведения» о России включил в текст своего достаточно хорошо известного «Нового сочинения в помощь управлению» один из руководителей Тайпинского движения Хун Жэньгань (1822–1864), двоюродный брат вождя и духовного лидера тайпинов Хун Сюцюана:

«Россия – это страна с самой большой территорией, в два раза превышающей Китай. Жители России исповедуют католичество. Они веруют в Иисуса Христа, но формы их веры весьма сходны с теми, которые бытуют во Франции... Наконец, [один из русских царей] послал своего старшего сына, переодетого в платье простолюдина, во Францию изучать методы государственного управления и строительства кораблей. Через несколько лет наследник престола, об истинном положении которого во время пребывания за границей не догадывался никто, возвратился на родину. После его возвращения наступил период государственного расцвета и христианской веры» [2: 48].

В этом пассаже речь явно идет о Петре I, однако ситуация в России того времени и его собственная история представлены в искаженном виде.

Важной вехой в плане систематизации сведений о России в Китае после появления упомянутых ранее сочинений Линь Цзэсюя и Сюй Цзиюя следует признать книгу Хэ Цютао (1824–1862) «Шофан бэйчэн» (1859)¹. Эта книга, состоявшая из 80 цзюаней, посвященная изложению исторических событий, связанных с установлением российско-китайской границы, и содержавшая некоторые сведения о России, была одобрена императором Сяньфэном. Поскольку она создавалась с целью обобщения опыта вооруженного противоборства с «варварами» в условиях нараставшей экспансии западных держав, несомненна ее тенденциозность. Книга содержала довольно интересную, но не всегда достоверную информацию. Некоторые современные ученые считают, что эта работа имеет чисто компилятивный характер и Хэ Цютао даже не исправил ошибки в тех сочинениях, которые он включил в свой труд. Это относится и к приведенным там сведениям о Петре I, где он назван дочерью царя Алексея, а иногда именуется Федором и даже Санкт-Петербургом [5: 30]. Вместе с тем, и в этом заслуга Хэ Цютао, он обратил внимание читателей на наличие более надежных трудов Линь Цзэсюя, Вэй Юаня и Сюй Цзиюя.

Таким образом, благодаря появлению сочинений Линь Цзэсюя и Сюй Цзиюя, к концу XIX века в Китае начал складываться достаточно привлекательный образ российского императора Петра Великого. Он выглядел достойным правителем, который проводил необходимые для страны реформы, укреплял армию, занимался судостроением, что в итоге способствовало превращению России в могущественную европейскую державу.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ 1890-Х ГОДОВ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Традиция проведения реформ в Китае уходит в глубокую древность и связана с извест-

ным конфуцианским постулатом: «Управлять – значит исправлять». Практически при каждой династии, когда наступал период кризиса и застоя, осуществлялись различные преобразования. Можно вспомнить знаменитые реформы, проведенные в XI веке выдающимся государственным деятелем сунской эпохи Ван Аньши. Однако движение за реформы, развернувшееся в империи Цин в конце XIX века, возникло в принципиально иных исторических условиях. Его развитие связано с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ювэя (1858–1927), сочетавшего в своих теоретических трудах великолепное знание конфуцианской традиции с глубоким осмысливанием современной ему эпохи. Оставаясь приверженцем монархической формы правления, Кан Ювэй возлагал большие надежды на молодого императора Гуансюя и надеялся осуществить реформы сверху.

Летом 1898 года император решился на проведение реформ, которые продолжались не более трех месяцев, с 11 июня по 21 сентября, и именно это время вошло в историю как «100 дней реформ». Реформаторы разработали и попытались претворить в жизнь масштабную программу преобразований, включавшую содействие развитию национальной промышленности и предпринимательства, отмену многих старых и введение новых административных учреждений, реорганизацию армии, отмену архаичных экзаменов, необходимых для получения государственных должностей, поощрение современных «западных» наук и т. д. Именно тогда был создан Пекинский университет. В течение «100 дней реформ» от имени императора было издано свыше 60 указов, многие из которых были направлены на создание основ сильного суверенного государства. Однако вдовствующая императрица Цыси, обладавшая значительной властью и влиянием, 21 сентября 1898 года совершила дворцовый переворот и нанесла решительный удар по реформаторам.

В современной историографии укрепляется точка зрения, согласно которой реформаторское движение 1895–1898 годов стало закономерным продолжением и развитием идейного течения, известного под названием «Цин и» (дословно: «Чистое мнение», но точнее по смыслу: «Мнение незаурядных людей»), которое активизировалось в империи Цин в 1870-х и набрало силу в 1880–1890-х годах [6], [7]. Подобные идеологические течения возникали в среде конфуцианских интеллигентов и ранее, особенно в периоды кризиса китайского общества. Данная точка зрения представляется весьма продуктивной. Действительно, в 70–90-х годах XIX века, то есть в период про-

ведения мероприятий политики «самоусиления», инициированной определенной частью правящей элиты, в провинциальных чиновничих кругах, особенно среди молодых людей 30–40 лет, складывалось недовольство деятельностью организаторов и проводников этой политики, сосредоточивших в своих руках огромные (в том числе и государственные) средства и получивших значительную власть как в центре, так и на местах. Молодые провинциальные шэньши затрачивали немалые усилия, требовавшие от них больших знаний и времени, для получения ученых степеней и низших чиновничих должностей, а руководители политики «самоусиления» не допускали их до вершин власти, что вызывало все возраставшее недовольство².

На практике императорские указы периода «100 дней реформ» во многом отвечали интересам провинциальных шэньшийских кругов. Давая возможность представителям широких кругов чиновничества занимать ответственные государственные должности, император теперь становился доступен для шэньши любого ранга, что отвечало идеалам «Цин и». А переворот, организованный императрицей Цыси, и устранение реформаторов с политической арены были поддержаны не только представителями наиболее консервативных кругов – сторонниками старых порядков, но и многими активными деятелями политики «самоусиления», опасавшимися утраты своих позиций в эпоху новых преобразований.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК СИМВОЛ ПЕРЕМЕН: РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ГЛАЗАМИ КИТАЙСКИХ РЕФОРМАТОРОВ

Исходя из всего вышесказанного Кан Юэй и его соратники хотели видеть в молодом императоре Гуансюе образец монарха, отвечающего всем конфуцианским требованиям и нормам, доступного для чиновников любого ранга, который всегда прислушивается к мнению мудрых и образованных советников. Именно поэтому идеалом такого монарха и символом успешных преобразований стал для них Петр Великий, равно как и японский император Муцуухито (девиз правления – Мэйдзи), также инициировавший и осуществивший масштабные преобразования в своей стране. Кан Юэй старался убедить императора Гуансюя во всем следовать их примеру. В конце декабря 1897 года, возвратившись в Пекин, он подготовил пятый по счету меморандум, адресованный императору, в котором предложил осуществить серьезные преобразования в сфере государственного устройства. Кан Юэй рекомендовал провести в Китае реформы по образцу преобразований Петра Великого и японского им-

ператора Мэйдзи [11, т. 2: 195]. Он писал о том, что Петр, странствуя по европейским странам и переодеваясь в простую одежду, изучал иностранный опыт и сумел в итоге усилить свое государство так, что оно стало одним из сильнейших в мире.

В своей автобиографии Кан Юэй пишет о том, что 14 января 1898 года в 3 часа дня он встретился с влиятельными членами Цзунли ямэня³: Ли Хунчжаном (один самых высокопоставленных китайских государственных деятелей конца XIX века), Вэн Тунхэ (наставник императора Гуансюя) и Жун Лу (губернатор столичной провинции Чжили), а также с Ляо Шухэном – главой уголовного приказа, и Чжан Иньхуанем – заместителем главы налогового ведомства [11, т. 4: 140]. В ходе встречи Кан Юэй изложил им свои планы реформ. Большинством из присутствовавших эти предложения были встречены весьма настороженно. Жун Лу даже воскликнул: «Нельзя изменять законы предков!» Кан Юэю пришлось обосновать свои предложения, причем не только используя, как это было принято, примеры из китайского исторического опыта, но и рассказывая о результатах преобразований в других странах, например в Японии. Он также пообещал представить в Цзунли ямэню свою «Записку о реформах российского царя Петра Великого» [11, т. 4: 141].

Идею о необходимости проведения в Китае государственных преобразований Кан Юэй развил в своем 6-м меморандуме трону [11, т. 2: 197–202], который был написан гораздо менее резким тоном, чем предыдущие, и содержал в основном предложения, сводившиеся к установлению конституционной монархии при учете и использовании иностранного опыта. Однако меморандум оказался у императора только 15 марта 1898 года после длительного бюрократического хождения по придворным инстанциям.

В 6-м меморандуме Кан Юэй высказал мнение о том, что для Китая не подходят демократический республиканский строй США и Франции и конституционное управление, установленное в Англии и Германии, как в силу удаленности этих государств от Китая, так и по причине серьезных отличий народных обычаяев и традиций. Поэтому он предлагал императору прежде всего обратить внимание на реформаторскую деятельность и идеи Петра I и опыт преобразований в Японии периода Мэйдзи. Кан Юэй писал в меморандуме: «Прошу Ваше Императорское Величество использовать решимость русского царя Петра Великого [в деле проведения реформ] как образец решимости» [11, т. 2: 199]⁴, тем самым стараясь

убедить императора уподобиться Петру и целеустремленно проводить реформы.

К седьмому меморандуму Кан Ювэй приложил свою «Записку о реформах российско-го царя Петра Великого» («Э хуан Дабидэ бянь чжэн цзи») [10]. Свое обращение к образу Петра и опыту его преобразований Кан Ювэй, в соответствии с конфуцианской традицией, сопроводил отсылками к истории Древнего Китая. Поскольку основными качествами Петра I он считал его твердость, настойчивость в достижении своей цели и то, что русский царь был готов трудиться, как обычный человек, то и сравнил его с древнекитайскими правителями, прославившимися именно подобными качествами: с легендарным императором Шунем, иньским правителем У-дином, юэским Гоуцзянем и цзиньским Вэньгуном [11, т. 2: 203]. При этом очевидно стремление Кан Ювэя вписать образ российского императора в традиционный исторический ряд и происшедшее из этого прямое сравнение Петра с идеальными правителями китайской древности. Так, он пишет о том, что «в прошлом юэский Гоуцзянь смог очень долго выжидать и настойчиво готовиться к тому, чтобы в конце концов сокрушить врага» [11, т. 2: 203]. В этом месте речь идет о Гоуцзяне – ване царства Юэ (правил в 496–465 годах до н. э.), вошедшем в историю Китая в качестве образцового государственного деятеля, упорно трудившегося для того, чтобы отомстить врагам и смыть унижение своей страны. Поскольку в записке, переданной императору вместе с меморандумом, Кан Ювэй писал о том, что Петр I вначале потерпел поражение от шведов (под Нарвой в 1700 году), а затем долго и тщательно готовился к реваншу и накапливал силы, что в итоге завершилось победой России над Швецией, то становится вполне уместным его сравнение с юэским Гоуцзянем.

Еще один исторический персонаж, которого Кан Ювэй упоминает в одном контексте с Петром, – это цзиньский Вэнь-гун (636–628 года до н. э.). Став гуном (князем), он сделал царство Цзинь очень могущественным и одержал множество военных побед, разгромив в 662 году до н. э. войска царства Чу в битве при Чэнпу, что не позволило царству Чу распространить свое влияние к северу от реки Хуанхэ. За это он получил от чжоуского вана титул ба (гегемон), то есть стал главой союзных князей. В меморандуме Кан Ювэй напоминает, что перед этим «цзиньский Вэнь-гун 19 лет странствовал, чтобы познать жизнь народа» [11, т. 2: 203]. И здесь опять же направляются прямые аналогии с тем, что Кан Ювэй знал о Петре. Он подробно описывал зарубежные поездки Петра I, в ходе которых тот

набирался опыта, изучая достижения других народов. А накопив этот опыт, русский царь сумел создать сильную армию и разбить шведов в битве под Полтавой.

По утверждению Кан Ювэя, Петр Великий, подобно древним правителям Китая, не гнушался физического труда, освоил множество наук и ремесел. Отсюда и его сравнение с одним из первых легендарных китайских императоров Шунем, жившим, согласно преданиям, в XXIII веке до н. э., который, прежде чем стать совершенномудрым правителем, трудился как простой человек, занимаясь землепашеством, гончарным делом и рыболовством. Таким же достойным историческим примером представлялся Кан Ювэю и иньский правитель У-дин (правил с 1250 по 1192 год до н. э.), который до вступления на престол жил среди простолюдинов, а в дальнейшем более полувека управлял государством, и, как гласит китайская историческая традиция, годы его царствования стали временем экономического подъема в стране и укрепления политического престижа государства. К тому же он сумел присоединить целый ряд новых территорий.

В тексте «Записки» Кан Ювэй подробно изложил основные события истории России петровского времени и важнейшие факты его биографии. Он писал, что вначале Россия была ослаблена Швецией и западные страны относились к ней с пренебрежением. По мнению Кан Ювэя, тогдашнее международное положение России было незавидным и напоминало нынешнее положение Китая. Однако в самый критический момент в России появился царь Петр, и ситуация в корне изменилась. Он реорганизовал и перевооружил армию, построил флот и провел реформу государственного управления.

Излагая биографию Петра Великого, Кан Ювэй сделал акцент на том, что молодой царь постоянно трудился и самосовершенствовался. Он подробно описал его поездку в Голландию и то, что Петр, как простой плотник, трудился на голландских верфях, овладевая навыками судостроения. По мнению Кан Ювэя, очень важно, что Петр понял необходимость создания сильного военно-морского флота и строительства портов. Кан Ювэй также обратил внимание на основание новой столицы России. Тут он приписывает Петру следующие, весьма поэтические слова: «Я перенесу сюда свою столицу. Я сделаю это место окном из России на Запад. На открытом балконе, всматриваясь вдаль, я буду следить за обстановкой в Европе. Разве это не прекрасно!» [10].

Кан Ювэй весьма подробно изложил ход Северной войны, описал успехи России и ее военные победы. Он объяснял причины победы Рос-

ции в войне против Швеции военным талантом Петра и успешно проведенными в армии реформами. В то же время Кан Ювэй остановился и на отношениях России с Турцией, упомянув о неудачном Прутском походе 1711 года. Он написал о том, как турецкие войска напали на русскую армию, которая попала в западню, и Петр был окружен. Далее была изложена известная версия о том, что супруга Петра I царица Екатерина Алексеевна пожертвовала все свои украшения, чтобы подкупить командующего турецкой армией и выторговать более выгодные условия перемирия.

Много места уделил Кан Ювэй объяснению тех причин, которые, по его мнению, способствовали успеху петровских реформ. Прежде всего это личные качества русского царя, его характер. Царь не кичился своим высоким происхождением, трудился как простолюдин, ездил за границу, чтобы освоить иностранный опыт. Он не отказывался даже учиться у своих врагов и многое (особенно в военном деле) перенял у шведов. Здесь лидер реформаторов проводил прямую параллель с ситуацией в Китае. Он призывал императора Гуансюя не отдаляться от народа, сблизиться со своими подчиненными, привлекать к государственному управлению талантливых людей, независимо от их происхождения, следя тому, что делал Петр. В данном случае отчетливо прослеживаются идеи, созвучные идеологии движения «Цин и» и направленные против господствовавшей цинской элиты.

Еще одна причина успешности и результативности реформ Петра Великого, по мнению Кан Ювэя, заключалась в том, что он «понимал требования данного момента и делал все в соответствии с волей Неба» [10]. И это было уже чисто конфуцианское объяснение достижений российского императора. Совершенный правитель был обязан постичь волю Неба и всегда следовать ей.

Естественно, возникает вопрос о том, какие источники использовал Кан Ювэй для написания биографии Петра Великого и характеристики его преобразований. Он писал в 7-м меморандуме, что был сильно разочарован, когда обнаружил почти полное отсутствие материалов о Петре на китайском языке. Поэтому ему пришлось читать переводы работ западных авторов и самому переводить с английского. Считается, что он использовал перевод на китайский язык исторического труда Роберта Маккензи «Девятнадцатый век: История», выполненный известным баптистским миссионером Тимоти Ричардом (1845–1919)⁵, а также книгу Уолтера Келли «История России»⁶ [5: 33–34]. Известно, что в 1898 году Тимоти Ричард опубликовал на китайском языке под своим китайским именем Ли Тимотай «Биографию Петра Великого», однако точно не

установлено, мог ли Кан Ювэй использовать материалы из указанной работы для написания своей «Записки о реформах российского царя Петра Великого».

Весьма позитивная оценка личности Петра I и его преобразований была дана в сочинениях другого китайского реформатора Янь Фу (1854–1921). Будучи одним из наиболее ярких представителей реформаторского движения, Янь Фу не принадлежал к ближайшему окружению Кан Ювэя в силу глубоких идейных разногласий. Летом 1898 года он направил императору Гуансюю «Послание на Высочайшее имя в десять тысяч иероглифов» и даже был удостоен императорской аудиенции, во время которой высказал свои предложения о первоочередных действиях при проведении реформ. После дворцового переворота, совершенного императрицей Цыси, Янь Фу, в отличие от большинства реформаторов, не пострадал, хотя и оставался под наблюдением.

В 1897 году он написал статью «О дружбе Китая и России» [12], направленную против противников сближения двух стран. В этой статье Янь Фу привел три довода в пользу укрепления связей с Россией: 1. Россия – первая страна в мире, направившая в Китай своих послов. 2. У России и Китая – общая граница («наши народы живут так близко, что слышны крики петухов... и относятся друг к другу как братья»). 3. На протяжении двухсот лет Россия ни разу не применила оружия против Китая.

Содержание этой статьи говорит о том, что Янь Фу так же, как и Кан Ювэй, несколько идеализировал Россию и Петра Великого. Образ Петра был необходим этому реформатору в качестве символа проведения успешных реформ и активно использовался в полемике с китайскими консерваторами. Янь Фу указывал, что Россия когда-то была еще слабее и ближе к национальной гибели, чем нынешний Китай, но смогла выйти из кризиса и добиться своего нынешнего положения только благодаря реформам Петра Великого. По мнению Янь Фу, Петр сумел осознать тот факт, что причины отсталости России были обусловлены ее изоляцией от внешнего мира, и честно признал превосходство Европы во всех вопросах, как гражданских, так и военных. Поэтому царь принял решение срочно выехать за границу для того, чтобы изучить достижения Запада, а затем их заимствовать. Явная параллель с Китаем конца XIX века была очевидна. И что было особенно важно для Янь Фу, Петр Великий придавал очень большое значение наукам и просвещению. Кроме того, Янь Фу постарался убедить читателя в том, что консервативно мыслявшие придворные пытались отговорить Петра от про-

ведения преобразований. Он явно сделал это для того, чтобы еще более сблизить описанную им ситуацию в петровской России с современным Китаем. Вывод, к которому пришел Янь Фу, был очевиден: в Китае император должен совершить то же самое, что делал Петр для того, чтобы страна стала богатой и сильной (*фу цян*). Образ Петра оставался притягательным для Янь Фу и после поражения Движения за реформы. В 1903 году он включил Петра I в составленный им перечень великих правителей [5: 55].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что в Китае в конце XIX века Петр Великий стал символом успешного проведения реформ и заимствования иностранного опыта. Образ царя-реформатора, мудрого правителя огромной страны закрепился за Петром I надолго. Популярность его образа

в среде представителей реформаторского движения в Китае была обусловлена тем, что лидеры этого движения проводили прямые аналогии между петровскими реформами и теми преобразованиями, которые было необходимо провести в Цинской империи для того, чтобы выйти из состояния глубокого социально-экономического и политического кризиса. К тому же, учитывая специфику устремлений участников реформаторского движения, следует отметить и другие привлекательные черты этого образа. Реформаторы стремились к тому, чтобы император был ближе к народу и выражал интересы более широких кругов шэнши и представителей иных сословий. Поэтому Петр I в их понимании представлялся собой образец целеустремленного и доступного для широких кругов монарха, которого отличали гибкость мышления и умение найти выход из кризисной ситуации.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 何秋涛。朔方备乘 (Хэ Цютао. Шофан бэйчэн). Б. м., 1881. 68 цюаней.

Часто название этого труда переводят как «Полное описание северных территорий». Однако академик В. С. Мясников предлагает перевodить название книги Хэ Цютао «Шофан бэйчэн» иначе: «Готовьте боевые колесницы в страну Полнощную» (Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1980. С. 9).

² Подробнее см.: Самойлов Н. А. Реформы 1898 г. в свете исторической компаративистики (К 100-летию «100 дней реформ») // В научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая: 7–9 апреля 1998 года: Краткое содержание докладов / Под ред. Н. А. Самойлова. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 68–73.

³ Цзунли ямэнъ (Цзунли гэго шиу ямэнъ) – канцелярия по управлению делами с зарубежными странами. Выполняла функции министерства иностранных дел. Этот орган существовал с 1861 по 1901 год.

⁴ Перевод этой фразы Кан Ювэя сложен и неоднозначен. По-китайски она выглядит так: 愿皇上以俄国大彼得之心为心法, что при дословном переводе должно звучать, как «Прошу Ваше императорское Величество использовать сердце русского царя Петра Великого как образец сердца». При этом необходимо учитывать, что в китайской философской мысли толкование понятия синь (心, «сердце») не соответствует нашей традиции. Это может быть «разум», «сознание», «психика», «сердцевина», «дух», «разум», «воля», «решимость», «устремленность». Данная категория традиционной китайской философии «имеет четыре основных смысла: 1) функциональный орган – средоточие сознания и психических возможностей, в том числе чувств и воли; 2) «сердцевина», квинтэссенция возможностей любой «вещи», живой и неживой, в том числе человека; 3) функции сознания, психики и познания; 4) обозначение субъективно идеального» (Китайская философия: Энциклопедический словарь / Под ред. М. Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994. С. 277). Исходя из этого нам представляется возможным в данном контексте рассматривать «синь» как «дух реформ» или как «решимость в стремлении к реформам». Именно в этом Кан Ювэй видел причину успеха петровских преобразований.

⁵ Mackenzie R. The Nineteenth Century: A History. 13th ed. London, 1891; 太西新史攬要 (Тайси синьши ланъюо). 24 цюаня. Шанхай, 1895.

⁶ Kelly W. The History of Russia. 2 vols. London, 1855.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Линь Цзэсюй. Основные сведения о Российском государстве / Пер. с кит., вступит. статья и коммент. С. Ю. Врадия. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1996. 107 с.
- Тайпинское восстание 1850–1864 гг.: Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 336 с.
- Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 246 с.
- Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1980. 360 с.
- Price D. Russia and the roots of the Chinese Revolution: 1896–1911. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1974. 304 p.
- Rankin M. “Public opinion” and political power: Qingyi in late nineteenth century China // The Journal of Asian Studies. 1982. Vol. 41. No 3 (May). P. 453–484.
- Schrecker J. The Reform Movement of 1898 and the Meiji Restoration as Ch’ing-i Movements // The Chinese and the Japanese: Essays in political and cultural interactions. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. P. 96–106.

8. Świderska M. Comparativist imagology and the phenomenon of strangeness // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2013. Vol. 15. Issue 7. P. 2–8. Available at: <https://docs.lib.psu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb> (accessed 20.02.2020).
9. 徐继畲。瀛環志略。福州, 1848. 10 卷。(Сюй Цзинь. Краткое описание морей и суш. Фучжоу, 1848. 10 цз.)
10. 康有为。俄罗斯大彼得变政记 (Кан Юэй. Записка о реформах российского царя Петра Великого). Available at: <http://www.cnthinkers.com/thinkerweb/literature/441205> (accessed 20.02.2020).
11. 戊戌变法。四册. 上海: 神州国光社, 1953. (Реформы 1898 года. Т. 1–4. Шанхай: Шэнъчжоу гохуан шэ, 1953.)
12. 严复。中俄交谊论 // 郑振铎. 晚清文选。山海, 1937. 页 679–683. (Янь Фу. О дружбе России и Китая // Чжэн Чжэнъдо. Избранные произведения позднецинского периода. Шанхай, 1937. С. 679–683.)

Поступила в редакцию 10.03.2020

Nikolay A. Samoylov, Doctor of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
n.samoylov@spbu.ru

IMAGE OF PETER THE GREAT AND IDEOLOGY OF THE REFORM MOVEMENT IN CHINA AT THE END OF THE XIX CENTURY*

The history of the occurrence of Peter the Great's image in China, the process of its sociocultural representation and adaptation, as well as the use of the image of the Russian Emperor and his transformations for the ideological substantiation of the reforms in the Qing Empire at the end of the XIX century are the aims of this study. The relevance of the article arises from the need to study the formation and development of Sino-Russian mutual images at different stages of history and in different regions, since these images and stereotypes inevitably affect the Russia-China bilateral relations. The image of Peter the Great and his reforms attracted Chinese thinkers of the XIX century greatly. The first evaluative discourse on Peter I occurred in China in the mid-nineteenth century. This was fragmentary information, mainly gleaned from randomly chosen Western sources. However, brief assessments of his activities were very positive. At that time, Peter I was seen by the Chinese thinkers as an exotic figure. At the same time, the personality of the Russian Emperor and the scale of his activities appealed to them a lot. The power of Russia achieved by the XIX century, in their opinion, was predetermined by the reforms of Peter I. It was especially noted that Peter the Great actively urged his compatriots to take lessons from foreign experience. The greatest attention to the personality of Peter the Great and his reforms was paid by an outstanding Chinese reformer Kang Youwei. For him, Peter was a symbol of extremely successful transformations to follow and learn from. At the same time, in his opinion, Peter I acted in accordance with the will of Heaven, without violating Universal Harmony. That was seen as the key to his success. Thus, in the nineteenth century China Peter the Great became a symbol of the successful implementation of reforms and the adoption of foreign experience. The image of the Emperor-Reformer, the wise ruler of a vast country remained with him for a long time.

Keywords: Peter the Great, China, Reform Movement, Kang Youwei, historical imagology

*The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-09-42018 (“Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation”).

Cite this article as: Samoylov N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. № 4. P. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

REFERENCES

1. Lin Zexu. Fundamental information about the Russian state. (S. Yu. Vradiy, Transl. into Russian, Comments, Foreword). Vladivostok, 1996. 107 p. (In Russ.)
2. The Taiping Rebellion of 1850–1864. Collection of documents. Moscow, 1960. 336 p. (In Russ.)
3. Tikhvin'sky S. L. Chinese perceptions of Russia's image. Moscow, 2008. 246 p. (In Russ.)
4. Tikhvin'sky S. L. The Reform Movement in China at the end of the XIX century. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)
5. Price D. Russia and the roots of the Chinese Revolution: 1896–1911. Cambridge (Mass.), 1974. 304 p.
6. Rankin M. “Public opinion” and political power: Qingyi in late nineteenth century China. *The Journal of Asian Studies*. 1982. Vol. 41. No 3 (May). P. 453–484.
7. Schrecker J. The Reform Movement of 1898 and the Meiji Restoration as Ch'ing-i Movements. *The Chinese and the Japanese: Essays in political and cultural interactions*. Princeton, 1980. P. 96–106.
8. Świderska M. Comparativist imagology and the phenomenon of strangeness. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2013. Vol. 15. Issue 7. P. 2–8. Available at: <https://docs.lib.psu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2387&context=clcweb> (accessed 20.02.2020).
9. 徐继畲。瀛環志略。福州, 1848. 10 卷。
10. 康有为。俄罗斯大彼得变政记 Available at: <http://www.cnthinkers.com/thinkerweb/literature/441205> (accessed 20.02.2020).
11. 戊戌变法。四册. 上海: 神州国光社, 1953.
12. 严复。中俄交谊论 // 郑振铎. 晚清文选。山海, 1937. 页 679–683.

Received: 10 March, 2020

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, ассистент кафедры японоведения Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока

Институт восточных рукописей Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vshepkin@gmail.com

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТРЕ I И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ОБРАЗА В ЯПОНИИ*

Представлены результаты исследования истории распространения первых сведений о Петре I и формирования его образа в Японии в XVIII – первой половине XIX века, выявлены предпосылки к использованию образа Петра I для популяризации идей модернизации страны по западному образцу, а также построения государства с сильной центральной властью. Определена степень влияния европейской оценки деятельности Петра I, которая могла быть заимствована японцами при переводе голландских сочинений. Установлено, что к концу XVIII века в Японии сформировался образ Петра I как выдающегося правителя, главным достижением которого стало увеличение территории страны, тем самым объяснялось внезапное появление европейской России у северных пределов Японии. На рубеже XVIII–XIX веков с возвращением в Японию побывавших в России моряков накапливаются сведения о содержательной стороне деятельности Петра. В результате пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда чиновников центрального правительства на международное положение Японии и, как следствие, недальновидной внешней политики.

Ключевые слова: Петр I, образ Петра I, образ России, история российско-японских отношений, история Японии, период Эдо, модернизация, вестернизация

Для цитирования: Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490

ВВЕДЕНИЕ

В XIX–XX веках в условиях резко возросшего военно-политического и экономического доминирования западных стран в мире многие неевропейские государства и общества столкнулись с необходимостью догоняющей модернизации. Не обошла эта участь и страны Восточной Азии, где данная проблема стала особенно актуальной после поражения Китая от Великобритании в Первой опиумной войне 1840–1842 годов. Так, в Японии именно под влиянием этого события (задолго до переворота Мэйдзи 1867–1868 годов) была предпринята первая попытка обратиться к европейскому опыту: в ходе реформ правления Тэмпо (1841–1843 годы) были начаты мероприятия по организации береговой обороны, отливке артиллерийских орудий, изучению методов ведения боевых действий и строительству паровых судов [4: 108–115]. Хотя данные реформы не получили должного продолжения, они тем не менее положили начало дискурсу о необходимости и возможных методах модернизации. Очевидно, что ее сторонникам был необходим пример другого государства, имевшего успеш-

ный опыт догоняющего развития. Таковым могла стать Россия, а именно реформы Петра I – один из наиболее ранних примеров преобразований по западному образцу. Вскоре после завершения Первой опиумной войны вассал княжества Мацуширо, а впоследствии влиятельнейший мыслитель Сакума Сёдзан (1811–1864) сложил такое стихотворение на китайском языке:

«К востоку он владения на десять тысяч верст расширил –

Всё потому, что поощрял науки, научившись у голландцев.

А в нашей же стране болтают о пустом наследники героев –

Уж сотню лет нет никого, сравнимого с Петром!»¹

Данное стихотворение может на первый взгляд удивлять осведомленностью автора о деятельности Петра, принимая во внимание распространенный образ Японии как страны закрытой для иностранцев и любой информации из-за рубежа вплоть до 1853 года. Однако в действительности еще во второй половине XVIII века, когда первые российские экспедиции стали искать торговых отношений с Японией, там стало извест-

но о соседстве Российской империи на севере и началось ее изучение. В этом свете написанное спустя полвека стихотворение можно назвать не только неудивительным, но и вполне типичным для интеллектуальной элиты Японии середины XIX века с точки зрения оценки деятельности Петра и использования его образа.

Приступая к изучению образа Петра I в Японии в прошлом и настоящем, мы считаем необходимым рассмотреть историю проникновения первых сведений о российском правителе в эту страну в XVIII–XIX веках и формирования основ его образа как успешного реформатора, способного выступить примером для похожих преобразований в Японии второй половины XIX века. Основными для нас послужили следующие источники: ежегодные «Записи об услышанном» и другие отчеты, направлявшиеся голландцами центральному правительству Японии; сочинения японских ученых о России или странах мира, опиравшиеся на данные голландских книг; сочинения японских ученых о России, опиравшиеся на данные побывавших в России японских моряков; свидетельства участников российских экспедиций о взаимодействии с японскими чиновниками и учеными.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РОССИИ И ПЕТРЕ I В ЯПОНИИ XVIII ВЕКА

На данный момент наиболее ранним упоминанием России в Японии считается сочинение Нисикава Дзёкэн «Исследование торговых сношений Китая и варваров» 1695 года, однако сам автор называл его незаконченным черновиком, а оригинальным текстом считал исправленное и дополненное издание 1708 года². В нем «Московия» описывается как «большая и холодная страна к востоку от Голландии», с обычаями, «напоминающими голландские», и людьми, которые «состязаются в храбрости и силе» и «держат злых собак» [5: 73–74]. Приводятся сведения о Царь-колоколе и Царь-пушке, а также о товарах, которыми Россия торгует. Возможно, уже в этом, первом в Японии небольшом тексте о России мы находим сведения о Петре I, хотя и без упоминания его имени: говоря о государственном строе, автор пишет, что в этой стране «один лишь государь старается в учении, а вельможам и прочим учиться запрещено» [5: 73–74]. Вкупе с характеристикой обычаяев как «напоминающих голландские» можно предположить, что речь идет именно о Петре. Если это так, Нисикава Дзёкэн для своего труда пользовался самыми новыми на тот момент голландскими трудами по географии.

В голландских «Записках об услышанном» сведения о России начинают появляться с 1705 года. За годы правления Петра I (1682–1725) «Записки об услышанном» упоминали о России лишь трижды: в 1705 году – о начале «большой войны» с участием Московии, Швеции, Польши и Дании (Северной войны), в 1712 году – о вступлении в войну Турции на стороне шведов и в 1713 году – о «перемирии», заключенном при посредничестве Голландии и Англии (Адрианопольский мирный договор). Сам Петр ни в одном из сообщений не упоминается [5: 253–260].

Невзирая на объем и характер этих самых ранних сведений, следует учитывать, что вплоть до 1770-х годов ни власти, ни интеллектуалы Японии не проявляли интереса к России, поскольку все эти немногочисленные упоминания не давали как минимум представлений о ее реальном географическом положении относительно Японии. А если кто-то из японцев и обратил бы внимание на эти сведения, то составил бы представление о России как об одной из многих подобных друг другу европейских стран.

Однако на рубеже 1770–1780-х годов произошли события, заставившие ученых, а затем и власти Японии осознать кардинальные изменения в мироустройстве, затронувшие и ближайшие к их стране земли³. В 1778 году члены российской экспедиции под руководством И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина, находившейся с 1775 года на Урале, приехали на северо-восточную оконечность Хоккайдо, где встретились с чиновниками Мацуумаэ, самого северного княжества Японии, в чьем ведении находилась торговля с айнами – коренным населением Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина. Передав подарки властям княжества и сообщив о желании установить регулярные торговые отношения, русские пообещали вернуться через год для продолжения переговоров. Однако во время встречи в 1779 году японские чиновники ответили, что вести торговые отношения напрямую они не могут и предложили обмениваться товарами через курильских айнов, имевших контакты как с русскими, так и с японцами⁴.

Сведения о визитах русских, а также о возможной нелегальной торговле между ними и японцами из Мацуумаэ уже в 1780 году достигли японской столицы Эдо. Кудо Хэйсукэ (1734–1801), врач княжества Сэндай, по совместительству представлявший интересы людей в суде, в рамках одного дела познакомился с выходцем из Мацуумаэ и услышал от него о совершенно неизвестной для себя стране. Заинтересовавшись этим вопросом, Кудо Хэйсукэ обратился к гол-

ландским и китайским книгам и в результате написал первое в Японии сочинение, полностью посвященное России, – двухтомник «Изучение сведений о Камчатке» (в некоторых списках – «Изучение сведений о красных айнах»⁵).

Первый том своего сочинения Кудо Хэйсукэ начинает с изложения сведений о Камчатке и России, полученных от людей из Мацуэ. Далее он сопоставляет их с информацией от голландцев и переводчиков из Нагасаки и на основе этого предполагает желание русских начать торговлю с Японией. Он рассуждает о перспективах торговли с Россией, возможном освоении земель айнов, прежде всего Хоккайдо, и использования их ресурсов для торговли [10: 8–13]. Второй том «Изучения сведений о Камчатке» составили переведенные с голландского языка сведения о России из двух европейских книг: «География» Иоганна Гюбнера и «Описание России» Яна Райца. Переводы Кудо Хэйсукэ снабдили комментариями. Одним из основных вопросов, волнующих автора, является причина, по которой приплывающие с Камчатки люди говорят, что их страна называется Россия. Далее, основываясь на вышеуказанных сочинениях, он приводит общие сведения о Камчатке, России, российских правителях от Алексея Михайловича до Екатерины II, об истории российской экспансии от завоевания Тобольска в 1550 году до основания Оренбурга в 1735-м. Завершается второй том сведениями о русском алфавите, по-видимому, на основе записанной участниками той же экспедиции японской азбуки *ироха* русскими буквами, а также о российских товарах [10: 14–20].

Отдельно следует сказать о картах, приложенных к сочинению. На одной из них помечены остров Хоккайдо и прилегающие к нему земли: север Хонсю, Курильские острова, Сахалин, южная оконечность Камчатки. На второй карте изображены Евразия и Африка с прилегающими к ним островами, причем красной линией обозначены границы всех территорий, входящих в состав России. Сам Кудо Хэйсукэ в сопроводительном тексте назвал эту карту «пояснительной иллюстрацией, показывающей размеры территории от России до Камчатки и Сахалина» [9: 2–7]. Данная карта олицетворяет испытанное японцами конца XVIII века потрясение: обширные земли от далекой Европы до северных пределов их собственной страны составляют одно государство – Россию. Этот факт станет для них, пожалуй, важнейшим географическим открытием того времени, а вскоре и важнейшей составляющей образа России, зrimым свидетельством мощи Запада, гораздо более действенным,

чем любой военный корабль в японских водах. Основные же заслуги в деле распространения власти России на обширные земли были отданы Петру I (вопреки тому факту, что Сибирь вплоть до побережья Тихого океана была включена в состав России еще до его рождения).

О Петре I Кудо Хэйсукэ пишет во втором томе своего труда, опираясь на упомянутые выше европейские сочинения. Он называет Петра «мудрым правителем-божеством, начавшим возрождение страны» и «человеком, вершившим великие дела». Кудо Хэйсукэ отмечает, что Россия

«уже за несколько поколений до него была монархией, но его заслуги были столь велики, что ему был дарован новый титул... Отец Отечества, Великий Император Всероссийский» [5: 283–284].

Он рассказывает об основных вехах правления Петра – войнах со Швецией, основании Петербурга, расширении торговли на Каспийском море и Тихом океане. В заключение он пишет, что

«Петр оставил огромное множество завещаний и наставлений, и все его потомки следуют им, и с тех пор дела управления процветают», а после его смерти «весь народ [скорбен], словно потерял собственного родителя» [5: 283–286].

Как видно из этого краткого обзора, опираясь при описании деятельности Петра на европейские сочинения, Кудо Хэйсукэ вольно или невольно позаимствовал также все эпитеты и высокие оценки, адресованные российскому правительству. Создание «петровского мифа» – превознесение Петра как образцового императора, а периода его правления как «золотого века» – началось в России по крайней мере в правление Елизаветы Петровны, если не в правление самого Петра, и было активно поддержано в странах Европы [3]. Неудивительно, что и в Японии первые сведения о Петре были окрашены в соответствующие тона.

Второй том «Изучения сведений о Камчатке» был написан в 1781 году. Предисловие к сочинению датируется 1783 годом, тогда же, по-видимому, был написан и первый том. Кудо Хэйсукэ дальневидно не публиковал свое сочинение, а передал его своему знакомому, высокопоставленному чиновнику *бакуфу* Мацуумото Хидэмоти, который преподнес рукопись фактическому главе правительства Танума Окицуцу (1719–1788). Тот, ознакомившись с рассуждениями Кудо Хэйсукэ, принял решение об отправке на Хоккайдо и Курильские острова первой официальной экспедиции, в том числе с целью изучения перспектив торговли с Россией. Хотя эта инициатива не получила продолжения после

отставки Танума в 1786 году, «Изучение сведений о Камчатке» стало отправным документом в деятельности центрального правительства, связанной с Россией, – впоследствии к нему будут обращаться многие официальные лица [9: 2–7].

Благодаря широкому кругу знакомств Кудо Хэйсукэ во властной и интеллектуальной элите Японии о содержании «Изучения сведений о Камчатке» стало известно многим ее представителям. В то же время вплоть до 1790-х годов, когда начались первые официальные контакты, а также впервые смогли вернуться японские моряки, побывавшие в России, в силу ограниченности информации описания России и Петра I могли приобретать весьма специфические формы. Для иллюстрации приведем сведения из сочинения Хаяси Сихэй (1738–1793) «Общий обзор трех стран» 1785 года. Хаяси был близким другом Кудо Хэйсукэ и многие сведения о России получил от него, но в то же время он неоднократно бывал в Нагасаки, где общался с главой голландской фактории Арендом Виллемом Фейтом (1745–1782), о чем он упоминает в своем сочинении [12: 43]. В отличие от Кудо Хэйсукэ Хаяси Сихэй опубликовал свое сочинение, благодаря чему оно широко распространилось по Японии, а несколько экземпляров еще в конце XVIII века даже попали в Европу и Россию [5: 214–219]. Приведем здесь отрывок из сочинения Хаяси Сихэй полностью:

«В годы Камбун по японскому исчислению (1661–1672 годы по европейскому. — В. Щ.) императрица Московии, что в Европе, изъявила намерение, достойное великого и храброго человека, объединить под властью одного императора все пять континентов. Она установила порядок и отдала приказы, гласящие о том, чтобы дети и внуки, будущие после нее, не меняли ее порядка, продолжали увеличивать территорию страны, и чтобы подвиг стал величайшим делом. В этом она видела предназначение императора. После этого день за днем и месяц за месяцем на посты назначались способные люди, постепенно они захватили земли вплоть до севера Татарии, и, в конце концов, в годы Гэмбун по японскому исчислению (1736–1741 годы по европейскому. — В. Щ.) дошли до крайней восточной точки, мыса Камчатки. Теперь Московия простирается на три тысячи японских ри» [12: 35–36].

На первый взгляд, Хаяси Сихэй пишет не о Петре I, а о некой императрице. Известно, что члены российской экспедиции, в 1778–1779 годах посещавшие Хоккайдо, сообщали японцам о Екатерине II и даже показывали ее портрет – выполненная японцами копия сохранилась в архиве префектуры Гифу в составе документов торгового дома Хидая Кюбээ, работники которого наряду с чиновниками Манумаз встречались тогда с русскими [6: 123]. Писал о Екатерине II и Кудо

Хэйсукэ, причем именно как о нынешней правительнице, не приводя сведений о ее деятельности, но отмечая, что по слухам она «умный и справедливый правитель» [5: 287]. Какие-то сведения о Екатерине II Хаяси Сихэй, возможно, почерпнул из бесед с Арендом Фейтом во время пребывания в Нагасаки. Так или иначе, Хаяси пишет именно об «императрице Московии», вероятно, имея в виду свою современницу Екатерину II, но перенося ее деятельность более чем на столетие назад и приписывая те же заслуги, что Кудо Хэйсукэ относил к Петру I.

Как бы то ни было, по двум приведенным описаниям Кудо Хэйсукэ и Хаяси Сихэй мы видим, что уже в 1780-х годах, до начала первых официальных контактов, в Японии начинает формироваться представление о том, что около ста лет назад в России правил выдающийся государь, главным достижением которого было необычайное увеличение территории страны, при этом о самой его деятельности сообщалось еще крайне мало. Переломным событием стало прибытие в 1792 году миссии Адама Лаксмана: с этого времени связанные с Россией дела переплыли в ведение центрального правительства страны – бакуфу, поэтому и сбор информации стал вестись на качественно другом уровне, а вернувшиеся на родину японские моряки стали ценным источником обширных и достоверных знаний о северном соседе.

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ПЕТРА I В ЯПОНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Прибытие в Японию российской миссии А. Лаксмана в 1792–1793 годах вызвало всплеск интереса к России как в правительственные кругах, так и среди интеллектуальной элиты. Слухи о возможном приезде русских просочились через айнов, и еще в 1791 году исследователь северных земель Могами Токунаи (1754–1836) сообщил их правительству [11: 453–454]. По-видимому, в этой связи в начале 1792 года у голландской фактории в Нагасаки были запрошены голландские издания географических словарей И. Гюбнера, а также направлены для перевода документы на русском языке, еще в 1786 году полученные Могами Токунаи от русских во время его поездки на Итуруп (хотя они и не были в итоге переведены) [8: 63–64]. Практически сразу после получения сообщения о прибытии экспедиции Лаксмана у голландской фактории были также запрошены карта и описание России. После отъезда Лаксмана из Хакодатэ сбор центральным правительством информации о России заметно активизировался.

Доставленные русскими японские моряки Дайкокуя Кодаю (1751–1828) и Исокити (1766–1838) получили аудиенцию у сэгуна Токугава Иэнари, во время которой они ответили на вопросы о своем пребывании в России⁶. Протокол беседы вел придворный врач Кацурагава Хосю (1751–1809). Позже он дополнил полученные от Кодаю сведения информацией из голландских сочинений и составил труд «Краткие вести о скитаниях в северных морях» (яп. «Хокуса бунряку»). Таким образом голландские книги оставались ценным источником. Так, тот же Кацурагава Хосю в 1793 году составил «Описание России» (яп. «Росиаси») на основе голландского перевода «Всеобщей географии» немецкого ученого И. Гюбнера. Известный специалист по голландским наукам Маэно Рётаку (1723–1803) использовал «Описание России» голландского ученого Яна Райца для составления «Кратких основных записей о России» (яп. «Росиа хонгиряку»), представлявших собой хронологию правления российских государей. Это были те же тексты, которыми пользовался и Кудо Хэйсукэ более чем за десять лет до того, однако, будучи дополненные свидетельствами японских моряков, они приобретали куда большую информативную ценность. Рассмотрим данный вопрос на примере сведений о Петре I в сочинении Кацурагава Хосю «Краткие вести о скитаниях в северных морях».

В 4-й главе, опираясь на «Географию» Гюбнера, Кацурагава пишет, что

«в старые времена жители [России] были очень дикими и свирепыми [...] знаниями же истины обладали лишь весьма немногие», но «лет сто с лишним тому назад царем [этого государства стал] человек по имени Петр Алексеевич», который «отличался добродетелью и очень обширными знаниями, был выдающимся воином и героем [...] объединил обширные земли, проложил много водных путей, развел связи [с другими странами] и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны» [2: 99].

Кроме того, он

«пригласил известных ученых-наставников из других стран, открыл в различных местах школы, стал обучать в них людей своей страны [различным] наукам: от арифметики и азбуки до вершин всех видов искусств и техники» [2: 99].

В итоге Петр «добился изменения всех дурных старых обычаяев и привычек, даже нравов, языка и одежды и изо дня в день улучшал управление страной» [2: 99]. Далее Кацурагава пишет, что еще с XVI века русские правители назывались царями, а государство стало постепенно усиливаться, но «особенно громкой слава [России] стала при Петре» [2: 100].

«...Россия и в военном отношении становилась все более и более могущественной» и «присоединила огромные территории [...] простирающиеся от пустыни Гоби и вдоль Северного Ледовитого океана до пролива Аниан, образующего границу с Американским континентом» [2: 100].

Таким образом, Россия «сейчас стала самым большим в мире государством» [2: 99–100]. Далее, в 5-й главе Кацурагава говорит о Петре, что «обладая проницательным умом», тот «ввел новые законы и произвел реформы всего, что было принято исстари, вплоть до обычаяев, одежды, этикета и языка». После этого «в стране установленлся порядок, и многие из ближайших государств изъявили [ему] покорность». Таким образом «земли расширялись, страна богатела, народ благоденствовал», а «население так признательно этому государю за благодеяния, что до сих пор почитает [его], будто основателя государства» [2: 135]. В заключение Кацурагава сделал замечание, которое как ничто другое подчеркивало роль Петра в преобразовании России в могущественное государство. По его словам, Дайкокуя Кодаю, когда был в России, «пытался расспрашивать о том и о сем, но что было до Петра, так ничего и не смог узнать» [2: 135].

Как видно, в отличие от Кудо Хэйсукэ и Хаяси Сихэй, Кацурагава Хосю подробно пишет не только о результатах, но и о содержании деятельности Петра I: установление связей с другими странами, развитие торговли, приглашение ученых из других стран, учреждение учебных заведений, распространение науки и техники, изменение дурных обычаяев прошлого, одежды, этикета, языка. Забегая вперед, отметим, насколько все это перекликается с тем, что будет происходить в Японии в период правления императора Мэйдзи (1868–1912).

Особая роль Петра I в истории России и его почти божественный статус могли подчеркиваться в глазах японцев и еще одним фактом: ему был установлен бронзовый памятник в центре Петербурга – «Медный всадник». Дайкокуя Кодаю стал первым японцем, увидевшим его собственными глазами и сообщившим о нем своим соотечественникам – подробное описание памятника приводится в труде Кацурагава Хосю [2: 119–120]. В Японии с глубокой древности скульптура была сугубо буддийским искусством: каменные и медные изваяния будд и бодхисаттв можно было встретить повсюду. Но памятник человеку, пусть даже правителю, – для японцев XVIII века это было подлинно удивительным фактом. Неслучайно, что при описании памятника Кодаю приводит легенду о том, как Петр на коне одним своим видом усмирил ядовитую

змею, жившую на месте современного Петергофа и наносившую много вреда людям, а затем и растоптал ее. Завершается описание показательной фразой: «Многие из соседних народов, услышав о божественном могуществе Петра, стали один за другим изъявлять ему свою покорность» [2: 120]. Кроме того, Кодою получил от Екатерины II золотую медаль, на одной стороне которой был изображен портрет императрицы, а на другой – памятник Петру, так что он мог показать изображения российских государей другим японцам.

После визита экспедиции А. Лаксмана активность России и других европейских держав в окрестностях Японии стала только возрастать. В 1795 году была основана российская фактория на Урупе ввиду возможного начала торговли с Японией. В 1796–1797 годах гавани о. Хоккайдо посетила британская экспедиция У. Броутона. В 1804–1805 годах в Нагасаки прибыло очередное российское посольство во главе с Н. П. Резановым, однако, получив отказ, он инициировал нападения на японские поселения на Сахалине и Курильских островах, предпринятые Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым в 1806 и 1807 годах. В 1808 году в Нагасаки вошло британское судно «Фаэтон» с намерением арестовать голландцев – в разгаре были наполеоновские войны. В 1811 году в отместку за нападения Хвостова и Давыдова японцы пленили у о. Кунами российского капитана В. М. Головнина и его спутников и удерживали их более двух лет.

На этом фоне центральное правительство активизировало сбор информации о странах мира и стало поощрять изучение европейских наук. Это превратило зародившиеся в предшествующие десятилетия «голландские науки» (яп. *рангаку*) в передовое интеллектуальное течение Японии. В 1811 году в Эдо при астрономическом ведомстве было учреждено специальное подразделение по переводу голландских книг. Пользуясь нахождением в плену Головнина и его спутников, правительство инициировало изучение и русского языка. Развивались «голландские науки» и на уровне княжеств, особенно самых крупных или приближенных к центральному правительству: Сацума, Сэндай, Мито, Мацуисиро и др. Все это породило широкую информационную сеть, объединявшую чиновников *бакуфу* и княжеств, ученых, врачей, переводчиков, голландцев и позволявшую быстро обмениваться книгами, рукописями, сведениями и слухами.

Что касается Петра I, то после сочинения Кацурагава Хосю его образ оставался в целом неизменным, а сведения о его деятельности едва ли могли качественно пополниться или обнов-

виться. Власти и ученые Японии были в большей степени заинтересованы сбором информации о России, и это им в основном удавалось. К примеру, главы о пребывании в Японии из «Журнала плавания вокруг света» Крузенштерна были переведены на японский язык с голландского в 1818 году, а «Записки о приключениях в плену у японцев» Головнина – в 1825-м. Однако в 1830-е годы мы наблюдаем уже некоторые новые тенденции в бытования образа Петра I. Во введении мы уже приводили стихотворение Сакума Сёдзан, написанное в это время. Обратимся также к еще одной значимой фигуре в интеллектуальной жизни Японии рубежа 1830–1840-х годов.

В 1839 году, незадолго до начала Первой опиумной войны в Китае, старший вассал княжества Тавара и известный поборник «голландских наук» по имени Ватанабэ Кадзан (1793–1841) по просьбе чиновника центрального правительства Эгава Хидэтацу (1801–1855) составил «Записку о положении дел в зарубежных странах» (яп. «*Гайкоку дзидзёсё*»). В ней он, опровергая мнение, что Поднебесная всегда остается Поднебесной, а варвары – варварами, писал:

«Россия была самой северной из всех северных стран, однако в ней появился великий правитель по имени Пётр, который захватил земли шириной семьсот или восемьсот *ри*, а протяженностью – три тысячи *ри* от Швеции на западе до Сибири, что граничит с восточными землями айнов. Во всех этих землях он проложил дороги, построил станции, прорыл каналы, пустил по ним корабли, отыскал товары, наладил торговлю, освоил дикие леса и равнины, основал новую столицу, учредил академию, обучил народ, принял в подданство из других стран 201 тысячу 357 человек, создал школу для изучения военных и словесных наук, подготовил кадры, одержал победы в нескольких десятках больших войн и создал величайшую в мире империю. Все это было сделано в правление одного только Петра! Он почил в 1725 году, то есть в 10-м году правления Кёхо» [7: 61–62].

Сведения о деятельности Петра примерно те же, что содержались в сочинении Кацурагава Хосю четырьмя десятилетиями ранее. Однако теперь пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда на международное положение Японии, который был свойствен столь многим в кабинетах центрального правительства. Ватанабэ Кадзан пал жертвой гонений спустя всего два года после того, как написал эти строки, – в самый разгар Первой опиумной войны. Однако спустя еще десятилетие, когда угроза Запада станет как никогда явной, взгляды таких людей, как Ватанабэ Кадзан или Сакума Сёдзан, наконец широко распространятся среди молодого поколе-

ния патриотично настроенных самураев и позволяют им в итоге захватить власть в стране, возведя на трон своего Петра – императора Мэйдзи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы смогли увидеть, в «закрытой» Японии периода Токугава распространение сведений о Петре I и формирование его образа шли бок о бок с развитием российско-японских отношений и под влиянием осознанияластной и интеллектуальной элитой страны своего международного положения, особенно в конце XVIII – первой половине XIX века. Созданная еще в середине XVII века, пусть и для других целей, система сбора информации позволила в изменившихся

условиях довольно быстро получить сведения о новой для японцев стране, а вскоре и наладить сбор информации о ней и других странах на регулярной основе. Фигура Петра I легко объясняла японцам внезапное появление на мировой арене нового могущественного государства, чьи разные поражали воображение и внушали опасения за северные пределы собственной страны. А в ситуации, когда с началом Первой опиумной войны в Китае потенциальный враг оказался у самых ворот, наиболее дальновидные японские интеллектуалы начали использовать образ Петра I в качестве иллюстрации возможности и необходимости перемен и реформ и даже возможной модели для них.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Данное стихотворение присутствует на собственноручном свитке Сакума Сёдзан «Шесть стихов о разных чувствах», хранящемся в Музее дома Санада в г. Мацуциро (преф. Нагано, Япония).
- ² 西川求林斎. 増補華夷通商考 // 日本經濟叢書. 第5卷. 東京: 日本經濟叢書刊行会, 1914. 208頁. (Нисикава Кю:ринсай. Дополненное исследование торговых споншений Китая и варваров // Японская экономическая библиотека. Т. 5. Токио, 1914. С. 208).
- ³ Подробнее об этом см. [5: 84–105].
- ⁴ Полонский А. С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 461.
- ⁵ «Красные айны» (яп. акаэдзо) или «красные люди» (яп. акахито) – распространенное название русских в Японии в конце XVIII века. Является калькой с айнского «фуресямо», что также означало «красные люди» и использовалось курильскими айнами для названия русских по цвету их красных суконных одежд.
- ⁶ Подробнее о роли Дайкоюя Кодаю в распространении сведений о России в Японии см.: [1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караташов К. М. Жизнь и судьба Дайкоюя Ко:даю: после возвращения в Японию // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 385–398.
2. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса Монряку») / Пер. с японского, comment. и прилож. В. М. Константина; Отв. ред. В. Н. Горегляд. М.: Наука, 1978. 472 с.
3. Стенник Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии. СПб.: Наука, 2006. С. 3–50.
4. Толстогузов С. А. Сёгунат Токугава в годы Тэмпо. Антикризисная политика и реформы в Японии. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 158 с.
5. Щепкин В. В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII века. М.: Кругъ, 2017. 392 с.
6. Skunko Marie-Christine, Takigawa Yuko. Scientific relations between Sweden, Russia and Japan in the 1790s: Two letters from Eric Laxman // Svenska Linnésällskapets Årsskrift. 2018. P. 99–138.
7. 渡辺峯山. 外国事情書 // 峰山・長英論集. 東京: 岩波書店, 1978. 398頁 (Ватанабэ Кадзан. Записка о положении дел в зарубежных странах // Сборник сочинений Ватанабэ Кадзан и Такано Тёэй. Токио: Иванами сётэн, 1978. 398 с.)
8. 横山伊徳. 開国前夜の世界 (日本近世の歴史第5巻). 東京: 吉川弘文館, 2013. 383頁 (Ёкояма Ёсинори. Мир накануне открытия страны. Токио: Ёсикава кобункан, 2013. 383 с. (Серия «История Японии в период Токугава». Т. 5))
9. 岩崎奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 77頁 (Ивасаки Наоко. Исследование «Акаэдзо фусэцуко»: Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг. Киото: Кё:то дайгаку, 2009. 77 с.)
10. 工藤平助. 加模西葛杜加国風説考 // 岩崎奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 8~20頁 (Кудо. Изучение сведений о Камчатке // Ивасаки Наоко. Исследование «Акаэдзо фусэцуко»: Отчет о результатах исследования по научно-исследовательскому гранту на 2006–2008 гг. Киото, 2009. С. 8–20.)
11. 最上徳内. 蝦夷草紙後編 // 北門叢書. 第3巻. 東京: 国書刊行会, 1972. 447~479頁 (Могами Токунаи. Продолжение Айнских тетрадей // Библиотека Севера. Т. 3. Токио: Кокусё какинко:кай, 1972. С. 447–479.)

12. 林子平. 三国通覧図説 // 新編林子平全集. 第2巻. 地理. 東京: 第一書房, 1978. 15~80頁 (Хаяси Сихэй. Общий обзор трех стран с приложением карт // Новое полное собрание сочинений Хаяси Сихэй. Т. 2. География. Токио: Дайити сёбо, 1978. С. 15–80.)

Поступила в редакцию 02.04.2020

Vasilii V. Shchepkin, PhD in History, Saint Petersburg State University,
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
vshepkin@gmail.com

EARLY INFORMATION ABOUT PETER I AND SHAPING OF HIS IMAGE IN JAPAN*

This article presents the results of the study on how early information about Peter I spread in Japan and how it influenced the shaping of his image in this country during the XVIII and the first half of XIX centuries. The image of Peter I could be used for popularization of the ideas of modernization of Japan according to the Western models, as well as for building a modern nation state with strong central power. The degree of influence of the European assessment of the activities of Peter I, which could be borrowed by the Japanese in their translations of the Dutch works, is also under estimation. It was found that by the end of the XVIII century, the image of Peter I as an outstanding ruler had formed in Japan, with his main achievement being the expansion of the country's territory, after which European Russia suddenly shared a border with northern Japan. At the turn of the XIX century, with the return of the Japanese sailors who had visited Russia back home, information about the contents of Peter's activities started accumulating. As a result, the example of Peter and his transformations in Russia started being used to covertly criticize the rigid views of central government officials on the international position of Japan and their resulting short-sighted foreign policy.

Keywords: Peter I, image of Peter I, image of Russia, history of Russia-Japan relations, history of Japan, Edo period, modernization, westernization

*The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No 20-09-42018 ("Image of Peter the Great in East Asia: Sociocultural Interpretation and Adaptation").

Cite this article as: Shchepkin V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490

REFERENCES

1. Kartashov K. M. Life and destiny of Daikokuya Kodayu after his return to Japan. *History and Culture of Japan*. Issue 12. Moscow, 2020. P. 385–398. (In Russ.)
2. Katsuragawa Hoshū. Brief news about wandering in the northern seas ("Hokusa Monryaku"). (V. M. Konstantinov, Transl. from Japanese, Comments, Appendices). Moscow, 1978. 472 p. (In Russ.)
3. Stennik Yu. V. Peter I in Russian literature of the XVIII century. *Peter I in Russian literature of the XVIII century: Texts and comments*. St. Petersburg, 2006. P. 3–50. (In Russ.)
4. Tolstoguzov S. A. Tokugawa shogunate in the Tempo years. Anti-crisis policy and reforms in Japan. Saarbrücken, 2013. 158 p. (In Russ.)
5. Shchepkin V. V. Wind from the north: Russia and Ainu in the XVIII century Japan. Moscow, 2017. 392 p. (In Russ.)
6. Skunko Marie-Christine, Takigawa Yuko. Scientific relations between Sweden, Russia and Japan in the 1790s: Two letters from Eric Laxman. *Svenska Linnéållskapets Årsskrift*. 2018. P. 99–138.
7. 渡辺翠山. 外国事情書 // 翠山・長英論集. 東京: 岩波書店, 1978. 398頁
8. 横山伊徳. 開国前夜の世界(日本近世の歴史第5巻). 東京: 吉川弘文館, 2013. 383頁
9. 岩崎奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 77頁
10. 工藤平助. 加模西葛杜加国風説考 // 岩崎奈緒子. 赤蝦夷風説考の研究 // 平成18~20年度科学研究費補助金研究成果報告書. 京都: 京都大学, 2009. 8~20頁
11. 最上徳内. 蝦夷草紙後編 // 北門叢書. 第3巻. 東京: 国書刊行会, 1972. 447~479頁
12. 林子平. 三国通覧図説 // 新編林子平全集. 第2巻. 地理. 東京: 第一書房, 1978. 15~80頁

Received 2 April, 2020

16 апреля 2020 года исполнилось 80 лет археологу, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, члену редколлегии нашего журнала *Светлане Ивановне Кочкуркиной*.

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

К 80-летию со дня рождения

В Карелии вряд ли найдется место, где не слышали бы об археологе С. И. Кочкуркиной. Окончив с отличием исторический факультет Петрозаводского университета, она поступила в целевую аспирантуру Института археологии АН СССР в Москве, по окончании которой в 1969 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Приладожье в X–XIII веках». Данные обширных разведывательных работ в Приладожье от Приозерского района Ленинградской области до Олонецкого района в Карелии и обобщение материалов, накопленных в процессе раскопок городищ Тиверска и Паасо, легли в основу докторской диссертации С. И. Кочкуркиной, защита которой состоялась в 1985 году.

Научная деятельность С. И. Кочкуркиной сыграла определяющую роль в формировании археологии средневековой Карелии как направления. Именно благодаря ее многолетним исследованиям мы знаем древнейшую историю своего края, а коллеги-профессионалы имеют возможность знакомиться с материалами археологических раскопок средневековых памятников Карелии и смежных территорий – Ленинградской и Вологодской областей. В своей научной деятельности Светлана Ивановна не изменяет разностороннему подходу, сочетающему глубокий анализ отдельных категорий древностей в свойственных вещеведению традициях с исследованиями обобщающего характера, отличающимися полнотой тематического спектра. Колossalный исследовательский потенциал – далеко не единственная уникальная черта Светланы Ивановны. Более 35 лет она заведует сектором археологии Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (в ИЯЛИ КарНЦ РАН она пришла в 1962 году). За это время С. И. Кочкуркина вырастила трех аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации. В настоящее время она входит в состав Научно-экспертного Совета по историко-культурному наследию при Министерстве культуры РК, является действующим членом Ученого совета ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ее авторству принадлежат более 150 научных работ, 20 из которых – монографии.

С. И. Кочкуркина – заслуженный деятель науки РК и РФ. В 2011 году она награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 2019 году за большой личный вклад в изучение древней истории города Олонца, сохранение культуры и традиций карелов С. И. Кочкуркиной присвоено звание «Почетный гражданин города Олонца».

От всей души поздравляем Светлану Ивановну с юбилеем и желаем долгих лет жизни и успешной работы!

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Feklova T. Yu.</i>	
		AWARDS OF THE SAINT PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES.....	63
ARCHEOLOGY			
<i>Shakhnovich M. M.</i>		<i>Martysevich A. P.</i>	
MUEZERSKY TRINITY MONASTERY IN THE WESTERN WHITE SEA REGION: THE ARCHAEOLOGICAL ASPECT	8	SOVIET-FINNISH WAR: MATERIAL AND TECHNICAL SUPPORT OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED ARMY DURING MILITARY ACTIONS	72
WORLD HISTORY			
<i>Kopaneva D. D.</i>		CELEBRATING 350 YEARS SINCE THE BIRTH OF PETER THE GREAT	
RUSSIAN-PERSIAN NEGOTIATIONS OVER FINANCIAL HELP DURING THE REIGN OF MIKHAIL FYODOROVICH ROMANOV: HISTORY, PATTERNS, OUTCOMES.....	19	<i>Anisimov E. V.</i>	
<i>Kharitonova A. M.</i>		PETER THE GREAT ON GOD, DISEASE AND MINERAL WATER	79
SIAM THROUGH THE EYES OF A RUSSIAN DIPLOMAT (INVESTIGATING GEORGIY PLATONOV'S PERSONAL DIARIES).....	27	<i>Schwarz I.</i>	
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH			
<i>Kamenev E. V.</i>		"THE FOREMAN DEIGNED TO GO TO TEPLICE" (PETER THE FIRST'S SOJOURN AT BADEN RESORT NEAR VIENNA IN THE SUMMER OF 1698) ...	86
ANTI-COSMOPOLITAN CODE IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF DECEMBRISM	34	<i>Minaeva T. S.</i>	
RUSSIAN HISTORY			
<i>Dianova E. V.</i>		IRON EXPORT ORGANIZATION IN RUSSIA DURING THE REIGN OF PETER THE GREAT.....	93
IMPLEMENTATION OF THE METRIC REFORM IN KARELIA	43	<i>Pashkov A. M.</i>	
<i>Kurenkov G. A.</i>		PETRINE MARCIAL WATERS RESORT IN THE PERCEPTION OF FOREIGN CONTEMPORARIES ..	99
PROTECTION OF MILITARY SECRETS AGAINST ESPIONAGE AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR	54	<i>Samoylov N. A.</i>	
		IMAGE OF PETER THE GREAT AND IDEOLOGY OF THE REFORM MOVEMENT IN CHINA AT THE END OF THE XIX CENTURY.....	107
		<i>Shchepkin V. V.</i>	
		EARLY INFORMATION ABOUT PETER I AND SHAPING OF HIS IMAGE IN JAPAN.....	115
Anniversaries			
		Celebrating the 80th birthday anniversary of S. I. Kochkurnina.....	123

Ф. В. Берхгольц

ДНЕВНИК КАМЕР-ЮНКЕРА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА БЕРХГОЛЬЦА 1721–1726

Молодой голштинский дворянин Ф. В. Берхгольц прибыл в 1721 г. в Россию в свите герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и оставался здесь до 1727 г., когда герцог, женившись на дочери Петра I принцессе Анне, отбыл на родину. Все это время Берхгольц вел подробный дневник, описывая в нем жизнь царского двора и аристократических кругов. Не касаясь высокой политики, дневник является уникальным историческим источником. Специально для этого издания была уточнена датировка Дневника, сверен текст, подготовлены вступительная статья, подробные научные комментарии, аннотированный именной указатель.

Берхгольц Фридрих Вильгельм. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина; comment. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. – М.: Кучково поле: Ретроспектива, 2018. – 864 с.

Iskra Schwarcz (Hg.)

DIE FLUCHT DES THRONFOLGERS ALEKSEJ

Iskra Schwarcz (Hg.). Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. Krise in der “Balance of Power” und den österreichisch-russischen Beziehungen am Anfang des 18. Jahrhunderts. Vienna: LIT. 2019. 390 s.

Бегство царевича Алексея. Европейская система «политического равновесия» и русско-австрийские отношения в начале XVIII века / Под ред. И. Шварц. Вена: LIT, 2019. 390 с.

В сборнике опубликованы доклады, прозвучавшие на Международной научной конференции (Вена, 7–8 декабря 2012 г.). Ее организаторами выступили Венский университет и Институт Петра Великого (Санкт-Петербург). Обсуждались следующие темы: европейская система «политического равновесия» и Россия в дипломатических отношениях начала XVIII века; бегство царевича Алексея и разрыв дипломатических отношений между Австроией и Россией; дело Алексея и проблема наследования власти и др. В конференции приняли участие историки из России, Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии и других стран.

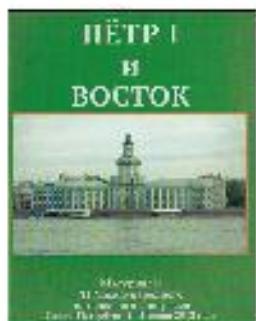

ПЕТР. ПЕРВЫЙ.

Коллекционер, исследователь, художник

Большой межмузейный выставочный проект, в котором принимают участие архивы и библиотеки, дает возможность показать Петра с не совсем привычной стороны – как первого российского коллекционера, покровителя изящных искусств и наук, представить его выдающийся вклад в становление музеиного дела в России. Каталог состоит из введения и четырех тематических разделов, включающих 7 научных статей и 232 каталожных описания.

Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. Москва, 2019. 336 с.

ПЁТР I И ВОСТОК

В сборнике публикуются статьи, подготовленные участниками XI Международного петровского конгресса «Пётр I и Восток». В Конгрессе приняли участие представители учреждений культуры и гуманитарной науки из Санкт-Петербурга, Москвы, Астрахани, Воронежа, Казани, Липецка, Махачкалы, Перми, Рязани, Саратова, Тольятти, Ярославля, а также Австрии, Германии, Дании, Италии, Франции.

Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. – Санкт-Петербург – Издательство «Европейский Дом» – 2019 – 560 с.

Л. И. Капуста

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ КУРОРТ МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ

История Карелии тесно связана с преобразованиями Петра Великого. В последние пять лет своей жизни Петр I посетил этот край четыре раза. В ходе судьбоносной Северной войны именно здесь он основал первый российский курорт Марциальные Воды. Автору книги удалось обобщить и проследить историю курорта в течение трех веков. Книга носит научно-популярный характер и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Капуста, Людмила Иосифовна. Первый российский курорт Марциальные Воды / [Капуста Людмила Иосифовна]. – Петрозаводск : Периодика, 2019. – 128 с.